

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 35

2025

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Адрес сайта журнала: <http://legallinguistics.ru/>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
Дегтярева Е.А., Калмазова Н.А. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЧИННОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)	6
Казанина Т.В., Кузнецова Е.А. ТЕРМИНЫ-НЕОЛОГИЗМЫ В СФЕРЕ ДОГОВОРНОГО ПРАВА: ЛИНГВОЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	12
Канакова А.Е. КАТЕГОРИЯ «ВИРТУАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ ГОСУДАРСТВА»: ПОНЯТИЕ И ЭЛЕМЕНТЫ	20
Юридическая герменевтика	
Маричева О.В. НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ: ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ	26
Прасолова И.А., Василенко Ю.Е. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ТРУДА В РОССИИ: ОТ ПЕРВЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ ДО СОВРЕМЕННЫХ НОРМ	32
Юридическая техника	
Глебова Е.П. ЗАКОННАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА В СОСТАВЕ ВОСПРЕпятСТВОВАНИЯ ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ (СТ. 124¹ УК РФ)	38
Кирюшина И.В. О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ ФЕЙКОВАЯ, НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ И НЕДОСТОВЕРНАЯ РЕКЛАМА	46
Филиппова Т.А., Титаренко Е.П. О ПОНЯТИИ И ПРИЗНАКАХ СЕМЕЙНОГО БИЗНЕСА (СЕМЕЙНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА) В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	51
Хужакулов С.А. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И НОРМАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)	57
Сунгатуллин А.Н. ПРИМЕРНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДИСПОЗИЦИИ Ч. 1 СТ. 150 УК РФ)	62
Правовая коммуникация	
Ковалевская И.И. ЦЕННОСТИ ДИСКУРСА ДОГОВОРНОГО ПРАВА И ИХ ТИПОЛОГИЯ	69
Мельник Н.В., Никифорова Е.В. ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ В ОФИЦИАЛЬНОМ И НЕОФИЦИАЛЬНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ И КИТАЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АКСИОЛОГЕМЫ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»)	76

Лингвоэкспертология	
Дударева Я.А. РЕРАЙТ НАУЧНОГО ТЕКСТА КАК МАТЕРИАЛ ЛИНГВОЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА НА ТОЖДЕСТВО, СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ	83
Папоян Н.П. ВЕРОЯТНЫЙ ВЫВОД СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ЕГО ОЦЕНКА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЕМ	91
Речевые правонарушения	
Стародубцева М.А. ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПУБЛИЧНОЕ ОПРАВДАНИЕ ТЕРРОРИЗМА И ПРОПАГАНДА ТЕРРОРИЗМА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ	98
Миронова А.А., Тугай Л.А. МОШЕННИЧЕСКИЙ ДИСКУРС (ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ, ДИСКУРСИВНЫЕ ЭМБЛЕМЫ, ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)	104
Язык и право	
Иркова А.В. ОЦЕНКА МЕТОДОВ АНАЛИЗА СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ ЛЕКСИКИ И ТЕКСТА	111
Рецензии. Хроника. Информация	
Рахимбердин К.Х. ПРАВО, ПРОБАЦИЯ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ: К ЮБИЛЕЮ МАКСИМА РОСТИСЛАВОВИЧА ГЕТЫ	118

CONTENTS

Language of Law	
Degtyareva E.A., Kalmazova N.A. MEANS OF EXPRESSING CAUSALITY IN RUSSIAN AND ENGLISH LEGAL TEXTS	6
Kazanina T.V., Kuznetsova E.A. NEOLOGISMS IN THE SPHERE OF CONTRACT LAW: LINGUO-LEGAL ASPECTS	12
Kanakova A.E. CATEGORY "VIRTUAL TERRITORY OF THE STATE": CONCEPT AND ELEMENTS	20
Legal hermeneutics	
Marichva O.V. THE IMPOSITION OF CRIMINAL PENALTIES FOR CRIMES COMMITTED UNDER STATE OF MARTIAL LAW: OVERVIEW OF INTERNATIONAL STANDARDS	26
Prasolova I.A., Vasilenko Yu.E. THE HISTORY OF DISTANCE WORKING DEVELOPMENT IN RUSSIA: FROM THE FIRST LEGISLATIVE INITIATIVES TO MODERN STANDARDS	32
Legal Techniques	
Glebova E.P.	38

LEGITIMATE PROFESSIONAL ACTIVITY OF A MEDICAL WORKER AS PART OF OBSTRUCTION TO MEDICAL AID (ART. 124¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)	
<i>Kiryushina I.V.</i> THE RELATIONSHIP BETWEEN FAKE, UNSCRUPULOUS AND UNRELIABLE ADVERTISING	46
<i>Philippova T.A., Titarenko E.P.</i> ON THE CONCEPT AND ATTRIBUTES OF FAMILY BUSINESS (FAMILY ENTREPRENEURSHIP) IN THE CONTEXT OF LEGAL REGULATION	51
<i>Khujakulov S.A.</i> SOCIOLINGUISTIC AND NORMATIVE-STYLISTIC METHODS OF ANALYSIS OF LEGAL TERMS (ON THE EXAMPLE OF UZBEK AND ENGLISH LANGUAGES)	57
<i>Sungatullin A.N.</i> AN APPROXIMATE LIST OF MODI OPERANDI: INSIGHT INTO TECHNICAL AND LEGAL SOLUTION (ON THE EXAMPLE OF THE DISPOSITION OF PART 1 OF ARTICLE 150 OF THE CCRF)	62
Legal Communication	
<i>Kovalevskaya I.I.</i> VALUES OF CONTRACT LAW DISCOURSE AND THEIR TYPES	69
<i>Melnik N.V., Nikiforova E.V.</i> LEGAL VALUES IN OFFICIAL AND UNOFFICIAL LEGAL DISCOURSE OF RUSSIA AND CHINA (CASE STUDY OF THE AXIOLOGEME "HISTORICAL MEMORY")	76
Linguoexpertology	
<i>Dudareva Ya.A.</i> REWRITING OF SCIENTIFIC TEXT AS A CASE STUDY FOR LINGUISTIC EXPERT ANALYSIS FOR IDENTITY, SIMILARITY AND DIFFERENCE	83
<i>Papoyan N.P.</i> FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE: EVALUATION OF PROBABLE CONCLUSION	91
Speech Offenses	
<i>Starodubtseva M.A.</i> PUBLIC CALLS FOR COMMITTING ACTS OF TERRORISM, PUBLIC JUSTIFICATION OF TERRORISM AND PROPAGANDA OF TERRORISM: CORRELATION OF THE CONCEPTS	98
<i>Mironova A.A., Tugai L.A.</i> DISCOURSE OF FRAUD (DISCURSIVE PERSONALITY, DISCURSIVE EMBLEMS, CHARACTERISTICS OF DISCOURSE OF FRAUD)	104
Language and law	
<i>Irkova A.V.</i> EVALUATION OF METHODS FOR ANALYZING SEMANTIC AMBIGUITY OF VOCABULARY AND TEXT	111
Reviews. Chronicle. Information	
<i>Rakhimberdin K.Kh.</i> LAW, PROBATION, JUSTICE: IN HONOR OF MAKSIM ROSTISLAVOVICH GETA	118

Средства выражения причинности в юридическом тексте (на материале русского и английского языков)

Е. А. Дегтярева¹, Н. А. Калмазова²

¹*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская, 9 с. 1, 125993, Москва, Россия. E-mail: katerina742003@mail.ru*

²*Российский университет дружбы народов
Миклухо-Маклая, 6, 117198, Москва, Россия. E-mail: kalmazovana@gmail.com*

Исследование посвящено способам выражения причинности в юридических текстах на русском и английском языках. Для юридического текста характерно использование различных средств, оформляющих логические связи. Высокой частотностью употребления обладают структуры со значением причины. Источниками исследования послужили тексты, относящиеся к научно-учебному подстилю (учебники по гражданскому процессу). Был проведен анализ лексических и грамматических средств выражения причинности в указанных языках. Рассмотрены служебные и знаменательные слова со значением причины, имеющие наиболее высокую частотность употребления в юридическом тексте. В указанных языках в категории знаменательных слов самыми распространенными являются каузативные глаголы. Как в русском, так и в английском языках существительные, выражающие причинные отношения, встречаются реже. Служебные слова с причинной семантикой в русском языке – это производные предлоги и союзы, в английском языке в первую очередь это союзы и предлоги. Для обозначения причинно-следственных связей используются также неличные формы глагола: деепричастия в русском языке, герундий – в английском языке. В указанных языках одним из средств выражения причинности являются устойчивые словосочетания. Выявлены языковые средства, необходимые для выражения значения следствия. Кроме собственно-причинных сложноподчиненных предложений были проанализированы сложноподчиненные предложения с синкретичным значением. В основном это причинно-изъяснительные и причинно-условные предложения. Частотность употребления того или иного средства выражения причинности зависит от конкретного языка. В результате исследования установлено, что наиболее распространенным средством выражения причинно-следственных отношений в русскоязычном юридическом тексте являются предложные конструкции, в то же время в англоязычном юридическом тексте – сложноподчиненные предложения с придаточными предложениями причины.

Ключевые слова: причинность, каузативная семантика, предложные конструкции, придаточные предложения, синкретизм.

Means of Expressing Causality in Russian and English Legal Texts

E. A. Degtyareva¹, N. A. Kalmazova²

¹*Kutafin Moscow State Law University
9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., 125993, Moscow, Russia. E-mail: katerina742003@mail.ru*

²*RUDN University
6 Miklukho-Maklaja str., 117198, Moscow, Russia. E-mail: kalmazovana@gmail.com*

The article concentrates on the study of means of expressing causality in Russian and English legal texts. Legal texts are characterized by the use of different means which serve logical cohesion. Structures with semantics of reason are frequently employed. The sources for the research are Russian and English textbooks on Civil Procedure. Aanalysis of the lexical and grammatical means of expressing causality in Russian and English has been carried out. The article considers functional words and notional words with causative meaning. In both languages the category of notional words with causative meaning is represented mostly by verbs. Nouns with causative semantics are used less often. Function words denoting causality in Russian include derivative prepositions and conjunctions. In English function words include conjunctions and less frequently – prepositions. The paper also examines non-finite verbs expressing causal relationship: adverbial participles in Russian and

gerunds in English. Set phrases are registered as a means of expressing causality too. The means of expressing effect have been singled out. Apart from complex sentences with subordinates of cause there also exist complex sentences with syncretic meaning of cause. They are mostly sentences expressing both cause and explanation or cause and condition. The frequency of use of particular means with causative meaning depends on a particular language. Prepositional constructions with causal meaning are typical of Russian legal texts, while complex sentences with adverbial clauses of reason are common in Legal English.

Key words: causality, causative meaning, prepositional constructions, subordinate clauses, syncretism.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью рассмотрения языковых единиц, выражающих категорию казуальности. В исследованиях отмечается, что для юридического текста характерна высокая частотность употребления логических структур со значением причины [Алексеева, 2004: 217]. Изучению способов выражения причинности в художественном и научном текстах посвящены работы многих современных лингвистов. Однако оказываются недостаточно исследованными способы выражения причинности, типичные для оформления логических связей в юридических текстах. **Цель** данной работы – выявить как лексические, так и синтаксические средства выражения причинности в юридических текстах на русском и английском языках.

Указанная цель исследования требует решения следующих **задач**:

- дать всестороннее описание структур с семантикой причины в русскоязычных и англоязычных юридических текстах;
- установить наиболее продуктивные средства выражения причины;
- сопоставить способы выражения причины в русскоязычных и англоязычных юридических текстах.

Материалом для исследования послужили публикации, относящиеся к научно-учебному подстилю, на русском языке [Гражданский процесс 2015: 14-116 [Гражданский процесс 2022: 114-124] и английском языке [Hazard 1993: 1-99]. Было проанализировано 350 случаев использования причинных конструкций в юридических текстах на русском языке и 165 примеров – в англоязычных юридических текстах.

Для проведения анализа использовались следующие **методы исследования**: метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный метод, контекстуальный анализ выделенных средств, количественный анализ языковых фактов.

Решение поставленных задач стало возможным благодаря **теоретической базе**, представленной публикациями, в которых рассматриваются вопросы дефиниции категории причинности [Ивин, Никитина 2025], доминирующих системных признаков юридического текста [Алексеева 2004], казуальности и каузативности в языке [Баклагова URL], знаменательной лексики со значением причины [Филимонова 2016], семантических особенностей производных предлогов причины [Шмыкалова 2015; Гун Цзинсун, 2016], употребления причинно-следственных предложений [Дружинина 2010], способов выражения причины [Заика 2019], грамматических средств выражения причины [Калятин 2020], понятия синкретизма [Архипова, Шустова 2019].

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе способов выражения причины в русскоязычных и англоязычных юридических текстах.

Практическая значимость исследования заключается в том, что настоящий материал можно использовать в юридических вузах в процессе преподавания дисциплин «Английский язык в сфере юриспруденции» и «Перевод в сфере юриспруденции». Данные исследования могут также использоваться при создании учебных пособий для практического курса английского юридического языка и курса профессионально-ориентированного перевода.

Результаты и обсуждение

«ПРИЧИННОСТЬ (каузальность; от лат. causa – причина) – определенное внутреннее отношение между явлениями, такая их связь, при которой всякий раз за одним следует другое. Причина – это явление, вызывающее к жизни др. явление; результат действия причины – следствие» [Ивин, Никитина 2025: 8].

Однако причинность – не только важное философское понятие. Как отметила Ю. В. Баклагова: «Причинность наряду с другими философскими категориями имеет место в каждой науке и каждом предмете познания» [Баклагова URL].

В юриспруденции причинность и причинно-следственная связь как условие ответственности являются предметом многочисленных научных исследований. Принцип учета причинно-следственных связей является также одним из основных принципов законотворчества. Вопрос определения причинно-следственной связи является важным и для правоприменения.

Причинность в языке может выражаться с помощью как знаменательных, так и служебных слов.

Анализ юридических текстов как на русском, так и на английском языках указывает на наличие определенного количества знаменательных слов, выражающих причинно-следственные отношения. В юридических текстах часто встречаются существительные с каузативным значением: **причина, основание, мотив, следствие**; в английском языке – **cause, reason, basis**:

К числу общих предпосылок данная предпосылка не может быть отнесена в первую очередь по причине иных процессуальных последствий, которые влечет ее отсутствие (Филиппов 2022: 154).

Так, отказ от иска или заключение мирового соглашения в суде апелляционной инстанции является **основанием** к отмене состоявшегося судебного решения и к прекращению производства по делу (ст. 326, 326 ГПК) (Блажеев, Уксусова 2015: 23).

*These legal problems – land and violence – were closely related: disputes over land were a principal **cause** of violence, and use of violence was a means by which local magnates often tried to settle disputes over land* (Hazard 1993: 7).

*The form of action was also the **basis** for summoning the defendant to respond, for auxiliary remedies such as attachment, and for ultimate enforcement of the judgment* (Hazard 1993: 10).

Более высокой частотностью употребления в языке права обладают глаголы с причинным значением. Мы будем анализировать глаголы, которые обладают семантикой причинности, причины и следствия. Эта группа представлена в указанных источниках следующими глаголами: **порождать, вести к, приводит к, вызывать, повлечь**. Авторы отмечают: «Из всех частей речи именно глагол выражает действие, а причинность в сознании человека очень прочно связана как раз с действием, точнее, с результативным воздействием субъекта на объект» [Филимонова URL].

*Совокупность и последовательность процессуальных действий **вызывает** постоянное развитие гражданских процессуальных отношений, обеспечивает движение процесса и его переход из стадии в стадию* (Блажеев, Уксусова 2015: 99).

*Введение в ГПК этой статьи делает судебную практику единообразной, **приводит к** более быстрому принятию заявлений судом, уменьшает возможности субъективного усмотрения судом* (Филиппов 2022: 165).

В сравнении с исследуемыми источниками на русском языке английский язык представлен большим количеством глаголов со значением причины. К данной группе относятся следующие глаголы: **to arise from, to bring about, to cause, to derive from, to entail, to generate, to give rise to, to lead to, to result in, to result from**.

*It **caused** much difficulty, chiefly because it required that federal civil litigation vary in its procedural aspects from one state to another* (Hazard 1993: 27).

*In addition to attorneys' fees, litigation **entails** other expenses, including the support service already mentioned – law office staff, paralegals, experts, and so forth* (Hazard 1993: 98).

Служебные слова с каузативной семантикой представлены в основном производными предлогами, которые характерны для научного стиля (*ввиду, в связи с, в силу, вследствие, по причине, согласно, под влиянием, в соответствии с*), а также подчинительными союзами (*потому что, так как, поскольку*).

*В то же время нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что **в силу** ряда объективных и субъективных причин многие гражданские дела откладываются слушанием, а порой и неоднократно* (Блажеев, Уксусова 2015: 92).

Ввиду множественности в использовании термина «иск» единой и общепринятой точки зрения по данному вопросу в научной литературе до сих пор не выработано (Филиппов 2022: 151).

В английском языке права используются такие предлоги с причинным значением, как *because of, through, for*.

*In some courts, however, judges can be elected whose qualifications are that they have been admitted to practice law and that their names are familiar to the electorate, for example, **because of** family involvement in politics* (Hazard 1993: 68).

*Sometimes popular sentiment plays a direct part **through** organized protest campaigns* (Hazard 1993: 66).

*The effect of the modern American rule concerning party testimony is enormous, for it makes possible the prosecution of many kinds of claims that would otherwise fail **for** lack of evidence* (Hazard 1993: 83).

Поскольку основу законодательства Российской Федерации составляют Конституция, законы, кодексы и нормативные правовые акты, в цитируемых источниках содержатся ссылки на данные документы.

В результате предложные формы с производными предлогами: *в соответствии, согласно, на основании, на основе, в силу, соответственно, вследствие, в связи, ввиду, исходя из* являются самыми распространенными средствами с причинной семантикой в русскоязычных юридических текстах.

Отмечается, что внутренняя форма производных предлогов *в соответствии, согласно* выражает идею согласованности, соответствия друг другу событий, которые предстают как причина и следствие [Гун Цзинсун 2016: 87].

Производные предлоги *в силу, в соответствии с* используются для выражения действий, которые должны совпадать с требованиями тех или иных документов.

Нельзя не согласиться и с автором исследования параллельно функционирующих именных конструкций *в этой связи и по этой причине*, составляющих друг другу конкуренцию. Большую активность в речи проявляет вариант *в этой связи*, что обусловлено более широкой семантикой базового существительного [Шмыкалова 2015: 183].

В указанных нами источниках, несмотря на высокую частотность употребления существительного *причина*, конструкции со словом *связь* (*в этой связи, в связи с, в связи с этим*) встречается гораздо чаще, чем конструкция *по причине*.

В отличие от российской законодательной системы в английском праве действия связаны скорее с обычаями, чем с писанным законом или договором. Отсюда и ссылки на традиции и обычаи. Средствами выражения причины в этих случаях выступают предложные конструкции с предлогом **by**.

***By customary practice**, the lawyer is a contingent-fee arrangement also pays auxiliary litigation expenses, such as discovery costs and expert witness fees* (Hazard 1993: 97)

***By tradition**, the Senate influences the nomination of lower federal court judges as well as their confirmation* (Hazard 1993: 65).

В анализируемом англоязычном источнике встречаются идиомы с семантикой причины, например **by the same token** со значением **по той же причине** (***By the same token**, the judge's voice is that of the public corporate entity*) (Hazard

1993: 7); **with good reason** в значении **с полным на то основанием** (*A big case is often likened to a theatrical production, and with good reason*) (Hazard 1993: 96).

В указанных источниках на русском языке авторы также прибегают к использованию устойчивых оборотов.

Под влиянием принципа диспозитивности развивается и производство, связанное с исполнением судебных постановлений и постановлений других органов (Блажеев, Уксусова 2015: 78).

Данное устойчивое сочетание используется для указания на явление, которое приводит к появлению другого явления.

Казуальные отношения выражаются также с помощью неличных форм глагола. В цитируемых русскоязычных источниках это деепричастные обороты, указывающие на действия подлежащего:

Между тем иногда сторона, стремясь затянуть процесс, не является в суд (Блажеев, Уксусова 2015: 113).

Решив все вынесенные в предварительном заседании вопросы и придя к выводу о готовности дела, судья назначает его к судебному разбирательству (ст. 153 ГПК) (Филиппов 2022: 182).

Во втором примере явно просматривается временная последовательность действий, которая характерна для причинных конструкций: действие в деепричастном обороте предшествует действию в главном предложении.

В англоязычном юридическом тексте средством выражения причины может выступать герундий, обычно вводимый предлогом:

Everyone knows a policeman can be sued for beating up someone unjustifiably... (Hazard 1993: 33).

Встречаются также примеры использования самостоятельного причастного оборота для выражения причины:

In civil law litigation most evidence of this kind would be irrelevant, the court being concerned only with the formal nature of the parties' relationship, whether contractual or otherwise (Hazard 1993: 85).

Существуют различные классификации грамматических средств реализации категории причины.

Отдельные авторы выделяют два вида средств выражения причины: «Двумя основными способами выражения причины в языках являются:

1. Полипредикативные причинные конструкции: (1) *На улице стало грязно, потому что прошел дождь.*
2. Монопредикативные конструкции причины. *'She cried very much because of him'. «А сколько я из-за него работы пропустила!»* [Заика 9].

В нашей работе этим терминам соответствуют традиционные грамматические термины *предложные конструкции* и *придаточные предложения причины*. Необходимо подчеркнуть, что частотность употребления определенных видов причинных конструкций зависит от конкретного языка. В исследованиях отмечается: «...в русском научном тексте XXI века придаточные предложения причины являются нераспространенными конституентами поля причины» [Калятин 2020: 137].

В цитируемых нами источниках самую высокую частотность демонстрируют предложные конструкции (всего 145 случаев употребления):

В соответствии со ст. 11 ГК защита гражданских прав осуществляется в административном порядке лишь в случаях, предусмотренных законом (Блажеев, Уксусова 2015: 16).

Можно также привести примеры использования непроизводных предлогов для передачи причинных отношений.

Например, предлоги **за, по, с** используются при указании причины, по которой происходит действие.

Кроме того, стороны **по** своему волеизъявлению могут существенно ограничить пределы познания судом обстоятельств дела путем признания определенного факта или фактов (Блажеев, Уксусова 2015: 85).

За отказ от дачи показаний по основаниям, не предусмотренным законом, а также **за** дачу заведомо ложного показания, свидетель несет ответственность **по** уголовному законодательству РФ (ст. 307 УК) (Филиппов 2022: 117).

С принятием Федерального закона от 6 апреля 2011 г. №63-ФЗ «Об электронной подписи» законодатель отказался от использования термина «электронная цифровая подпись» (Филиппов 2022: 120).

В то же время сложноподчиненные предложения со значением причины встречаются гораздо реже – всего 45 случаев употребления. Средствами связи в данных предложениях служат союзы *поскольку, потому что, поэтому*, реже – *так как*.

Поскольку процессуальное правоотношение динамично, процессуальные права и обязанности суда и других участников процесса возникают постепенно, сменяя друг друга (Блажеев, Уксусова 2015: 99).

В английском языке права ситуация иная: в цитируемом источнике зарегистрировано в два раза больше сложноподчиненных предложений, чем предложных сочетаний.

Прежде чем обсуждать виды сложноподчиненных предложений причины, необходимо отметить, что в английском языке в значении причины используются два слова *reason* и *cause*. Между указанными словами существуют семантические различия: слово *reason* обозначает *a fact, situation or intention that explains why something happened, why somebody did something, or why something is true* (Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, 2007: 1236), в то время как слово *cause* обозначает *event, thing or person that makes something happen* (Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, 2007: 227).

Кроме того, слово *reason* является родовым понятием (superordinate term), то есть обладает обобщающим значением. Придаточные предложения причины в целом называются *adverbial clauses of reason*, а когда идет речь о придаточном предложении, выражающем, например, причинно-следственные отношения, используется слово *cause: cause and effect relationship*.

Для выражения причинно-следственных отношений в русском языке используются союзы *так как, потому что, поэтому*, производный предлог *вследствие*, вводное слово *следовательно*. Следует отметить, что слова *потому*,

вследствие, следовательно могут находиться в середине сложноподчиненного предложения или стоять в начале предложения, выражающего следствие действия, причина которого указана в предыдущем предложении:

...состязательная модель гражданского процесса определяет содержание совершаемых процессуальных действий, поэтому подготовка дела к судебному разбирательству в состязательном процессе является деятельностью не только суда, но и лиц, участвующих в деле (Филиппов 2022: 176).

Так, в суде первой инстанции центральной задачей является разрешение дела. Поэтому основные полномочия суда направлены на установление истины по делу и вынесение законного и обоснованного решения (Блажеев, Уксусова 2020: 103).

Аналогичная ситуация прослеживается и в английском юридическом тексте. Для выражения причинно-следственных отношений используются наречия *hence* – 22 случая употребления, *therefore* – 15, *accordingly* – 6:

These decisions were considered authoritative for the future and therefore in subsequent actions were treated as definitive legal interpretations (Hazard 1993: 39).

In these circumstances, others had a right to expect the driver would drive more slowly and carefully. Therefore, the plaintiff should be entitled to recover compensation (Hazard 1993: 79).

Кроме собственно-причинных сложноподчиненных предложений выделяются различные типы сложноподчиненных предложений с синкретичным значением причины. Для определения понятия «синкретизм» будем использовать следующую формулировку: «...явление синкретизма характеризуется многомерностью и гетерогенностью и трактуется в современных лингвистических исследованиях как совмещение, синтез или объединение двух и более дифференциальных значений в одной языковой форме» [Архипова, Трофимова URL].

Самыми распространенными сложноподчиненными предложениями с синкретичным значением причины в юридической литературе являются причинно-изъяснительные и причинно-условные предложения:

Это правильно, ибо делает судебную практику стабильнее (Филиппов 2022: 154). В данном предложении присутствуют значения причины и изъяснения.

В нижеприведенных примерах прослеживаются причинные и условные компоненты семантики.

Так, если участник гражданского процесса не владеет языком, на котором ведется судопроизводство, в дело будет привлечен переводчик (ч. 2 ст. 9 ГПК) (Блажеев, Уксусова 2015: 102).

If the transaction itself involved an aspect that was governed by federal law, the courts of both states would be obliged to apply the federal law (Hazard 1993: 37).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в данном материале представлены различные носители причинной семантики. Исследование является важным для определения языковой реализации причинных отношений. Изучение лексических и грамматических единиц со значением причинности позволяет выявить множество структур, типичных для юрисдикционного подстиля официально-делового стиля речи русского и английского языков.

Литература

Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. СПб, 2005.

Архипова И. В., Шустова С. В. Межкатегориальное взаимодействие в функциональной грамматике: монография. Пермь, 2021. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/arhipova-shustova-mezhkatégorialnoe-vzaimodejstvie-v-funkcionalnoj-grammatike.pdf>

Баклагова Ю. В. К вопросу о каузальности и каузативности в системе языка / Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. - 2008. - №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kauzalnosti-i-kauzativnosti-v-sisteme-yazyka>

Ветчинова Т. С. Изменения в системе сложного предложения функционально-семантического поля причины в языке русской лирики XIX-XX веков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Орел, 2009.

Гун Цзинсун. Семантические особенности производных предлогов в современном русском языке / Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2016. - № 9(63): в 3-х ч. - Ч. 2. - С. 84-88.

Ивин А. А., Никитина И. П. Философия науки: уч. пос. М., 2025.

Заика Н. М. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей / Вопросы языкознания. - 2019. - № 4. С. 7-32

Калятин И. С. Анализ грамматических средств выражения причины в немецком, итальянском и русском научном тексте XXI века / Litera. - 2020. - № 8. - С. 127-143. - URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33476

Шмыкалова И. А. Производные предлоги в связи с, по причине и их текстовые парадигмы в аспекте речевой конкуренции: дисс. ... к. филол. н. Нижний Новгород, 2015.

Филимонова Н. Г. Каузальность и знаменательная лексика в английском языке / Современные научные исследования и инновации. 2016. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/04/67036> (дата обращения: 23.12.2024).

Источники иллюстративных материалов

Гражданский процесс: учебник для бакалавров/отв. ред. В. В. Блажеев, Е. Е. Уксусова. М., 2015.

Гражданский процесс: учебник / под ред. П. М. Филиппова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2022.

Hazard, Geoffrey C. *American Civil Procedure*/ Geoffrey C. Hazard, Michele Taruffo. 1993.
Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, 2007.

References

- Alekseeva, I. S. (2005). *Professional Training of a Translator*. Saint Petersburg (in Russian).
- Arkhipova, I. V. , Shustova, S. V. (2021). *Intercategorical Interaction in Functional Grammar: a monograph*. Perm. Available from: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/arhipova-shustova-mezhkategorialnoe-vzaimodejstvie-v-funktionalnoj-grammatike.pdf> (in Russian).
- Baklagova, Yu. V. (2008). *To the Issue of Causality and Causativity in a Language System*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kauzalnosti-i-kauzativnosti-v-sisteme-yazyka> (in Russian).
- Filimonova, N. G. (2016). *Causality and Content Words in the English Language*. *Modern Research and Innovations*. Available from: <https://web.snauka.ru/issues/2016/04/67036> (in Russian).
- Gong Jingsong. (2016). *Semantic features of derived prepositions in Modern Russian*. *Philology. Theory and Practice*, 9(63): 2, 84 – 88 (in Russian).
- Ivin, A. A., Nikitina, I. P. (2025). *The Philosophy of Science*. Moscow (in Russian).
- Kalyatin, I. S. (2020). *The Analysis of Grammar Means of Expressing Cause in German, Italian, and Russian Scientific Texts of the 21st Century*. Available from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33476 (in Russian).
- Shmykalova, I. A. (2015). *Derived Prepositions in connection with, by reason of and their text paradigms in the Aspect of Speech Competition: dissertation*. Nizhny Novgorod (in Russian).
- Vetchinova, T. S. (2009). *Changes in the Semantic Field of Reason in the System of a complex sentence in Russian Lyrics of the 19th-20th Centuries: dissertation*. Orel (in Russian).
- Zaika, N. M. (2019). *Polypredicative reason constructions in the world's languages: Typological parameters*. *Issues of Linguistics*. 4: 7–32 (in Russian).

Sources of Illustrative Material

- Civil Procedure* (2015) Chief Editors Blazheev V.V., Uksusova E.E. Moscow (in Russian).
- Civil Procedure* (2022). Edited by Filippov P.M. Moscow (in Russian).
- Hazard, Geoffrey C. *American Civil Procedure*/ Geoffrey C. Hazard, Michele Taruffo. 1993.
Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, 2007.

Citation:

Дегтярева Е. А., Калмазова Н. А. Средства выражения причинности в юридическом тексте (на материале русского и английского языков) // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 6-11.

Degtyareva E. A., Kalmazova N. A. (2025) *Means of Expressing Causality in Russian and English Legal Texts*. *Legal Linguistics*, 35, 6-11.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Термины-неологизмы в сфере договорного права: лингвоюридические аспекты

Т. В. Казанина¹, Е. А. Кузнецова²

Российская таможенная академия

*Комсомольский проспект, 4, 140015, Люберцы, Россия. E-mail: ¹dogovor500@yandex.ru,
²kkatya0203@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию семантических, структурных и функциональных особенностей терминов-неологизмов, используемых в сфере договорного права для обозначения различных видов платежей и аренды транспортных средств. Стремительное развитие техники и технологий обусловило появление новых форм реализации договорных правоотношений. Причем номинация этих форм осуществляется за счет заимствованных терминов. В статье предпринята попытка провести лингвоюридический анализ некоторых широко используемых в повседневной деятельности граждан англоязычных терминов: кешбэк, аннуитетный платеж, каршеринг, кикшеринг, байкшеринг, скутершеринг, райдшеринг. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы и приемы (сравнение, описание, классификация и другие), а также методы структурно-семантического анализа (компонентный и дистрибутивный анализ), контекстуального анализа, дефиниционного анализа. Источниками языкового материала послужили тексты нормативных правовых актов, документы судебной практики, научные труды в области языкознания и юриспруденции, публикации в средствах массовой информации, справочная литература. Представлены примеры языковой реализации терминов-неологизмов в текстах официально-делового и научного стиля. Выявлено, что рассмотренные неологизмы имеют значительный деривационный потенциал – на их основе происходит образование составных терминологических единиц. Проанализированы возможности замены кратких иноязычных терминов конструкциями сложной аналитической структуры и оценена целесообразность подобных преобразований. Сделаны выводы о необходимости принятия на государственном уровне мер, направленных на регулирование процесса употребления иноязычной лексики, а также о том, что дальнейшее развитие языка гражданского закона в сфере договорных отношений связано с кодификацией в законодательстве терминов-неологизмов, номинирующих различные виды платежей и аренды.

Ключевые слова: гражданское законодательство, термины, дефиниции, заимствованная лексика, неологизмы.

Neologisms in the Sphere of Contract law: Linguo-Legal Aspects

T. V. Kazanina¹, E. A. Kuznetsova²

Russian Customs Academy

14 Komsomolskiy str., 140015, Lyubertsy, Russia. E-mail: ¹dogovor500@yandex.ru, ²kkatya0203@yandex.ru

The article covers the study of semantic, structural and functional features of neologism terms used in contract law to denote various types of payments and lease of vehicles. The rapid development of technology and engineering has led to the emergence of new forms of implementation of contractual legal relations. Moreover, the nomination of these forms is carried out through borrowed terms. The article attempts to conduct a linguistic and legal analysis of some English-language terms widely used in everyday life of citizens: cash back, annuity payment, car sharing, kick sharing, bike sharing, scooter sharing, ride sharing. The methodological basis of the study is represented by general scientific methods and techniques (comparison, description, classification, etc.), as well as methods of structural and semantic analysis (component and distribution analysis), contextual analysis, definitional analysis. The sources of language material are the texts of regulatory legal acts, documents of judicial practice, scientific works in the field of linguistics and jurisprudence, publications in the media, reference literature. Examples of linguistic implementation of neologism terms in official business and scientific style texts are presented. It is revealed that the considered neologisms have significant derivational potential - compound terminological units are formed on their basis. The possibilities of replacing short foreign-language terms with constructions of a complex analytical structure are analyzed and the expediency of such transformations is assessed. Conclusions are

made about the need to adopt measures at the state level aiming at regulating the process of using foreign-language vocabulary, as well as that further development of the language of civil law in the sphere of contractual relations should be linked with the codification in legislation of neologism terms denominating various types of payments and rent.

Key words: civil legislation, terms, definitions, borrowed vocabulary, neologisms.

За последние тридцать лет русский язык существенно изменился и расширился во многом благодаря проникновению в него заимствованной лексики. Большинство исследователей рассматривают заимствование как закономерное явление. Н. М. Шанский отмечает, что «нет на Земле такого языка, который был бы совершенно свободен от иноязычных влияний» [Шанский 2007: 96]. Л. П. Крысин считает, что не настолько значимо происхождение слова, «насколько хорошо выражает оно нужный смысл и насколько понятно собеседнику. Если двум этим целям успешно служит иноязычное слово, его употребление естественно необходимо» [Крысин 1994: 63].

Заимствование иноязычной лексики русским языком происходило на всех этапах исторического развития. Наиболее интенсивно данный процесс проявился на рубеже XX–XXI столетий. На это повлияли преимущественно экстралингвистические факторы: более раннее развитие за рубежом техники, технологий, явлений в сфере экономики и других областях, их повсеместное распространение и доступность, открытие границ, международная торговля, туризм и т. п. Причем тенденция к заимствованию англоязычной лексики усиливается.

Активные заимствования в русский язык иноязычной лексики и порой ее неуместное употребление не только в СМИ и разговорной речи, но и в ситуациях официального делового общения ставят вопрос о необходимости нормализации этой языковой сферы. В связи с обострившейся внешнеполитической обстановкой данная проблема стала настолько острой, что о путях ее решения задумались на государственном уровне.

Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определен термин «традиционные ценности», под которыми понимаются «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». Очевидно, что формирование и поддержание на должном уровне указанных нравственных ориентиров невозможно без проведения соответствующей языковой политики.

В связи с этим в «Плане мероприятий по реализации в 2024–2026 гг. Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденном распоряжением Правительства Российской Федерации от 01.07.2024 № 1734-р, содержатся разделы, непосредственно посвященные русскому языку: XII «Защита и поддержка русского языка как языка государствообразующего народа, обеспечение соблюдения норм современного русского литературного языка (в том числе недопущение использования нецензурной лексики)» и XIII «Защита от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия, пресечение деятельности, направленной на разрушение традиционных ценностей в России, и противодействие излишнему использованию иностранной лексики». В контексте настоящего исследования особый интерес представляет п. 127 «Определение критериев излишнего использования иностранной лексики». Срок реализации указанного пункта – первый квартал 2025 г., ответственные исполнители: Минпросвещения России, Минобрнауки России, Минкультуры России, заинтересованные федеральные органы исполнительной власти.

По всей вероятности, последуют соответствующие языковые реформы. Однако на данный момент очевидным остается факт, что заимствованная лексика неконтролируемо используется во всех областях жизни общества, в том числе для номинации новых реалий в сфере гражданско-правовых отношений.

В сложившихся условиях изучение терминов-неологизмов иноязычного происхождения приобретает особую актуальность. Для понимания состояния русского языка и направлений его дальнейшего изменения считаем необходимым провести анализ некоторых наиболее распространенных терминов сферы договорных правоотношений и их структурно-семантических модификаций в русском языке.

Термины-неологизмы в сфере платежей. Англоязычный термин «кешбэк» (от англ. cashback) в последние годы получил широкое распространение в интернет-торговле, банковской деятельности и иных областях. Термин образован способом словосложения двух основ: cash – наличные и back – назад, возврат; дословно – «возврат наличных». Исследователи отмечают, что «сложные однословные термины являются наиболее частотной моделью образования новых терминов в английском языке» [Мурдускина 2017: 125]. При переводе применен прием транслитерации.

Для уточнения семантики термина «кешбэк» рассмотрим схему его реализации:

– клиент оплачивает продавцу розничную цену (при этом могут учитываться любые обычные скидки и акции, объявленные продавцом);

– часть стоимости покупки (бонус) клиенту возвращает другое лицо – не продавец, а аффилиат (в рамках статьи не рассматривается термин «аффилиат» с учетом заявленных рамок исследования), обеспечивающий продавцу приток покупателей;

– источник кешбэка – комиссионные, выплачиваемые продавцом аффилиату за каждого покупателя; указанными комиссионными владельцы кешбэк-сайтов делятся с покупателями, стимулируя их приобретать товары и услуги на своем портале.

Термин номинирует и заработок на покупках или услугах, и разновидности бонусных программ, и бонусные баллы за пользование клиентами услугами принципала. Возврат части расходов за покупки, оплаченные картой, осуществляется в основном в безналичной форме. Могут возвращать не только деньги, но и специальные бонусы или мили, которые затем можно обменять на рубли или на другие покупки.

В юридическом смысле кешбэк – один из способов расширения бизнеса путем привлечения новых и сохранения имеющихся клиентов.

Однако, несмотря на распространенность в финансовой, преимущественно банковской, сфере, в законодательстве указанный термин отсутствует. Зафиксированы случаи его использования в ненормативных актах. Так, например, в письме Минфина России от 09.12.2021 № 03-11-11/100176 дано следующее разъяснение: «...учитывая, что суммы „кешбэка“, полученные от банка на расчетный счет индивидуального предпринимателя, не предусмотрены в статье 251 Кодекса, на основании статьи 250 Кодекса указанные суммы учитываются при определении объекта налогообложения по налогу, уплачиваемому в связи с применением УСН, в составе внереализационных доходов налогоплательщика».

В письме Банка России от 11.03.2024 № 12-4-2/1643 «О применении статьи 7.2 Федерального закона № 115-ФЗ» указано, что «...Операция СБП С2В выполняется по Сценарию „Возврат кешбэка“...».

В «Методических рекомендациях по вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки в 2022 году (за отчетный 2021 год)», утвержденных Минтрудом России, дано следующее разъяснение: «123. К цифровой валюте не относятся бонусные баллы, бонусы на накопительных дисконтных картах, начисленные банками и иными организациями за пользование их услугами, в том числе в виде денежных средств („кешбэк сервис“»).

В связи с широким использованием кешбэка гражданами в отношении данной категории уже сформировалась судебная практика. Приведем ряд примеров: «...указанная сумма проходит как транзакция по карте из магазина Лента, что подтверждает общий оборот денежной суммы по карте в условиях выплаты кешбэка» (определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.04.2024 № 88-7293/2024 по делу № 2-4059/2023); «...не свидетельствует о признании им факта оплаты викторины за счет кэшбэка... Списание ответчиком накопленных на абонентском номере истца бонусных единиц кэшбэка в счет участия его в викторине „Правда или Ложь“...» (определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 04.09.2023 № 88-16356/2023 по делу № 2-3730/2022).

Продуктивна сочетаемость термина «кешбэк» как зависимого слова в форме родительного падежа с существительными. С нашей точки зрения, не совсем корректно звучит название сценария «Возврат кешбэка». Ведь кешбэк означает «возврат денег» и, следовательно, это «возврат возвращенных денег», т. е. налицо явление тавтологии, хотя смысл при этом не искажается.

Рассматриваемый термин является родовым по отношению к терминам, номинирующим разновидности кешбэка.

В период пандемии появился термин «туристический кешбэк», когда в целях повышения доступности внутренних туристических поездок Правительством Российской Федерации была введена программа, в рамках которой туристам, оплачивающим банковской картой «Мир» туристические поездки по России, возмещалась часть стоимости путевки за счет средств акционерного общества «Национальная система платежных карт». Однако в актах Правительства Российской Федерации такой термин не используется (см., например: п. 1 распоряжения Правительства Российской Федерации от 18.07.2020 № 1876-р (ред. от 07.12.2020) «О выделении бюджетных ассигнований в целях предоставления в 2020 году субсидии акционерному обществу „Национальная система платежных карт“ на стимулирование доступных внутренних туристических поездок через возмещение части стоимости оплаченной туристской услуги»; п. 1, 5, 7 постановления Правительства Российской Федерации от 10.08.2020 № 1200 (ред. от 18.08.2022) «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидии акционерному обществу „Национальная система платежных карт“ на стимулирование доступных внутренних туристических поездок через возмещение части стоимости оплаченной туристской услуги»).

В тот же период Правительство Российской Федерации стало субсидировать детский отдых, и в речевой оборот вошел термин «детский кешбэк»: «В 2022 году продолжается программа кешбэка на детский отдых в лагерях, которая способствует повышенному спросу на путевки» [Козырева 2022: 26–35].

В составных терминах «туристический кешбэк», «детский кешбэк» кешбэк выступает в качестве опорного терминоэлемента.

Деривационный потенциал термина «кешбэк» реализуется в сложных существительных, например: «кешбэк-сервис», «кешбэк-сайт».

Наличие в обществе проблемы употребления заимствований обуславливает необходимость поиска их русскоязычных эквивалентов. Так, на первый взгляд, термин «кешбэк» легко заменить более привычным по звучанию словосочетанием «возврат денег». Однако, как уже отмечалось, кешбэк подразумевает возврат не только денег, но и миль, бонусов и т. п., и цель уйти от заимствования полностью не достигается.

Сложно прогнозировать, по какому пути последует законодатель при кодификации данного термина. Замена его возможна только составным термином, что, с одной стороны, противоречит желаемому принципу краткости термина, а с другой – позволяет неспециалистам в банковской сфере составить развернутое представление об объекте номинации (это немаловажно, учитывая интерес граждан к возврату денежных средств в какой бы то ни было форме) без обращения к дефиниции. Однако в ситуациях полуофициального делового общения и разговорной речи, скорее всего, сохранится привычная форма «кешбэк».

На законодательном уровне, на наш взгляд, следует ограничить хаотичное образование и распространение в русском языке производных от иноязычных терминов слов, графическая форма и звучание которых представляются весьма абсурдными. Например, на портале «Новое в русской лексике» зафиксирован глагол «кешбэчить, чу, чишь, несов., неперех.» с пометой «разг.» – «возвращать деньги на счет за покупки и финансовые операции», а также пример языковой реализации: «В целом LetyShops – большой и надежный кешбэк-сервис, в котором выгодно и просто можно кешбэчить. *Витрина [opsmart.ru] 10.03.2018*» [Новое в русской лексике URL]; в телерекламе известного банка данное слово употребляется в увеличительном значении «кешбэкище».

В текстах наблюдается колебание орфографической формы термина: кешбэк/кэшбэк. В «Русском орфографическом словаре» под редакцией В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой зафиксирована форма кешбэк [Лопатин, Иванова URL].

Расширение сферы функционирования термина «кешбэк» позволяет говорить о его деспециализации при сохранении основного значения.

Для многих граждан актуальным стало заключение кредитного договора, в том числе в связи с оформлением ипотеки. Как известно, по кредитному договору существуют два способа погашения долга – аннуитетный платеж и дифференцированный платеж.

Аннуитетный платеж (от франц. annuite – ежегодный) – схема погашения займа, при которой заемщик ежемесячно перечисляет в банк одинаковую сумму.

Юридическое значение термина заключается в том, что выплата по кредиту, как правило, состоит из двух частей – суммы основного долга и процентных начислений. Основной долг еще называют телом кредита – это деньги, которые заемщик берет в долг у банка. Процентные начисления – плата за пользование деньгами банка согласно кредитной ставке, т. е. это стоимость кредита.

Аннуитетный платеж – один из самых распространенных типов платежей. Его основное отличие состоит в том, что одна и та же сумма выплачивается каждый месяц. При этом соотношение основного долга и начисленных процентов при аннуитетном типе платежей каждый месяц меняется. В первую половину срока заемщик погашает главным образом проценты, основная сумма долга выплачивается во второй половине срока кредитования.

Банки предлагают в основном аннуитетные платежи, что неминуемо влечет их отражение в судебной практике: «Напротив, из установленных судом обстоятельств следует, что уплаченные истцом в составе аннуитетных платежей проценты были начислены на сумму основного долга за период фактического пользования кредитом, в установленном договором размере» (определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.04.2017 № 78-КГ17-14); «С учетом данного обстоятельства срок исковой давности по требованиям о взыскании задолженности по спорному кредитному договору должен исчисляться отдельно по каждому из невнесенных заемщиком ежемесячных аннуитетных платежей» (определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 29.03.2023 по делу № 88-13311/2023).

Примеры демонстрируют, что термин употребляется преимущественно в форме множественного числа.

Аннуитетные платежи неоднократно становились объектом пристального внимания ученых, например: «Кроме того, существуют две схемы погашения ипотечного кредита: классическая и аннуитетная, поэтому при планировании займа лучше сразу определиться, как удобнее будет его возвращать. Аннуитетный способ заключается в возврате взятых денежных средств с начисленными на них процентами равными долями в течение всего срока займа» [Нарайкин 2023: 23–28]; «Вместе с тем, когда обязательство предполагает уплату регулятивных процентов аннуитетным способом, исчисление суммы, подлежащей возврату на фоне зачета при применении ретроактивности, может представлять известную сложность» [Исполнение и прекращение обязательства 2022] и др.

Отсутствие законодательного закрепления термина обуславливает появление синонимичных номинативных конструкций: аннуитетная схема погашения ипотечного кредита, аннуитетный способ платежа.

В отличие от термина «кешбэк» употребление термина «аннуитетный платеж» ограничивается непосредственно профессиональной сферой, несмотря на то, что согласно договору ипотеки большинство граждан используют данный вид платежа.

Термины-неологизмы в сфере аренды транспортных средств. В последние годы чрезвычайно широкое распространение получает аренда – шеринговые сервисы – и соответственно продуктивным становится терминообразовательный процесс со словом «шеринг»: каршеринг, кикшеринг, байкшеринг, скутершеринг, райдшеринг, хоумшеринг, фудшеринг и т. п. В июле 2024 г. в Московском метрополитене появился новый сервис – краткосрочная аренда зонтов – и неологизм «зонтшеринг» [В метро 10 июля запустят сервис аренды зонтов – зонтшеринг URL]. «Цифровые технологии позволяют вывести шеринг на новый уровень: посредством цифровых технологических платформ поделиться благами можно с неограниченным кругом незнакомых друг другу лиц» [Аюшеева 2021: 74–82].

Увеличение стоимости автомобилей, бензина, постоянные пробки обуславливают особый интерес граждан к выбору аренды транспортных средств.

Каршеринг (от англ. car – машина и sharing – делиться) как вид краткосрочной аренды автомобилей стал одним из ведущих способов перевозок людей транспортом общего пользования. Суть каршеринга и иных шеринговых услуг заключается в том, что при регистрации в мобильном приложении гражданин берет в аренду автомобиль или иное транспортное средство на определенное время. Плата за пользование взимается с карты автоматически.

Впервые термин «каршеринг» нашел отражение в постановлении Правительства Москвы от 31.08.2011 № 405-ПП (ред. от 08.11.2022) «О городской поддержке таксомоторных перевозок и услуги каршеринг в городе Москве»: «Утвердить Порядок предоставления субсидий из бюджета города Москвы юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим таксомоторные перевозки и (или) предоставляющим услугу каршеринг в городе Москве...».

В приведенном примере каршеринг – зависимый терминологический элемент составного термина «услуги каршеринг». Законодатель города Москвы делает акцент именно на родовом термине «услуга»; отсутствие согласования в терминологическом сочетании (услуга что? каршеринг вместо услуга чего? каршеринга) позволяет прийти к выводу, что в данном контексте каршеринг используется в качестве наименования услуги.

По прошествии более десяти лет термин «каршеринг» нашел отражение в «Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2022 № 4261-р: «Долгосрочными тенденциями, которые будут наблюдаться в основном в крупных городах, являются расширение совместного использования автомобилей наряду с владением („шеринговые“ сервисы – каршеринг и другие) и развитие мобильности как услуги (Mobility as a service, или MaaS) – аренда, подписные сервисы, такси, другие интегрированные сервисы. ... К 2030 году каршерингом будет пользоваться 20–30 процентов населения мира, в России ожидается увеличение парка автомобилей, используемых в рамках каршеринга, более чем до 170 тыс. единиц к 2025 году».

Термин употребляется уже самостоятельно, в разных грамматических формах. Однако его дефиниция по-прежнему отсутствует.

Анализ судебной практики и научной литературы выявил наличие составных терминов с терминологическим элементом «каршеринг»: каршеринговые компании, оказание услуг каршеринга, сервисы каршеринга, оплата услуг каршеринга, договор каршеринга, например: «...Коммерческий автотранспорт, в том числе предоставляемый сервисами каршеринга, может парковаться в любом не запрещенном правилами дорожного движения месте без согласования с уполномоченными органами» (постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.05.2024 № 15АП-1733/2024 по делу № А32-53356/2023).

В научной литературе пристальное внимание уделено анализу специфики договора каршеринга, в частности вопросу о том, к какому виду договора его можно отнести [Вавилин 2024: 19–25; Грднева 2020: 29–32].

Приведенные примеры демонстрируют, что термин «каршеринг» в форме родительного падежа проявляет пассивную валентность в сочетании с управляющими существительными.

В текстах СМИ встречается производное от термина «каршеринг» слово «каршеринговод»: «Ежедневно каршеринговоды совершают порядка 25 тыс. поездок, а за весь прошлый год машины в прокат брали 5,6 млн раз. Зато каршеринговодам не надо тратиться на страховку и бензин (включены в стоимость аренды), равно как и все прочие расходы на содержание прокатных машин ложатся на плечи операторов. За рулем [zr.ru] 26.04.2018» [Новое в русской лексике URL].

Определение данного слова отсутствует, однако из контекста понятно, что речь идет о водителях, управляющих арендованными машинами. Здесь нарушена словообразовательная модель. Конечная часть сложных существительных -вод определяет следующие значения: «1) специалист в отрасли хозяйства, названной в первой части слова (пчеловод, садовод, оленевод и т. п.); 2) специалист, работающий с теми, кто назван в первой части слова (групповод, экскурсовод и т. п.)» [Ефремова URL]. Первое значение не подходит по смыслу, поскольку водителя нельзя считать специалистом именно в области каршеринга; он может управлять не только арендованным, но и личным транспортным средством и являться при этом специалистом в иной профессиональной сфере. Во втором значении корень -вод также не может использоваться в данной словообразовательной модели, так как требует, чтобы первая часть слова отвечала на вопрос «кто?». Можно сделать предположение, что -вод представляет собой сокращенную форму слова «водитель».

В отличие от термина «каршеринг» термин «кикшеринг» (от англ. kick scooter sharing – передача другому самокатов) имеет дефиницию. В соответствии с приказом Росстата от 31.07.2023 № 364 (ред. от 01.04.2024) «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за внутренней и внешней торговлей, платными услугами населению и транспортом» «это краткосрочная аренда самокатов».

В постановлении Мособлдумы от 09.02.2023 № 22/45-П «Об Отчете о деятельности Комитета по транспортно-дорожному комплексу и информационным технологиям за 2022 год» кикшеринг понимается как «прокат электросамокатов». В этом же документе рассмотрены вопросы развития «кикшеринга» в Московской области, финансовой поддержки организаций «кикшеринга», предложено подготовить единые правила предоставления услуг «кикшеринга» на территории Московской области.

Термин нашел отражение и в судебной практике: «По смыслу соглашения ответчик на территории города Новосибирска осуществляет деятельность по кикшерингу, то есть по предоставлению в краткосрочную аренду пользователям (физическим лицам) электросамокатов с помощью специально разработанного программного обеспечения, а также по предоставлению права использования пользовательского приложения, позволяющего пользователям принимать электросамокаты в аренду» (постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.05.2023 № Ф04-1593/2023 по делу № А45-15241/2022); «Общество осуществляет предпринимательскую деятельность по оказанию услуг передвижения на средствах индивидуальной мобильности (СИМ) для поездок через приложение (кикшеринг), то есть по принципу каршеринга, в соответствии с которым пользователь оставляет

электросамокат там, где завершает поездку» (постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.04.2024 № 15АП-1857/2024 по делу № А32-42555/2023).

В судебных актах дается объяснение, что понимается под кикшерингом: в первом случае посредством использования уточняющей конструкции, присоединенной с помощью союза «то есть», во втором – пояснения в скобках. Данный факт подтверждает, что в силу новизны требуется разъяснение термина. На наш взгляд, формулировка «*деятельность по кикшерингу*» содержит речевую ошибку. Ведь семантическое значение термина «кикшеринг» определяется существительными «аренда», «передача», которые в форме дательного падежа не проявляют сочетаемость с существительным «деятельность» (фраза «деятельность по аренде/передаче» противоречит литературной норме). Данная формулировка более корректно звучит в следующей редакции: «*По смыслу соглашения ответчик на территории города Новосибирска осуществляет деятельность в сфере кикшеринга, то есть предоставление в краткосрочную аренду пользователям (физическим лицам) электросамокатов с помощью специально разработанного программного обеспечения...*».

Составные термины с термином «кикшеринг» встречаются в научной литературе: компании-операторы кикшеринга, договор кикшеринга [Карпеев, Яшнова 2022: 44–48].

Наряду с арендой машин и самокатов, распространение получает и краткосрочная аренда велосипедов – байкшеринг (от англ. bicycle-sharing system, bike – велосипед и sharing – делиться), скутеров – скутершеринг (от англ. scooter – скутер и sharing – делиться) и райдшеринг (от англ. ride – поездка и share – делиться). Для этого также необходима установка мобильного приложения, регистрация в нем водительских прав или паспорта, номера кредитной карты. Оплата списывается со счета после завершения аренды транспортного средства [Байкшеринг URL].

Термины «байкшеринг» и «скутершеринг», номинирующие виды аренды, пользующиеся достаточно высоким спросом среди граждан, пока не нашли отражения в законодательстве и судебной практике, однако употребляются в научных публикациях [Лапидус, Гостилович, Трофимов 2023: 27–42; Трощинский 2021: 44–58]. Идет терминологический процесс с данными словами, например в текстах СМИ встречается термин «байкшеринговые сервисы».

Термин «райдшеринг», напротив, обозначает менее популярный и распространенный в обществе вид аренды, однако кодифицирован в тексте нормативного правового акта и имеет законодательную дефиницию. Согласно распоряжению Правительства Российской Федерации от 25.03.2020 № 724-р «Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» «*„райдшеринг (карпулинг)“ – совместное использование частного транспортного средства с помощью онлайн-сервисов поиска попутчиков (ridesharing, carpooling)*».

Отражение в гражданском законодательстве терминов в сфере аренды должно носить системный характер, т. е. должны быть кодифицированы как родовые (шеринговые услуги/сервисы, средства индивидуальной мобильности), так и видовые термины в области аренды транспортных средств (каршеринг, кикшеринг, байкшеринг и др.).

Замена терминов конструкциями типа «краткосрочная аренда машин/самокатов/велосипедов» представляется не совсем удачной, поскольку такая формулировка не отражает один из главных семантических признаков – необходимость наличия соответствующего электронного приложения.

Подводя итоги проведенного анализа, можно сделать следующие выводы.

Рассмотренные термины достаточно частотно употребляются в различных коммуникативных ситуациях в связи с широким распространением в обществе номинируемых ими явлений. Однако их значения до настоящего времени не зафиксированы в толковых словарях, а также в информационных ресурсах, отражающих изменения, происходящие в современном русском языке. Например, информационно-поисковый лексикографический ресурс «Новое в русской лексике» содержит лишь термины «кешбэк» и «каршеринг» и производные от них слова.

Термины «кешбэк», «каршеринг», «кикшеринг», «байкшеринг» и др., благодаря широкому распространению в СМИ, можно относить к общеупотребительной лексике, однако их терминологические значения не утрачиваются и актуализируется необходимость их законодательного закрепления.

Степень распространения в обществе тех или иных реалий современной жизни и соответственно освоения языком номинирующих их терминов не оказывает влияния на законодательный процесс. Результаты исследования показали, что на данный момент в нормативных правовых актах закреплены дефиниции только терминов «кикшеринг» и «райдшеринг» (хотя наряду с кикшерингом также популярны каршеринг, байкшеринг, скутершеринг; райдшеринг, напротив, еще недостаточно развитое направление на рынке транспортных услуг). Не отражен в нормах гражданского законодательства термин «аннуитетный платеж», что считаем упущением со стороны законодателя с учетом частоты заключения кредитных договоров и также значительного объема судебных споров, связанных с их исполнением.

Дальнейшее развитие языка гражданского закона, регулирующего договорные отношения, связано с кодификацией в законодательстве рассмотренных терминов.

Структурно-семантический анализ данных терминов, по форме являющих собой транслитерацию соответствующих англоязычных терминов, показал, что при отказе от кодификации в исходной графической форме они могут быть заменены на терминологические единицы сложной аналитической структуры, что затруднит процесс их употребления как в письменной, так и в устной речи. При формулировании дефиниций терминов сложной аналитической структуры следует учитывать, что в таких терминах уже может быть фактически отражена часть их определений, и стараться не допускать подобного смыслового дублирования.

В настоящее время процесс заимствования русским языком иноязычной лексики, преимущественно англицизмов, носит стихийный характер. На наш взгляд, законодательное регулирование данного процесса не представляется возможным. Однако для упорядочения и рационализации употребления англицизмов в различных языковых ситуациях необходимо принятие соответствующих мер на государственном уровне. Это могут быть поправки в законодательство о языке, инструкции, дающие разъяснения об использовании заимствований в текстах нормативных правовых актов, методические рекомендации.

Литература

- Аюшеева И. З. Право общей собственности в связи с развитием экономики коллективного использования товаров и услуг / Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 11. – С. 74–82.
Байкшеринг. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/tag/bikesharing>.
В метро 10 июля запустят сервис аренды зонтов – зонтшеринг. URL: <https://moskvichmag.ru/gorod/v-metro-10-iyulya-zapustyat-servis-arendy-zontov-zontshering/>.
Вавилин В. Е. К вопросу о правовой природе договора каршеринга / Юрист. – 2024. – № 4. – С. 19–25.
Гриднева О. В. Правовая природа договора каршеринга / Юридическая наука. 2020. № 8. С. 29–32.
Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. URL: <https://efremova.slovaronline.com/10086-VOD>.
Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. О. Батищев, А. А. Громов, А. Г. Карапетов и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2022.
Карпеев О. В., Яшнова С. Г. Правовая природа договора о передаче во временное владение и пользование средств индивидуальной мобильности (на примере электросамоката) / Юрист. – 2022. – № 1. – С. 44–48.
Козырева А. М. Подготовка детских летних лагерей в 2022 году / Советник в сфере образования. – 2022. – № 4. – С. 26–35.
Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Русский язык в школе. – 1994. – № 6. – С. 56–63.
Лapidус Л. В., Гостилович А. О., Трофимов И. С. Управление качеством услуг байкшеринговых и кикшеринговых цифровых сервисов: оценка индексов NPS и CSI / Государственное управление: электронный вестник. – 2023. – Вып. 101. – С. 27–42.
Мурдускина О. В., Ведерникова Ю. В. Проблема передачи терминов-неологизмов при переводе специальных текстов / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10 (76): в 3 ч. Ч. 2. – С. 124–127.
Нарайкин О. В. Применение ипотеки при долевом строительстве: тенденции и перспективы / Право и экономика. – 2023. – № 8. – С. 23–28.
Новое в русской лексике. URL: <https://neolex.iling.spb.ru/>.
Русский орфографический словарь / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. URL: <https://gramota.ru/poisk?Query=%D0%BA%D0%B5%D1%88%D0%B1%D1%8D%D0%BA&mode=all>.
Трощинский П. В. Цифровой Китай до и в период коронавируса: особенности нормативно-правового регулирования / Право и цифровая экономика. – 2021. – № 1. – С. 44–58.
Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. – 3-е изд., перераб. – М., 2007.

References

- A rental service will be launched in the metro on July 10 umbrellas – umbrella sharing. Available from: <https://moskvichmag.ru/gorod/v-metro-10-iyulya-zapustyat-servis-arendy-zontov-zontshering/> (in Russian).
Ayusheeva, I. Z. (2021). Law of common ownership in connection with the de-velopment of the economy of the collective use of goods and services. Actual problems of Russian Law, 11, 74–82 (in Russian).
Batishchev, A. O., Gromov, A. A., Karapetyan, A. G. et al. (2022). Performance and termination of obligations: commentary to articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code Russian Federation. A. G. Karapetyan (Ed.). Moscow (in Russian).
Bikesharing. Available from: <https://trends.rbc.ru/trends/tag/bikesharing> (in Russian).
Efremova, T. F. New explanatory Word-formation dictionary of the Russian language. Available from: <https://efremova.slovaronline.com/10086-VOD> (in Russian).
Gridneva, O. V. (2020). The legal nature of the contract of carsharing. Legal science, 8, 29–32 (in Russian).
Karpееv, O. V., Yashnova, S. G. (2022). The legal nature of an agreement on transfer of individual mobility means to temporary possession and use (on the example of an electric scooter). Jurist, 1, 44–48 (in Russian).
Kozyreva, A. M. (2022). Preparation of children's summer camps in 2022. Advisor in the field of education, 4, 26–35 (in Russian).
Krysin, L. P. (1994). Foreign language word in the context of modern public life. Russian language at school, 6, 56–63 (in Russian).
Lapidus, L. V., Gostilovich, A. O., Trofimov, I. S. (2023). Quality management of bikesharing and kicksharing digital services: evaluation of NPS and CSI indices. Public Administration: E-journal, 101, 27–42 (in Russian).
Murduskina, O. V., Vedernikova, Yu. V. (2017). The problem of transmitting neologism terms when translating special texts.

-
- Philological Sciences. Questions of theory and practice, 10 (76), part 2, 124–127 (in Russian).
- Naraykin, O. V. (2023). Use of mortgages in shared construction: trends and prospects. *Law and Economics*, 8, 23–28 (in Russian).
- New in Russian lexis. Available from: <https://neolex.iling.spb.ru/> (in Russian).
- Russian spelling dictionary. V. V. Lopatin (Ed.), O. E. Ivanova (Ed.). Available from: <https://gramota.ru/poisk?Query=%D0%BA%D0%B5%D1%88%D0%B1%D1%8D%D0%BA&mode=all> (in Russian).
- Shansky, N. M. (2007). *Lexicology of the modern Russian language*. 3rd ed., re-vised. Moscow (in Russian).
- Troshchinsky, P. V. (2021). Digital China before and during the coronavirus period: specifics of normative legal regulation. *Law and digital economy*, 1, 44–58 (in Russian).
- Vavilin, V. E. (2024). On the legal nature of a carsharing agreement. *Jurist*, 4, 19–25 (in Russian).
-

Citation:

Казанина Т. В., Кузнецова Е. А. Термины-неологизмы в сфере договорного права: лингвоюридические аспекты // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 12-19.

Kazanina T. V., Kuznetsova E. A. (2025) Neologisms in the Sphere of Contract law: Linguo-Legal Aspects. *Legal Linguistics*, 35, 12-19.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

ЯЗЫК ПРАВА УДК 340.113, 342.1, 342.7, ББК 67.01, 67.400.321, 67.400.33, ГРНТИ 10.01.33, 10.15.4,
10.15.59, Код ВАК 5.1.1

Категория «виртуальная территория государства»: понятие и элементы¹

А. Е. Канакова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: kananna19@yandex.ru

Статья посвящена исследованию категории «виртуальная территория государства». Автор рассматривает корректность применения характеристики «виртуальная» по сравнению с уже имеющимися в законодательстве терминами «информационная» и «цифровая». В работе обосновывается невозможность признания «государственной территории Российской Федерации» в качестве правового офлайн-аналога для «виртуальной территории государства», что предопределяет невозможность содержательного расширения уже учрежденной категории. В тексте статьи выделяются два элемента, из которых формируется виртуальная территория государства: пространство определенных сайтов в сети Интернет (государственные сайты, сайты в российской доменной зоне, иные сайты, чьи владельцы изъявили желание функционировать в соответствии с российским законодательством и т. п.) и зона в виртуальном пространстве, образуемая в результате действий специально оговоренного в законе субъекта. В рамках второго элемента рассматриваемой категории автор обосновывает необходимость его выделения через призму права на предпринимательскую и иную не запрещенную законом деятельность, а также законно установленную обязанность уплачивать налоги. По итогам проведенного исследования и анализа текущего российского законодательства автор делает вывод о том, что экономическая деятельность в виртуальном пространстве не создает новое цифровое право, а обозначает необходимость трансформации уже учрежденного экономического правомочия в рамках процесса цифровизации. Одновременно с этим пространство («виртуальная территория государства»), в котором и предполагается реализация трансформированных правовых положений, не имеет офлайн-аналогов в действующем российском законодательстве и требует обособленного регулирования с учетом сущностных особенностей рассматриваемого явления.

Ключевые слова: виртуальная территория, экономические права, налоговая обязанность, интернет, юрисдикция.

Category “Virtual Territory of the State”: Concept and Elements²

A. E. Kanakova

Altai State University

61 Lenin Str., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: kananna19@yandex.ru

The article discusses the category “virtual territory of the state”. The author considers the correctness of applying the characteristic “virtual” in comparison with the terms “informational” and “digital” already available in the legislation. The article substantiates the impossibility of recognizing the “state territory of the Russian Federation” as a legal offline analogue for the “virtual territory of the state”, which predetermines the impossibility of substantive expansion of the already established category. The text of the article identifies two elements from which the virtual territory of the state is formed: the space of certain sites on the Internet (state sites, sites in the Russian domain zone, other sites whose owners have expressed a desire to operate in accordance with Russian legislation, etc.) and the zone in the virtual space formed as a result of the actions of a subject specially designated in the law. Alongside the second element of the category under consideration, the author

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-01133 «Цифровизация прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации». <https://rscf.ru/project/23-78-01133/>.

² The research was supported by RSF (project No. 23-78-01133) “Digitalization of human rights and freedoms of a citizen of the Russian federation”. <https://rscf.ru/project/23-78-01133/>.

substantiates the need for its definition through the prism of the right to entrepreneurial and other activities not prohibited by law, as well as the legally established obligation to pay taxes. Based on the results of the research and analysis of current Russian legislation, the author concludes that economic activity in virtual space does not create a new digital right, but indicates the need to transform the already established economic legal entitlement as part of the digitalization process. At the same time, the domain ("virtual territory of the state"), in which the implementation of transformed legal provisions is supposed to be realized, has no offline analogues in the current Russian legislation and requires separate regulation taking into account the essential features of the phenomenon under consideration.

Key words: virtual territory, economic rights, tax liability, Internet, jurisdiction.

Современный уровень развития технологий заставляет признать, что традиционные принципы международного права, сформированные в эпоху физических границ, не работают для информационно-коммуникационной сети Интернет (далее – сеть Интернет). Попытки регулирования виртуального пространства, на которое претендует каждое государство, оказались неэффективными, что привело к обсуждению вопросов суверенитета и юрисдикции в сети Интернет [Азизов 2014; Астапенко 2022].

Государства вынуждены адаптировать свои правовые системы к новым реалиям, поэтому логичным является рассмотрение возможности появления категории «виртуальная территория государства».

Первостепенно требуется обосновать выбор характеристики «виртуальная» в сравнении с «информационная» и «цифровая». Согласно федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», само понятие «информация» представляет собой сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления, в то время как под «информационной системой» понимается совокупность информации и технологий для ее обработки, которая, важно отметить, не указывается в виде программы удаленного доступа, а может быть локальной. Соответственно, процесс информатизации предполагает работу со способами обработки данных и с их результатом как в офлайн-, так и в онлайн-пространстве, поэтому использовать категорию «информационная территория» в контексте исследования сети Интернет будет не совсем корректным.

Появление термина «цифровизация» стало следствием перехода от аналоговых технологий к цифровым, обеспечивающим работу с электронными данными на основе двоичного кода (0 и 1). В контексте данного явления предполагается обязательное использование современных технологий, однако вновь не вводится привязка к возможности удаленного получения данных (работать в специальной программе на компьютере можно и без наличия доступа в сеть Интернет). В российском законодательстве этот термин часто используется в контексте «цифровой экономики», «цифровых прав» и «цифровых технологий», но категория «цифровая территория» аналогично будет слишком широкой для анализа правовых возможностей государства в отношении сети Интернет.

Иначе ситуация обстоит с термином «виртуальный»: в российском законодательстве указанная категория фактически не используется, а лишь подразумевается. Так, простор для исследований создает отсутствие единого понимания категории «виртуальный объект», в частности, вопрос статуса игровых атрибутов, приобретаемых за реальные деньги в онлайн-играх, до сих пор законодательно не решен и вынуждает правоприменителей выводить привязку к какой-либо конкретной норме через выявление смысла правовых положений, например, признавая за пользователями роль лицензиатов, которым компания-владелец предоставила права пользования.

Рассматривая суть такого явления, как «виртуальный», необходимо выявить его отличительную особенность, которую очень точно обозначила Т. Я. Хабриева, подчеркивая, что виртуальные вещи обладают определенным парадоксом, а именно субстанциональной процессуальностью, когда эта вещь существует исключительно в процессе работы компьютерных программ, и процессы вычисления, телекоммуникации, человеческого мышления, сознания образуют ее субстанцию [Хабриева 2018: 95].

Стихийно сложившееся в обществе впечатление, что, «войдя» в Интернет, человек попадает в единое обособленное пространство, является ошибочным. Сеть Интернет представляет собой разрозненное явление и существует только в рамках непрерывно функционирующих процессов, где происходит удаленное подключение к различным ресурсам, серверам и т. п. Следовательно, исчезновение электричества прекратит удаленный доступ к цифровой информации и уничтожит сеть Интернет, что лишь подтверждает ее субстанциональную процессуальность.

Наделяя правовое явление характеристикой «виртуальный», следует ориентироваться на два критерия. Во-первых, существование данного технически созданного состояния только в процессе работы технической аппаратуры. Во-вторых, у данного явления не должно существовать полностью сопоставимого аналога в рамках реального мира.

Таким образом, выделение в рамках глобальной сети Интернет категории «виртуальная территория государства» представляется наиболее корректной и соответствующей смысловому и содержательному наполнению этого явления.

Несмотря на использование понятия «территория», сеть Интернет нельзя сопоставлять с территорией государства (ст. 67 Конституции РФ), потому что принципы, на которых строится формирование указанных пространств, существенно отличаются. Так, устоявшимся является понимание того, что определенная территория принадлежит только одному государству, а не находится под властью одновременно нескольких стран, в то же время различные государства мира претендуют на распространение собственной юрисдикции на одни и те же сайты.

Вместе с этим сам механизм перемещения по определенному пространству (реальному или виртуальному) не подлежит унификации: для выхода в сеть Интернет не нужно пересекать государственную границу, оформлять

проездные документы и т. п. Фактически человек реализует свое право на информацию, но в специфической среде, которая и порождает особенности ее правового регулирования.

Современная политическая обстановка и изменение вектора с глобализации на национальное регулирование обозначили такую тенденцию, когда государства в одностороннем порядке в собственных нормативных правовых актах устанавливают режим доступа и пользования ресурсами, которые соответствующему государству не принадлежат, что порождает вопрос правомочности подобного поведения.

Распространение суверенитета и властных возможностей государства происходит через призму двух критериев: территории и субъектов.

По причине того, что никакой реально существующей территории сеть Интернет не создает, государства фактически претендуют на распространение своих властных полномочий на результат работы цифровой инфраструктуры – сайты, передаваемые данные и т. п. Однако ни одно государство в мире не способно провести правовое регулирование всех цифровых ресурсов, тем более физически расположенных в другой стране и находящихся в частной собственности. Таким образом, для того, чтобы было возможно признать определенный сайт в сети Интернет виртуальной территорией России, необходимо иметь техническую привязку к российскому государству.

В качестве примера ресурса, созданного Россией, можно указать сайт федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг» (далее – Госуслуги). В данном случае регулирование правовых отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в виртуальном пространстве, без дополнительных уточнений попадает под российскую юрисдикцию, так как технические характеристики (место хранения данных, расположение оборудования, национальная доменная зона) и статус субъекта-создателя (государство) не допускают альтернативы.

Аналогичная ситуация касается сайтов, относящихся к российской доменной зоне (.RU и .RF). Соответствующие домены выдаются через систему аккредитованных регистраторов под управлением Координационного центра национального домена сети Интернет, который хоть и не является государственным органом, но в числе его учредителей числились Министерство связи и массовых коммуникаций РФ (с 2015 г.) и Роскомнадзор (с 2020 г.) [Власти отдали... 2020 URL].

Однако подавляющее количество сайтов в сети Интернет не имеют прямого отношения к какой-либо властной структуре и не находятся в российской доменной зоне, что оставляет открытым вопрос возможности отнесения их к виртуальной территории конкретного государства. Так, не имея правовых оснований, например, требовать от иностранного сайта удаления запрещенной, порочащей или оскорбляющей информации, предоставления данных о лице, ее распространяющем, и т. п., российский правоприменитель может рассчитывать исключительно на добровольное предоставление информации и совершение требуемых действий.

Таким образом, к виртуальной территории государства могут быть отнесены сайты, добровольно изъявившие согласие на подчинение в данном случае российским нормам. Отсутствие подобной договоренности допускает разные варианты развития событий: от игнорирования наличия в сети Интернет ресурса, содержащего данную информацию, до закрытия доступа к этому сайту с территории государства.

Фактически ограничение доступа к соответствующему сайту является еще одним способом формирования границ виртуальной территории государства, однако в данном случае важным является соразмерность подобных ограничений (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Так, с 1 ноября 2024 г. блогеры с 10 тыс. подписчиков на каналах обязаны передавать информацию о себе в Роскомнадзор в рамках борьбы с анонимностью [С 1 ноября... 2024 URL]. Последствия отсутствия такой регистрации связаны в том числе и с ограничением доступа к странице, данных о которой нет в Реестре, что теоретически допускает возможность закрыть доступ ко всем крупным блогерам, кроме российских, что крайне сложно оценить как отвечающее критерию соразмерности.

На основе указанного выше можно сделать вывод о том, что по территориальным характеристикам виртуальное пространство обособить можно, но с определенной долей условностей, построенных на критериях цифровой инфраструктуры и территориальной привязки субъекта, ими владеющего.

Однако очевидным является то, что далеко не во всех случаях можно вести речь о присоединении пространства всего сайта к виртуальной территории конкретного государства, так как, например, количество лиц, получающих доступ к нему с территории России, может быть незначительным в масштабах всей аудитории, что не создаст интерес у владельца ресурса пересматривать правила его использования, в то время как деятельность пользователей на соответствующем портале может быть объектом правового регулирования с позиции российского законодательства.

Наглядно это можно увидеть в экономической сфере, в частности, в рамках права на предпринимательскую и иную незапрещенную законом экономическую деятельность, а также обязанности уплачивать законно установленные налоги [Арсланов 2022; Кондрашова и др. 2023; Молодых 2024; Петрова и др. 2022; Рысбаева и др. 2022; Самсонов и др. 2020].

Столкнувшись с проблемой территориальной привязки виртуального пространства, законодатели разных стран перевели фокус внимания на субъект. Разумеется, в рамках реального мира аналогично существуют экономические вопросы, которые определяются через человека (например, статус налогового резидента), однако даже в них учитывается привязка к территории. Согласно ст. 207 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), налоговыми резидентами признаются физические лица, фактически находящиеся в России не менее 183 календарных дней в течение 12 следующих подряд месяцев. Разница между указанными статусами заключается

не только в налоговой ставке, но и в объекте налогообложения, так как налоговый резидент платит налоги с доходов, полученных как в России, так и за границей, в то время как нерезидент Российской Федерации – уплачивает налог только с доходов, полученных в России (ст. 209 НК РФ). На основе данной правовой конструкции можно сделать вывод об осознании законодателем несостоятельности варианта получения налога, например, с гражданина Российской Федерации, постоянно проживающего в другом государстве и не имеющего связи с Россией.

Аналогичный подход применяется в отношении деятельности организаций. Так, в ст. 246 НК РФ указывается, что налогоплательщиками налога на прибыль организаций являются российские и иностранные организации, где в отношении последних уточняется про необходимость осуществления ими деятельности в России через постоянные представительства и (или) получения ими доходов от источников в России. Применение указанной правовой конструкции в рамках реального мира обеспечено выработанными правилами определения места оказания услуги, выполнения работы или реализации товара, однако их применение для деятельности в виртуальном пространстве требует дополнительного осмысления, особенно когда речь идет о предоставлении услуги исключительно в виртуальной среде.

Особый научный интерес вызывает статья К. С. Тетерятникова, С. Г. Камолова, Д. А. Блашкиной [Тетерятников и др. 2020], в которой рассматривают попытки различных государств ввести цифровой налог, выявляются его положительные и отрицательные последствия и т. п. Опираясь на материал указанного исследования, можно выявить любопытную тенденцию, связанную с попытками различных стран в той или иной мере претендовать на прибыль иностранных организаций, работающих в информационной сфере (далее – ИТ-компания), услугами которых пользуются жители соответствующей страны.

В российских нормативных правовых актах аналогично содержатся нормы, позволяющие сделать выводы насчет необходимости уплаты налогов с подобной деятельности.

В случае, если услуги в виртуальном пространстве оказывает налоговый резидент Российской Федерации, то, согласно ст. 209 НК РФ, не имеет значения, где находится человек в момент оказания данной услуги, так как налогом облагается любой доход, полученный указанным субъектом. Следовательно, законодатель изначально использовал критерий территориальной привязки (без которого не появляется статус налогового резидента), а в дальнейшем ориентируется исключительно на субъект. В данной ситуации законодатель абстрагируется от необходимости определять именно территориальные характеристики виртуального пространства.

Когда же услуги налоговому резиденту Российской Федерации оказывает лицо, не имеющее данного статуса, то ситуация приобретает иной характер. Во-первых, налоговый резидент Российской Федерации, будучи физическим лицом, не приобретает статус налогового агента для субъекта, оказывающего услугу. Во-вторых, обязанность уплатить налоги в России у лиц, не обладающих статусом налогового резидента Российской Федерации, возникает в случае, когда они получают доход от источника в России. В-третьих, источник дохода в рамках НДФЛ определяется на основе ст. 208 НК РФ (пп. 6.3 п. 1 и пп. 6.1 п. 3), в которой уделяется отдельное внимание вознаграждению, полученному налогоплательщиком за выполненные работы, оказанные услуги, предоставленные права использования результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, в случае их осуществления в сети Интернет.

В таком случае для того, чтобы доход был признан полученным от источника в России, предусмотрен обязательный и факультативный критерий. В качестве минимально необходимого требуется, чтобы выполнение работ, оказание услуг, предоставление прав использования результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, осуществленных в сети Интернет, происходило с использованием доменных имен и сетевых адресов, находящихся в российской национальной доменной зоне, и (или) информационных систем, технические средства которых размещены на территории России, и (или) комплексов программно-аппаратных средств, размещенных на территории России. В качестве факультативного критерия законодатель устанавливает необходимость наличия хотя бы одного из следующих условий: налогоплательщик – физическое лицо является налоговым резидентом Российской Федерации; доходы получены налогоплательщиком – физическим лицом на счет, открытый в банке, находящемся на территории России; источники выплаты доходов – это российские организации, индивидуальные предприниматели, нотариусы, занимающиеся частной практикой, адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты, а также обособленные подразделения иностранных организаций в России.

Во всех иных случаях соответствующие выплаты признаются полученными от источника за пределами России и не подлежат налогообложению. Таким образом, законодатель очерчивает критерии, по которым можно связать виртуальное присутствие субъекта в сети Интернет с российской юрисдикцией, а именно по техническим характеристикам (в частности, точке входа) и по субъекту (налогоплательщику, банку или источнику выплаты).

Помимо физического лица, услуги могут оказывать и ИТ-компании. Если в ситуации с российской ИТ-компанией правовых вопросов не возникает, так как под имеющиеся критерии подпадает практически любая их деятельность, то в отношении иностранных организаций нужно учитывать отдельные правила. Порядок исчисления и уплаты налога на прибыль организаций зависят от факта наличия или отсутствия постоянного представительства иностранной компании на территории России (ст. 306 НК РФ). В случае наличия постоянного представительства ситуация с иностранными компаниями становится аналогичной российским компаниям, за исключением того, что объектом налогообложения будет являться прибыль, полученная данным представительством, а не всей иностранной компанией (ст. 307 НК РФ). Указанное является примером территориальной привязки, которая изначально закладывалась в законодательстве, ориентированном на реальный мир. При отсутствии постоянного представительства соответствующие доходы подлежат обложению налогом, удерживаемым у источника выплаты

доходов (ст. 309 НК РФ). Однако никакой конкретики насчет деятельности организации в виртуальном пространстве данная статья не содержит, тем самым порождая двоякость толкования положения об открытости перечня доходов, получаемых от источника в России (пп. 10 п. 1 ст. 309 НК РФ), и тем, что иные доходы не подлежат обложению налогом у источника выплаты (п. 2 ст. 309 НК РФ).

Более конкретные нормативные положения содержатся в положениях, посвященных налогу на добавленную стоимость. Согласно правилам, действующим с 2017 года, иностранные организации, оказывающие услуги в электронной форме, были признаны плательщиками НДС, который уплачивался через налоговых агентов – российские компании. С 2019 года в силу вступили изменения, которые возложили данные обязанности непосредственно на иностранные организации, однако в силу политических условий и санкционного воздействия реализация данного положения стала затруднительной, поэтому ФНС России в письме от 30.03.2022 № СД-4-3/3807 рекомендовала российским покупателям самостоятельно исчислять, удерживать и уплачивать НДС в бюджет.

Перечень услуг, оказываемых в сети Интернет, порядок исчисления и уплаты налога закреплены в ст. 174.2 НК РФ. Однако правила для определения места оказания услуги зафиксированы в ст. 148 НК, содержащей особые указания насчет виртуального пространства. Так, в пп. 4 п. 1 ст. 148 НК РФ закреплено, что местом осуществления работы (услуги) признается Россия, если покупатель работ (услуг) осуществляет деятельность на территории России. С учетом того, что к виртуальному пространству нельзя напрямую применять территориальный критерий, в указанной норме предусмотрены отдельные правила, посвященные условиям признания местом оказания услуги, осуществляемой в сети Интернет, Российскую Федерацию. Так как порядок определения места оказания услуги для организации или индивидуального предпринимателя напрямую связан с местом их регистрации, то законодатель отдельно предусмотрел особые правила только в отношении услуги, оказываемой физическому лицу, не имеющему статус индивидуального предпринимателя. В частности, в таком случае местом оказания услуги, осуществляемой в сети Интернет и оказываемой физическому лицу, не являющемуся индивидуальным предпринимателем, признается Российская Федерация в случае, если выполняется хотя бы одно из указанных условий: местом жительства покупателя является Российская Федерация; место нахождения банка, в котором открыт счет, используемый покупателем для оплаты услуг, или оператора электронных денежных средств, через которого осуществляется покупателем оплата услуг, – на территории России; сетевой адрес покупателя, использованный при приобретении услуг, зарегистрирован в России; международный код страны телефонного номера, используемого для приобретения или оплаты услуг, присвоен Российской Федерации.

Таким образом, законодатель вновь продемонстрировал собственную направленность на создание иных критериев определения подчинения правоотношений в виртуальной зоне: технические (сетевой адрес, международный код страны телефонного номера) и субъектные (банк, место жительства физического лица).

Следовательно, если действия субъекта подпадают под специально установленные правила (как это сделано в налоговом праве), то частью виртуальной территории России становится та небольшая виртуальная зона, которая формируется в результате деятельности соответствующего лица. Нормативное закрепление данного допущения позволит обосновать применение российского законодательства.

На основе проведенного анализа можно сформулировать определение категории «виртуальная территория государства», под которой следует понимать совокупность веб-сайтов, которые находятся под юрисдикцией и контролем государства (созданы госорганами, зарегистрированы в соответствующей доменной зоне или на основе добровольного волеизъявления владельца ресурса), и зоны деятельности интернет-пользователей, действия которых и (или) их последствия являются объектом правового регулирования в рамках действующего законодательства.

В ранее опубликованных результатах проводимого грантового исследования «Цифровизация прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации» был сделан вывод о том, что большинство действий, совершаемых в виртуальном пространстве, не порождают новые права и свободы, а лишь вынуждают трансформировать уже существующие правомочия. Создание обособленных цифровых прав и свобод нужно только в том случае, если рассматриваемая категория не имеет аналога в офлайн-мире. Таким образом, право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом деятельность, обязанность уплачивать налоги подверглись именно цифровизации, в то время как категория «виртуальная территория государства» офлайн-аналога не имеет, следовательно, представляет собой новое правовое явление, требующее обособленного правового регулирования.

Литература

Азизов Р. Ф. Правовые проблемы определения юрисдикции в сети Интернет / Информационное право. – 2014. – № 5 (41). – С. 25–29.

Арсланов К. Т. Правовые аспекты цифровизации общественных отношений: блогеры и блогерская деятельность / Вестник университета управления «Татарский институт содействия бизнесу». – 2022. – № 2. – С. 59–71.

Астапенко П. Н. Цифровой суверенитет: понятие и соотношение с государственным / Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 321–324.

Власти отдали домены RU и РФ Роскомнадзору, отобрав у Минкомсвязи / Сетевое издание «СNews». – 2020. – URL: https://www.snews.ru/news/top/2020-03-12_roskomnadzor_smenil_minkomsvyazi

Кондрашова А. Д., Круглова Ю. Б. Правовые проблемы налогообложения электронной интернет-торговли / Наука в жизни человека. – 2023. – № 3. – С. 134–144.

- Молодых В. А. Проблема уклонения от уплаты налогов в интернет-экономике и перспективные направления ее решения / Вестник Ростовского государственного экономического университета. – 2024. – № 1. – С. 132–140.
- Петрова С. В., Антоновская Е. А., Соколова Г. Н., Федоров П. В. Выявление (легализация) и налогообложение доходов физических лиц, полученных в социальных сетях / Фундаментальные исследования. – 2022. – № 11. – С. 59–63.
- Рысбаева А. К., Карабекова А. К., Шайлообеков Ж. Ш., Тойчубеков К. Ш., Муратбеков К. М. Налогообложение электронной коммерции / Актуальные вопросы современной экономики. – 2022. – № 5. – С. 692–704.
- Самсонов Е. А., Зыков А. Е. Проблемы налогообложения субъектов в условиях становления цифровой экономики / Актуальные вопросы современной экономики. – 2020. – № 3. – С. 65–70.
- С 1 ноября блогеры с 10 тыс. подписчиков должны передавать информацию о себе в Роскомнадзор / Российская газета. – 2024. – 1 нояб. – URL: <https://rg.ru/2024/11/01/golyj-parol.html>
- Тетерятников К. С., Камолов С. Г., Блашкина Д. А. Цифровой налог: поучительный зарубежный опыт / Российский экономический журнал. – 2020. – № 4. – С. 69–87.
- Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102.

References

- Arslanov, K. T. (2022). Legal Aspects of Digitalization of Public Relations: Bloggers and Blogging. Bulletin of the University of Management "Tatar Institute of Business Support", 2, 59–71 (in Russian).
- Astapenko, P. N. (2022). Digital Sovereignty: Concept and Correlation with the State. In Actual Problems of Society, Economy, and Law in the Context of Global Challenges: Proceedings of the XIII International Scientific and Practical Conference. Saint Petersburg, 321–324 (in Russian).
- Authorities Transfer RU and RF Domains to Roskomnadzor, Taking Them from the Ministry of Communications. (2020). CNews Online Publication. Available from: https://www.cnews.ru/news/top/2020-03-12_roskomnadzor_smenil_minkomsvyazi (in Russian).
- Azizov, R. F. (2014). Legal Issues of Determining Jurisdiction on the Internet. Information Law, 5(41), 25–29 (in Russian).
- From November 1, Bloggers with 10,000 Subscribers Must Submit Information to Roskomnadzor. (2024). Russian Newspaper. Available from: <https://rg.ru/2024/11/01/golyj-parol.html> (in Russian).
- Khabrieva, T. Ya. (2018). Law in the Context of Digital Reality. Journal of Russian Law, 1, 85–102 (in Russian).
- Kondrashova, A. D., Kruglova, Yu. B. (2023). Legal Problems of Taxation of Electronic Internet Trade. Science in Human Life, 3, 134–144 (in Russian).
- Molodykh, V. A. (2024). The Problem of Tax Evasion in the Internet Economy and Promising Solutions. Bulletin of Rostov State University of Economics, 1, 132–140 (in Russian).
- Petrova, S. V., Antonovskaya, E. A., Sokolova, G. N., Fedorov, P. V. (2022). Identification (Legalization) and Taxation of Income of Individuals Received in Social Networks. Fundamental Research, 11, 59–63 (in Russian).
- Rysbaeva, A. K., Karabekova, A. K., Shailoobekov, Zh. Sh., Toichubekov, K. Sh., Muratbekov, K. M. (2022). Taxation of E-Commerce. Actual Issues of Modern Economics, 5, 692–704 (in Russian).
- Samsonov, E. A., Zykov, A. E. (2020). Problems of Taxation of Entities in the Context of the Digital Economy Formation. Actual Issues of Modern Economics, 3, 65–70 (in Russian).
- Teteriatnikov, K. S., Kamolov, S. G., Blashkina, D. A. (2020). Digital Tax: Instructive Foreign Experience. Russian Economic Journal, 4, 69–87 (in Russian).

Citation:

- Канакова А. Е. Категория «виртуальная территория государства»: понятие и элементы // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 20–25.
- Kanakova A. E. (2025) Category "Virtual Territory of the State": Concept and Elements. Legal Linguistics, 35, 20–25.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Назначение уголовных наказаний за преступления, совершенные в условиях военного положения: обзор международных стандартов

О. В. Маричева

Амурский государственный университет

шоссе Игнатьевское, 21, 675027, Благовещенск, Россия. E-mail: olia.maricheva@yandex.ru

В статье с позиции соответствия международным стандартам исследуются актуальные проблемы назначения уголовных наказаний за преступления, совершенные в условиях военного положения или вооруженных конфликтов. Анализируются различные подходы к укреплению независимости, объективности и универсальности норм международного уголовного права, повышению их соответствия интересам всего мирового сообщества. Ставится акцент на необходимости соблюдения гарантий процессуальных прав обвиняемых даже в условиях военного положения или вооруженных конфликтов. Также рассматривается вопрос защиты прав таких уязвимых групп, как женщины и дети в местах заключения. Комплексный подход к анализу международно-правовых стандартов применения уголовно-правовых мер в период вооруженных конфликтов составляет новизну данной работы. Особое внимание уделяется вопросам расширения критериев выявления и документирования индивидуальных характеристик жертв преступлений, а также разработке методологии комплексного учета их личностных, физических, социальных и функциональных особенностей при расследовании. Это позволит более эффективно учитывать специфику воздействия на отдельные категории пострадавших лиц и обеспечивать их полноценную правовую защиту. Раскрываются проблемы совершенствования правовой защиты индивидуальных прав человека в контексте предупреждения и наказания за преступления, исследуются пробелы в международном законодательстве. Анализируется взаимосвязь индивидуального и группового подходов при квалификации соответствующих актов, обосновывается необходимость разработки методологических рекомендаций и возможностей совершенствования понятийно-категориального аппарата международно-правовых актов. В заключение делается вывод о важности комплексного подхода, сочетающего развитие понятийно-категориального аппарата, методологии расследования, правовых гарантий и механизмов межгосударственного взаимодействия для укрепления доверия к международному уголовному праву и повышения эффективности его применения. Ключевые выводы статьи могут представлять интерес для ученых и практиков в области международного права, уголовного права и процесса.

Ключевые слова: военное положение, вооруженные конфликты, назначение уголовных наказаний, международные стандарты, права человека.

The Imposition of Criminal Penalties for Crimes Committed under State of Martial Law: Overview of International Standards

O. V. Marichva

Amur State University

21 Ignatievskoe shosse, 675027, Blagoveshchensk, Russia. E-mail: olia.maricheva@yandex.ru

The article investigates the acute problems of imposing criminal penalties for crimes committed under the state of martial law or armed conflicts with regard to the compliance with international standards. Various approaches to strengthening the independence, objectivity and universality of the norms of international criminal law, increasing their compliance with the interests of the entire world community are analyzed. Emphasis is placed on the need to respect guarantees of procedural rights of the defendants even under the state of martial law or in armed conflicts. The protection of the rights of vulnerable groups such as women and children in detention is also addressed. The novelty of the paper is a comprehensive approach to analyzing international legal standards on the application of criminal law measures in armed conflict. Particular attention is

paid to expanding the criteria for identifying and documenting the individual characteristics of victims of crime, as well as developing an investigation methodology for the integrated consideration of their personal, physical, social and functional characteristics. This will make it possible to more effectively take into account the specificity of the impact of the here above on certain categories of victims and ensure their full legal protection. The problems of improving the legal protection of individual human rights for the purposes of prevention and punishment of crimes are revealed, gaps in international legislation are studied. The interrelation of individual and group approaches to the qualification of relevant acts is analyzed; the necessity for developing methodological recommendations and possibilities for improving the conceptual and categorical apparatus of international legal acts is grounded. The conclusion is made about the importance of an integrated approach combining the development of conceptual and categorical apparatus, investigative methodology, legal guarantees and mechanisms of interstate interaction to build confidence in international criminal law and increase the effectiveness of its application. The key conclusions of the article may be of interest to scholars and practitioners of international law, criminal law and procedure.

Key words: martial law, armed conflict, criminal sentencing, international standards, human rights.

Повышенная общественная опасность преступлений, совершаемых в условиях военного времени, требует от системы уголовной юстиции максимально оперативного и эффективного реагирования. При этом нельзя забывать о строгом соблюдении международных стандартов, соблюдение которых может гарантировать эффективное предупреждение и пресечение противоправных действий, угрожающих стабильности и безопасности государства в таких непростых условиях.

Необходимость комплексного изучения международных стандартов для целей назначения уголовных наказаний в условиях военного положения, вооруженных конфликтов обусловлена рядом факторов: во-первых, растущее число вооруженных конфликтов и межгосударственных противостояний на международной арене ставит перед мировым сообществом задачу обеспечения базовых прав человека и недопущения жестокого обращения даже в условиях боевых действий; во-вторых, расширение практики привлечения к уголовной ответственности в военное время подчеркивает актуальность выработки четких стандартов обеспечения гарантий прав обвиняемых; в-третьих, несмотря на глубокие противоречия между государствами, существуют общечеловеческие ценности, которые должны лежать в основе международного сотрудничества в сфере уголовного правосудия, комплексный анализ этих ценностей позволит выявить перспективные направления совершенствования нормативно-правового регулирования. Таким образом, всестороннее исследование международных стандартов при реализации уголовных мер в условиях вооруженных конфликтов и сходных с ними условий обладает высокой актуальностью и практической значимостью.

До середины XIX века развитие военно-уголовного законодательства государств практически не подвергалось влиянию международного права ввиду слабости данных правовых институтов, а международное сотрудничество заключалось преимущественно в выдаче преступников [Степанов 2015: 80].

Кардинальное изменение ситуации началось с середины XIX века, когда международное сообщество взяло курс на правовую регламентацию поведения воюющих сторон и защиту жертв военных действий. Так, принятие Гаагских конвенций 1899 и 1907 годов закрепило фундаментальные принципы ведения военных операций и очертило неприкосновенные границы допустимого поведения комбатантов. Впервые на международном уровне были установлены составы военных преступлений, а также возложена обязанность на государства преследовать лиц, виновных в их совершении. Международное право стало оказывать все более существенное влияние на развитие национального военно-уголовного законодательства государств. Появление и поступательное развитие институтов международной уголовной юстиции дополнили и усилили систему национальных механизмов привлечения к ответственности за преступления, совершенные в военное время.

Современное международное право устанавливает четкие обязательства государств по сотрудничеству в сфере предупреждения и наказания серьезных нарушений прав человека, совершаемых в ходе вооруженных конфликтов. Общая цель принятых международных документов – обеспечение неотвратимого правосудия и наказания за преступления, совершаемые в период вооруженных конфликтов. В совокупности они формируют ключевые принципы международного правосудия, направленные на искоренение безнаказанности за преступления, совершаемые в условиях вооруженных конфликтов.

Так, Женевская конвенция «О защите гражданского населения во время войны» 1949 года установила обязательные стандарты гуманного обращения с мирными жителями, пострадавшими в результате военных действий. Важную правозащитную функцию в условиях вооруженных конфликтов выполняет установленный в статье 3 названной Конвенции принцип, запрещающий осуждение и наказание лиц без надлежащего судебного разбирательства. Данная норма гарантирует, что даже в самые тяжелые и напряженные периоды войны люди не будут произвольно лишены основополагающих правовых гарантий, таких как презумпция невиновности, право на защиту, справедливое судебное разбирательство. Процесс наказания за совершенные противоправные деяния должен проводиться строго в соответствии с законом и принципами справедливости. Соблюдение этого принципа не только имеет значение для защиты прав отдельных лиц, но и является основой для поддержания правопорядка и справедливости в условиях вооруженного конфликта. Это, в свою очередь, чрезвычайно важно для обеспечения устойчивого мира и стабильности общества в постконфликтный период за счет восстановления доверия граждан к государственным институтам и системе правосудия, предотвращения актов мести и самосуда. Таким образом,

реализация данной гарантии Женевской конвенции служит залогом преемственности правовых институтов и восстановления структуры общества, разрушенной войной.

Несмотря на важность Женевской конвенции 1949 года в защите прав человека в условиях военных действий, исследователи отмечают ряд ее существенных недостатков [Раджабов 2019: 82]. Размытость формулировок и недостаточная проработанность правовой базы, особенно в отношении процедурных гарантий для лиц, интернированных по соображениям безопасности в немеждународных вооруженных конфликтах, ограничивает уровень правовой защиты таких лиц. Неэффективная имплементация норм Конвенции в национальные законодательства государств снижает возможность практического применения и соблюдения международных стандартов на национальном уровне. Наличие правовых пробелов в регулировании новых средств и методов ведения военных действий создает угрозы для гуманитарной защиты в современных вооруженных конфликтах. С. О. Раджабов отмечает, что в совокупности указанные недостатки ослабляют общий правовой режим, направленный на защиту жертв войн и вооруженных конфликтов в соответствии с нормами международного гуманитарного права [Раджабов 2019: 83]. Следовательно, требуется дальнейшее развитие и адаптация данных международных договоров к реалиям вооруженных конфликтов XXI века.

Интерес в свете назначения уголовного наказания за преступления, совершаемые в ходе вооруженных конфликтов, представляет также Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года. Данная Конвенция определяет геноцид как отдельное международное преступление, за которое должны быть предусмотрены самые строгие меры наказания. Это обеспечивает надлежащую правовую основу для привлечения к уголовной ответственности лиц, причастных к актам геноцида в условиях войн и вооруженных столкновений. Конвенция возлагает на государства-участники безусловную обязанность предотвращать геноцид и наказывать виновных. Это означает, что национальные системы уголовного правосудия должны быть адаптированы для эффективного преследования и осуждения лиц, совершивших данное преступление, в том числе в период военных действий. Также Конвенция подчеркивает, что геноцид является одним из наиболее тяжких преступлений международного характера. Соответственно, при назначении наказания за него национальные суды должны руководствоваться принципами справедливости, соразмерности и неотвратимости ответственности. Кроме того, Конвенция предусматривает возможность выдачи лиц, обвиняемых в геноциде, другим государствам для осуществления уголовного преследования, что расширяет юрисдикцию и инструменты, доступные для наказания за данное преступление.

Таким образом, Конвенция 1948 года создает прочную правовую основу для эффективного уголовного преследования и наказания за геноцид, тем самым способствуя предотвращению этого преступления и защите наиболее уязвимых групп населения даже в период вооруженных столкновений.

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года также не лишена недостатков, в частности, по мнению А. Н. Агыбаева, к таковым относится регулирование противодействия актам геноцида только против групп с ограниченным перечнем признаков (национальные, этнические, расовые и религиозные). Поскольку геноцид может быть мотивирован и другими признаками, например политическими, социальными или культурными, необходимо расширение перечня охраняемых групп. Некоторые государства, такие как Польша, Франция, Беларусь и др., уже воплотили эту идею, включив в свое национальное законодательство более широкий перечень защищаемых категорий, например по мировоззренческим, политическим и другим признакам, либо используя открытый перечень [Агыбаев 2019: 19]. Еще одно заслуживающее внимания замечание указанного автора касается внимания к индивидуальным, помимо групповых, характеристикам жертв, поскольку часто объектом геноцида становятся конкретные индивиды с ярко выраженными индивидуальными особенностями [Агыбаев 2019: 19]. Это ставит вопрос о необходимости более детальной правовой регламентации защиты прав отдельной личности.

В развитие приведенных положений представляется целесообразным рассматривать следующие индивидуальные критерии, которые могут учитываться при противодействии геноциду: личностные характеристики жертвы или ее физические и биологические признаки. Личностные характеристики подразумевают социальный статус (профессия, род занятий, принадлежность к сословию или касте), политические взгляды и убеждения, культурную и религиозную самоидентификацию, особенности психологического склада личности. Под физическими и биологическими признаками следует понимать пол, возраст, состояние здоровья, внешние данные (в том числе этнические особенности), наличие инвалидности или других физических отличий. Учет этих и иных индивидуальных критериев при квалификации актов геноцида может способствовать более полной и объективной оценке преступления, а также расширению практики эффективного предупреждения и наказания за данное тяжкое международное преступление.

Еще одним значимым международным документом в свете рассматриваемой темы является Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, принятая в 1968 году. Главный смысл данной Конвенции заключается в том, что лица, совершившие военные преступления, преступления против человечности или геноцид, могут быть привлечены к ответственности и наказаны в любое время, даже спустя многие годы после совершения деяния. Данная норма преследует ряд важных целей: обеспечение неотвратимости наказания, с которым тесно связано предотвращение повторения преступлений, сохранение доказательств и свидетельств (исключение срока давности позволяет проводить расследования и судебные процессы даже спустя длительный период, что важно для обоснования вины), удовлетворение потребности в правосудии (жертвы и их близкие получают возможность добиться справедливого наказания виновных, вне зависимости от прошедшего с момента преступления времени), предотвращение укрывательства преступников, укрепление доверия к системе правосудия. Таким образом, данный международный договор является важным механизмом для

обеспечения реального правосудия и возмещения ущерба, причиненного жертвам военных конфликтов, путем неотвратимого наказания виновных лиц. Это ключевое значение Конвенции в контексте назначения уголовных наказаний в военное время. В целом устранение срока давности для данной категории преступлений демонстрирует готовность международного сообщества и национальных государств предоставить жертвам и их близким реальную возможность добиться правосудия, сколько бы времени ни прошло с момента совершения ужасающих деяний.

Еще один важный международный документ – Женевская конвенция об обращении с военнопленными. Этот международный акт подробно регламентирует вопросы уголовной ответственности и правового положения военнопленных, закрепляя обязанности государств по их надлежащему содержанию и защите. В контексте назначения уголовных наказаний в военный период следует обратить внимание на выделение отдельной группы военнопленных – тех, к которым применяются уголовные санкции, т. е. осужденные [Скиба 2022: 337]. Конвенция закрепляет возможность интернирования (содержания в изоляции) военнопленных, а также применения в их отношении различных мер со стороны государственных органов и международных организаций. Согласно статье 14 Конвенции, держащая в плену держава имеет право вводить определенные ограничения и запреты в отношении военнопленных, если того требуют обстоятельства их содержания. Например, могут быть ограничены право на передвижение, свобода вероисповедания, участие в общественно-политической жизни и другие права военнопленных. Однако такие ограничения должны быть строго необходимыми и соразмерными, с учетом конкретной ситуации и целей, преследуемых государством-держателем. Таким образом, Конвенция предусматривает возможность определенного «отступления» от общего режима прав военнопленных, но в пределах, продиктованных исключительно требованиями содержания их в плену. Это дает государству определенную гибкость, но при этом требует соблюдения принципа соразмерности вводимых ограничений.

Женевская конвенция об обращении с военнопленными содержит ряд положений, направленных на защиту прав военнопленных и предотвращение нарушений с их стороны: ограничение выхода за пределы закрытых учреждений для осужденных военнопленных, что препятствует совершению ими новых преступлений, изъятие ценных вещей у военнопленных только в целях обеспечения их безопасности, а не для личной наживы, изоляция женщин-военнопленных во время сна и при отбытии дисциплинарных взысканий, что предупреждает возможные преступления против половой неприкосновенности [Скиба, Малолеткина 2022: 526]. Некоторые положения Женевской конвенции об обращении с военнопленными вызывают критику в научном сообществе. В частности указывается на отсутствие четкого разграничения между преступлениями и дисциплинарными проступками, совершаемыми военнопленными, «смешение» преступлений и правонарушений в регулировании ответственности военнопленных, преимущественное применение дисциплинарных мер вместо судебного преследования за совершение военнопленными преступлений, обязательное применение максимальной снисходительности и предпочтение дисциплинарных мер наказания вместо судебного преследования, смягчение наказания без учета предписанного военнопленному минимума и отсутствие наказания для военнопленных, которые после удачного побега снова попали в плен [Скиба, Малолеткина 2022: 525]. В отличие от российского права, четко регламентирующего составы преступлений и виды наказаний, Конвенция допускает больший элемент усмотрения при выборе мер ответственности применительно к военнопленным и демонстрирует обобщенный подход при регулировании применения отдельных средств исправления осужденных военнопленных [Скиба 2022: 338]. В целом, режимные требования Конвенции можно расценивать как превентивные меры, которые направлены на минимизацию рисков совершения военнопленными преступлений и иных правонарушений во время их нахождения в плену.

По мнению некоторых ученых, международное правовое регулирование в отношении уголовных наказаний в экстремальных условиях при наличии «ряда удачных положений» в целом недостаточно [Скорик, Кокиев 2024: 113]. К «удачным», по мнению Е. Н. Скорик и А. Ж. Кокиева, можно отнести акты, закрепляющие абсолютный запрет на нарушение прав человека, включая условия военного положения: Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; статью 2 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; статью 11 Конвенции о правах инвалидов и др. Наряду с перечисленными актами существуют международные документы, позволяющие ограничить права человека в чрезвычайных обстоятельствах при определенных оговорках и ограничениях, отвечающих принципам гуманности и уважения к основным правам [Скорик, Кокиев 2024: 113]. Согласно Всеобщей декларации прав человека, такие ограничения должны быть установлены законом, преследовать цели уважения прав других лиц, обеспечения общественного порядка и блага. Международный пакт о гражданских и политических правах допускает применение государством чрезвычайных мер в условиях угрозы безопасности, но при этом устанавливает ряд абсолютных запретов, неподлежащих ограничению даже в условиях войны или чрезвычайного положения, включая запрет на посягательство на право на жизнь и применение пыток. Это важно для обеспечения справедливости при назначении уголовных наказаний в военное время. Европейская конвенция о защите прав человека также определяет возможность ограничения некоторых прав в чрезвычайных ситуациях, включая лишение свободы, ограничение частной жизни и свободы выражения мнения. Вместе с тем она сохраняет абсолютные запреты на лишение жизни, пытки и рабство.

Уникальную систему норм представляют собой Правила ООН, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила), регулирующие обращение с женщинами-заключенными и меры наказания, не связанные с лишением

свободы. Бангкокские правила особое внимание уделяют ситуациям, когда дети находятся вместе с осужденными матерями в исправительных учреждениях.

Таким образом, международные правовые акты устанавливают четкие рамки для ограничения прав человека в экстремальных условиях, стремясь сбалансировать требования национальной безопасности и защиту основополагающих прав личности. Это принципиально в вопросе обеспечения справедливости в сфере уголовного правосудия в военное время.

В соответствии с Бангкокскими правилами, персонал исправительных учреждений, где содержатся женщины-заключенные с детьми, должен проходить специальную подготовку по развитию детей и навыкам медицинского ухода за ними, что обеспечивает адекватное реагирование персонала в чрезвычайных ситуациях, связанных с детьми. Данное регулирование ставит во главу угла вопросы гуманного обращения с заключенными и соблюдения прав несовершеннолетних. Таким образом, Бангкокские правила способствуют обеспечению правового порядка и защищенности наиболее уязвимых категорий населения, что имеет принципиальное значение в условиях военных конфликтов, когда соблюдение прав человека подвержено серьезному риску.

Важное место в международном правовом регулировании в контексте назначения уголовных наказаний в военное время занимают Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от Международного пакта о гражданских и политических правах. Они содержат детальные положения об ограничении прав человека в условиях чрезвычайных ситуаций. Согласно Сиракузским принципам, любые ограничения прав должны быть максимально конкретными, при этом бремя доказывания их правомерности лежит на государстве. В военное время, когда государство несет ответственность за соблюдение прав и свобод граждан, это особенно актуально. Принципы требуют, чтобы ограничения применялись с учетом характера и оснований их введения, были соразмерными и основывались на объективных факторах. Это означает обязательство государств гарантировать равенство перед законом и избегать произвольного применения мер, что весьма значимо для обеспечения справедливости в уголовном процессе. Сиракузские принципы подчеркивают, что ряд прав, таких как право на жизнь и свободу от пыток, не может быть ограничен даже в условиях войны. Это служит основой для защиты прав обвиняемых. Принципы также акцентируют ключевое значение соблюдения права на справедливое судебное разбирательство даже в условиях вооруженного конфликта, возлагая на государство обязанность предоставлять обвиняемому возможность защищать свои интересы. В целом Сиракузские принципы формируют важные юридические стандарты для назначения уголовных наказаний в военное время, фокусируясь на необходимости соблюдения процессуальных прав и гарантий для всех лиц, подвергающихся уголовному преследованию.

Таким образом, любые ограничения прав человека, даже в условиях военного положения, вооруженных конфликтов должны быть строго регламентированы, преследовать легитимные цели и соответствовать принципу разумной пропорциональности. Это коррелирует со стремлением международного права найти баланс между защитой национальной безопасности и гарантиями основных прав граждан.

Действенность норм современного международного уголовного права является предметом научных споров. Некоторые ученые, например профессор С. Ного, критикуют существующую концепцию развития этой отрасли права, считая, что оно стало «проявлением воли лишь отдельных государств» [Ного 2024: 568]. Вместо этого предлагается сместить фокус на результат совместной деятельности и консолидированных усилий всего мирового сообщества. Это выдвигает на повестку дня вопрос о необходимости совершенствования механизмов международного уголовного правосудия, обеспечения их независимости и объективности.

В условиях военного времени назначение уголовных наказаний должно основываться на строгом соблюдении международных стандартов прав человека и принципов справедливости, даже когда безопасность государства может казаться находящейся под угрозой. Международные нормы в этом случае служат рамками, в которых должна происходить уголовная юстиция, гарантируя защиту основополагающих прав. Это не только способствует справедливости и правопорядку, но и укрепляет моральный авторитет государства в глазах международного сообщества, демонстрируя его приверженность к правам человека.

На основании проведенного анализа международных документов можно сформулировать следующие предложения касательно назначения уголовных наказаний за преступления, совершенные в условиях военного положения.

1. В целях укрепления независимости и объективности норм международного уголовного права и охвата ими интересов всего мирового сообщества, а не только отдельных влиятельных государств, следует расширить критерии выявления и документирования индивидуальных характеристик жертв геноцида, разработку методологии комплексного учета личностных, физических, социальных и функциональных особенностей индивида при расследовании соответствующих преступлений.

2. Строгое соответствие применения уголовных наказаний в условиях военного положения, вооруженных конфликтов международным стандартам прав человека и принципам справедливости даже в условиях угрозы безопасности государства требует совершенствования правовой защиты индивидуальных прав в контексте предупреждения и наказания за такие преступления, исследования пробелов в международном и национальном законодательстве, а также разработки предложений по расширению круга охраняемых индивидуальных признаков в нормах, регулирующих ответственность за преступления.

3. Гарантия защиты основных прав человека в условиях военного времени международными нормами предполагает анализ взаимосвязи индивидуального и группового подходов при квалификации преступлений, разработку методологических рекомендаций по комплексному применению групповых и индивидуальных

критериев, а также изучение возможностей совершенствования понятийного аппарата.

4. Для повышения эффективности механизмов международного уголовного правосудия и укрепления его моральной легитимности необходимо усилить консолидацию усилий всех участников мирового сообщества.

Такой комплексный подход, сочетающий совершенствование понятийно-категориального аппарата, методологии расследования, правовых гарантий и межгосударственного взаимодействия, может способствовать укреплению доверия к международному уголовному праву и повышению его действенности в борьбе с преступлениями, совершаемыми в условиях военного положения.

Литература

Агыбаев А. Н. Конвенция ООН о геноциде 1948 года: некоторые концептуальные аспекты / Евразийский союз ученых. – 2019. – № 4-8(61). – С. 17-20.

Ного С. О несостоятельности современного международного уголовного права / Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В. П. Коняхина : сборник материалов международной научно-практической конференции, Краснодар, 01–02 февраля 2024 года. – Краснодар, 2024. – С. 561-568.

Раджабов С. О. Женевские конвенции: 70 лет на защите жертв вооруженных конфликтов / Академический юридический журнал. – 2019. – № 3 (31). – С. 82-84.

Скиба А. П. Девиантное поведение осужденных военнопленных и исправительно-профилактическое воздействие в их отношении: постановка проблемы / Российский девиантологический журнал. – 2022. – № 2 (3). – С. 332-345.

Скиба А. П., Малолеткина Н. С. Предупреждение правонарушений осужденных военнопленных: проблемы международно-правового, уголовно-исполнительного и иного правового регулирования / Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16. – № 4. – С. 522-528.

Скорик Е. Н., Кокиев А. Ж. Исполнение уголовных наказаний в чрезвычайных условиях: некоторые международно-правовые аспекты / Вестник Кузбасского института. – 2024. – № 1(58). – С. 111-118.

Степанов П. П. Становление отечественного законодательства об уголовной ответственности за совершение военных преступлений / Союз криминалистов и криминологов. – 2018. – № 1. – С. 77-100.

References

Agybayev, A. N. (2019). UN Genocide Convention of 1948: Some Conceptual Aspects. Eurasian Union of Scientists, 4-8(61), 17-20 (in Russian).

Nogo, S. (2024). On the insolvency of modern international criminal law. In Institutional Foundations of Criminal Law of the Russian Federation: on the 70th Anniversary of Professor V.P. Konyakhin. Krasnodar, 561-568 (in Russian).

Radzhabov, S. O. (2019). The Geneva Conventions: 70 Years of Protecting Victims of Armed Conflicts. Academic Law Journal, 3(31), 82-84 (in Russian).

Skiba, A. P. (2022). Deviant Behavior of Convicted Prisoners of War and Correctional and Preventive Impact on Them: Problem Statement. Russian Deviantology Journal, 2(3), 332-345 (in Russian).

Skiba, A. P., Malolyotkina, N. S. (2022). Prevention of Offenses by Convicted Prisoners of War: Problems of International Legal, Penal and Other Legal Regulation. All-Russian Criminological Journal, 16(4), 522-528 (in Russian).

Skorik, E. N., Kokiev, A. Zh. (2024). Execution of Criminal Punishments in Emergency Conditions: Some International Legal Aspects. Bulletin of the Kuzbass Institute, 1(58), 111-118 (in Russian).

Stepanov, P. P. (2018). Formation of Domestic Legislation on Criminal Liability for War Crimes. Union of Criminalists and Criminologists, 1, 77-100 (in Russian).

Citation:

Мариичева О. В. Назначение уголовных наказаний за преступления, совершенные в условиях военного положения: обзор международных стандартов // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 26-31.

Marichva O. V. (2025) The Imposition of Criminal Penalties for Crimes Committed under State of Martial Law: Overview of International Standards. Legal Linguistics, 35, 26-31.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

История становления дистанционного труда в России: от первых законодательных инициатив до современных норм

И. А. Прасолова¹, Ю. Е. Василенко²

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹inna_prasolova@mail.ru,

²vasilenkojulia77@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена высокой скоростью развития научно-технического прогресса, которая в свою очередь приводит к возникновению новых, нетипичных форм занятости. Мир труда претерпел значительные изменения, одним из которых стало активное распространение дистанционной работы. Развитие информационных технологий, растущая глобализация и изменения в организации труда привели к формированию нового типа занятости, не требующего постоянного присутствия работника на территории работодателя. В России вопрос дистанционного труда впервые стал предметом обсуждения на законодательном уровне в начале 2000-х годов, когда появление новых форм занятости стало актуальной задачей для правового регулирования. Первые законодательные инициативы были направлены на установление базовых прав и обязанностей участников удаленного трудового процесса, однако они не могли учесть всех особенностей такой работы. Несмотря на то, что гл. 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников» была введена в Трудовой кодекс РФ еще в 2013 году, особый интерес к дистанционному труду возник на фоне пандемии COVID-19, когда дистанционная занятость стала вынужденной необходимостью для многих работодателей. Это привело к ускоренному реформированию нормативной базы, касающейся удаленной работы, с целью адаптации законодательства к изменяющимся условиям труда. Введение новых норм позволило более точно урегулировать трудовые отношения в условиях дистанционной занятости, учитывая особенности рабочих процессов. Проведенное исследование позволило сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования трудового законодательства в области правового регулирования дистанционного труда.

Ключевые слова: дистанционная работа, история дистанционного труда, удаленная работа.

The History of Distance Working Development in Russia: from the First Legislative Initiatives to Modern Standards

I. A. Prasolova¹, Yu. E. Vasilenko²

Altai State University

68 Sotsialisticheski Str., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹inna_prasolova@mail.ru,

²vasilenkojulia77@mail.ru

The relevance of the study is due to the high pace of development of scientific and technological progress, which in turn leads to the emergence of new, atypical forms of employment. The world of work has undergone significant changes, one of which has been the active spread of distance working. The development of information technology, growing globalization and changes in the organization of work have led to the formation of a new type of employment that does not require the constant presence of the employee on the employer's premises. In Russia, the issue of distance working first became the subject of discussion at the legislative level in the early 2000s, when the emergence of new forms of employment became an urgent task for legal regulation. The first legislative initiatives were aimed at establishing the basic rights and obligations of participants in the distance working process, but they could not take into account all the features of such work. Despite the fact that Ch. 49.1 was introduced into the Labor Code of the Russian Federation back in 2013, special interest in remote work arose against the backdrop of the COVID-19 pandemic, when remote employment became a factual constraint for many employers. This has led to accelerated reform of the regulatory framework relating to distance working, with the aim of adapting legislation to changing working conditions. The introduction of new rules and regulations made it possible to more

accurately regulate labor relations in conditions of distance employment, taking into account the peculiarities of work processes. The conducted research allowed us to conclude that it is necessary to further improve labor legislation in the field of legal regulation of distance working.

Key words: distance working, history of distance working, telework.

Предпосылки возникновения дистанционного труда уходят своими корнями в глубокое прошлое. Идея того, что работа может быть выполнена на расстоянии, зародилась задолго до появления современных технологий. С древних времен люди использовали различные формы труда, которые могли выполняться удаленно. Например, Т. М. Гусева отмечает, что крестьяне, работающие на своих землях, занимались не только полевыми работами, но и переработкой урожая, и изготовлением товаров у себя дома. Ремесленники, такие как кузнецы, гончары и ткачи, также трудились в своих мастерских, зачастую расположенных дома, создавая продукцию, которая позже продавалась на рынке [Гусева 2021: 33].

Средневековые мастера часто выполняли заказы, не выходя из своих домов, поддерживая связь с клиентами через посредников или заказчиков. С. А. Содикова отмечает, что в средние века надомный труд был популярен среди женщин, которые на дому вязали, пряли и занимались ткачеством [Содикова 2024: 42]. Как правило, такие надомники сами добывали сырье, обрабатывали его дома и возвращали готовую продукцию заказчику. Это позволило им оставаться в привычной среде и поддерживать гибкий график, что стало своеобразным прообразом современного удаленного труда.

Что касается нашего государства, то в Советском Союзе также имела место работа вне территории работодателя. Однако такая работа существенно отличалась от современного дистанционного труда. Экономика была централизована, и рабочий процесс в основном проходил на государственных предприятиях, помимо этого научно-техническое развитие государства не позволяло организовать дистанционную работу в современном ее понимании, поскольку на тот момент еще не было интернета и высокой компьютеризации. Поэтому работа вне места нахождения работодателя сводилась в основном к надомному труду. Такой труд в основном использовался для специфических групп населения, а также в некоторых отраслях производства.

Е. С. Заиченко отмечает, что впервые надомный труд получил свое закрепление в КЗоТ РСФСР 1922 г. и постановлениях СНК РСФСР, где использовался термин «квартирники». Согласно постановлению СНК РСФСР от 2 июля 1923 г. «Об изъятиях по распространению Кодекса законов о труде на квартирников», квартирниками считались лица, выполняющие у себя на дому работу по найму, исключительно личным трудом (не используя наемного труда, в том числе труда учеников) и из материалов работодателя. На указанных лиц не распространялись, в частности, правила о нормах выработки, времени начала и окончания рабочего дня, для них были предусмотрены некоторые дополнительные основания прекращения договора и т. д. [Заиченко 2011: 109].

Е. А. Позднякова, О. А. Тарнавский подчеркивают, что одним из характерных признаков квартирников являлся элемент, показывающий, для кого выполнялись заказы на дому. Так, например, это не касалось заказов, которые хотя и выполнялись на дому, но предназначались исключительно для личных нужд рабочего или служащего, а также членов его семьи [Позднякова, Тарнавский 2021: 298].

Далее, Постановлением СНК РСФСР от 15 ноября 1928 г. «Об условиях труда квартирников» в законодательство были внесены некоторые изменения и дополнения. В частности, Е. С. Заиченко отмечает, что допускалось участие в работе квартирника членов его семьи, работа могла выполняться не только из материалов, выданных нанимателем в натуре, но и из приобретенных надомником, а также из подсобных материалов надомника, изменились некоторые правила об увольнении, устанавливались новые правила об оплате простоев, порядке предоставления отпуска [Заиченко 2011: 111].

КЗоТ РСФСР 1971 г., пришедший на смену КЗоТ РСФСР 1922 г., не содержал определение понятия надомников, а также квартирников. В нем были лишь общие нормы о трудовых договорах, правах и обязанностях работников, которые распространялись в том числе и на надомников.

Позже было принято Постановление Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 29 сентября 1981 г. № 275/17-99 «Об утверждении Положения об условиях труда надомников». Данный документ установил в п. 1 определение понятия надомного труда, согласно которому «надомниками считаются лица, заключившие трудовой договор с объединением, комбинатом, предприятием, учреждением, организацией, колхозом о выполнении работы на дому личным трудом из материалов и с использованием орудий и средств труда, выделяемом предприятием, либо приобретаемых за счет средств этого предприятия. Администрация может разрешать надомникам изготовление изделий для предприятия из собственных материалов и с использованием личных механизмов и инструментов. Перечень видов собственных материалов и количество изготавливаемых из них изделий, а также порядок предоставления сырья и материалов определяются в отраслевой инструкции». В п. 2 было закреплено, что «на надомников распространяется действие законодательства Союза ССР и союзных республик о труде с особенностями, установленными настоящим Положением. Труд надомников регулируется отраслевыми инструкциями, коллективным и трудовым договорами». (Приказом Минтруда России от 29 декабря 2016 г. № 848 данное постановление признано не действующим.)

Можно выделить основные категории работников, надомный труд которых был востребован в СССР:

1. Труд людей с ограниченными возможностями. В Советском Союзе надомный труд активно использовался для людей с инвалидностью, которым было трудно работать на заводах или других производственных предприятиях.

Специальные организации помогали обеспечить их работой, которую они могли выполнять дома. Зачастую это была сборка мелких деталей или шитье, что позволяло людям с ограниченными возможностями вносить вклад в экономику. Ф. И. Мирзабалаева справедливо отмечает, что расширение надомного труда и на сегодняшний день может оказать положительное воздействие на трудоустройство лиц с ограниченными возможностями [Мирзабалаева 2012: 66].

2. Надомный труд женщин. Женщины, особенно матери с маленькими детьми, также могли выполнять работу на дому. Преимущественно это были виды труда, связанные с текстильной промышленностью: шитье, вязание, вышивание и обработка тканей. Государство поощряло занятость женщин, поэтому в некоторых случаях создавались условия для выполнения производственных задач дома, что позволяло им совмещать работу и уход за детьми.

3. Работники кооперативов и артелей. В советские годы существовали ремесленные кооперативы и артели, в которых мастера занимались производством товаров в своих домах или небольших мастерских. Они изготавливали мебель, сувениры, текстильные изделия, а также продукцию для повседневного потребления. Работая в кооперативах, мастера могли сохранять определенную автономию и работать частично на дому, хотя их деятельность оставалась под контролем государства. Однако, как отмечает А. М. Белоновская, артельные предприятия нередко организовывались на государственных заводах (в тех случаях, когда жизнеспособность предприятия невозможно было поддержать за счет государственных средств) [Белоновская 2010: 92].

Согласно статистике, надомных работников в СССР было около 1000 на каждой из фабрик [Заиченко 2011: 111]. Это примерно 10-15% от общей численности трудоспособного населения. Центральное планирование требовало концентрации рабочих на производственных площадках для выполнения пятилетних планов. Сфера надомного труда оставалась вспомогательной и применялась преимущественно в легкой промышленности. К тому же отсутствие современных технологий ограничивало возможность эффективного контроля и координации надомной работы.

Таким образом можно сделать вывод, что советский опыт надомного труда стал одной из первых попыток адаптации работы на расстоянии. Однако он отличался от современного дистанционного труда отсутствием информационно-телекоммуникационных сетей связи. Как отмечает А. Маматханов, современный дистанционный труд появился с середины 1990-х гг. XX века, поскольку именно в тот период времени начал повсеместно распространяться интернет [Маматханов 2011: 91]. При этом С. Ю. Чуча выделяет следующие предпосылки для законодательного закрепления дистанционного труда в России: научно-технический прогресс, развитие экономики и реформа законодательства, позволившая дистанционное оформление трудовых отношений [Чуча 2021: 65].

Соответственно, становление дистанционного труда стало результатом влияния множества социально-экономических, технологических и культурных факторов. В свою очередь перечисленные факторы создали условия для перехода от традиционного офисного формата работы к более гибким и адаптивным моделям, что продолжает формировать новую реальность рынка труда.

Дистанционная работа в России получила законодательное закрепление только 5 апреля 2013 г. посредством принятия Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14.03.2022 г. № 60-ФЗ, который дополнил ТК РФ новой главой 49.1, посвященной особенностям регулирования труда дистанционных работников.

А. А. Малышев отмечает, что изначально в дистанционном формате преимущественно работали: программисты (51%), дальше – сотрудники служб поддержки клиентов (38%), дизайнеры (27%), аналитики (15%) и сотрудники финансового департамента (15%) [Малышев 2018: 39].

Как справедливо указывает Ю. Б. Носова, распространение в 2020 году новой коронавирусной инфекции на практике показало, что трудовое законодательство не было готово к сложившейся ситуации [Носова 2022: 137]. Как следствие, коронавирусная инфекция стала новым толчком к развитию дистанционного труда.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, за время пандемии число работающих удаленно выросло в 8 раз. На практике у работодателей возникли проблемы перевода персонала на дистанционную работу, поскольку ситуация в каждой из отраслей оказалась по-своему уникальной, а регулирование дистанционной сферы труда все еще находилось в стадии разработки и совершенствования [Позднякова 2019: 154].

В связи с этим был принят Федеральный закон от 08.12.2020 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях».

До внесения изменений гл. 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников» включала всего 5 статей 312.1-312.5. В ее новой редакции практически все нормы претерпели изменения, а также к ним были добавлены новые статьи (312.6-312.9 ТК РФ). Подобные действия со стороны законодателя были направлены, в первую очередь, на устранение целого ряда правовых неопределенностей.

Одной из наиболее значимых поправок ФЗ № 407-ФЗ стало установление легального определения понятия дистанционной работы в ч. 1 ст. 312.1 ТК РФ. Введение данного определения стало важным шагом для юридического разграничения надомного и дистанционного труда как разных видов занятости. До реформы в практике существовали проблемы, связанные с тем, что работодатели путали надомную и дистанционную работу при оформлении документации (Решение Дзержинского районного суда г. Волгограда Волгоградской области от 31 октября 2016 г. по делу № 2-13320/2016).

Согласно ч. 1 ст. 312.1 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ), «дистанционной (удаленной) работой (далее – дистанционная работа, выполнение трудовой функции дистанционно) является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного

обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет", и сетей связи общего пользования». Исходя из анализа данного в ТК РФ определения понятия, можно сделать вывод, что современная дистанционная работа осуществляется с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Как подчеркивает О. Н. Альхименко, именно интернет для современного общества стал важным элементом инфраструктуры рынка труда [Альхименко 2012: 64].

Далее, одной из новелл является дополнение ч. 2 ст. 312.1 ТК РФ классификацией дистанционной работы на постоянную, временную и периодическую.

Помимо этого, новая норма ст. 312.9 ТК РФ позволила устанавливать режим временной дистанционной (удаленной) работы как по соглашению сторон, так и в силу: производственной необходимости; из-за производственной аварии, несчастных случаев на производстве, катастроф, эпидемий и иных исключительных случаев. В таких ситуациях работодатель может ввести режим временной дистанционной работы в упрощенном порядке – путем издания локального нормативного акта.

Отдельное внимание законодатель уделил оплате труда дистанционных работников, установив в ст. 312.5 ТК РФ дополнительную гарантию удаленным работникам, согласно которой «выполнение работником трудовой функции дистанционно не может являться основанием для снижения ему заработной платы».

Обновленные нормы ст. 312.3 ТК РФ конкретизируют порядок взаимодействия работника и работодателя в дистанционном режиме. В частности, поправки закрепляют: возможность использования электронного документооборота между сторонами трудового договора (в том числе для обмена документами, заявлениями, ознакомления с локальными нормативными актами); возможность использования работником личного имущества и необходимость компенсации расходов работника на такое использование.

Помимо этого, в трудовое законодательство впервые введена норма ч. 6 ст. 312.4 ТК РФ: «время взаимодействия дистанционного работника с работодателем включается в рабочее время». Данная норма косвенно гарантирует право работника на неприкосновенность времени отдыха. Право на отдых установлено ст. 37 Конституции РФ, однако фактическое размывание границ между рабочим и личным временем стало характерной чертой в условиях развития удаленной работы и цифровых технологий. Согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 312.4 ТК РФ, режим рабочего времени для дистанционного работника может быть как четко фиксирован, так и нет. В связи с чем особенно уязвимы сотрудники в тех ситуациях, когда на основании ч. 2 ст. 312.4 ТК РФ работодатель не устанавливает им фиксированный режим рабочего времени.

В такой ситуации гарантии неприкосновенности времени отдыха приобретают особую значимость. Они становятся не только инструментом сохранения физического и психологического здоровья работников, но и основой для поддержания баланса между профессиональной деятельностью и личной жизнью. Особенно это касается работников с сокращенным рабочим временем, поскольку нормы ст. 92 ТК РФ и ст. 94 ТК РФ носят императивный характер, устанавливая предельную сокращенную продолжительность рабочего времени для отдельных категорий работников (несовершеннолетние, инвалиды и т. д.).

В связи с чем представляется возможным внесение дополнений в ст. 312.4 ТК РФ путем включения императивной нормы, обязывающей работодателей устанавливать конкретный режим рабочего времени для всех категорий работников, которым установлено сокращенное рабочее время. Такое изменение обеспечило бы возможность контролировать реализацию права указанных сотрудников на сокращенную продолжительность рабочего дня в условиях дистанционной работы.

Еще одной, не менее важной поправкой, внесенной Федеральным законом от 08.12.2020 г. № 407-ФЗ, стала ст. 312.8 ТК РФ, предусматривающая дополнительные основания для расторжения трудового договора с дистанционными работниками.

Согласно ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ, «трудовой договор с дистанционным работником может быть расторгнут по инициативе работодателя в случае, если в период выполнения трудовой функции дистанционно работник без уважительной причины не взаимодействует с работодателем по вопросам, связанным с выполнением трудовой функции, более двух рабочих дней подряд со дня поступления соответствующего запроса работодателя».

Формулировка, указанная в представленной выше норме, подвергается критике в литературе. Ю. Б. Носова считает, что законодатель предусмотрел слишком длительный срок для невыхода на связь. В том случае, если работник будет отвечать на запросы работодателя раз в два дня, его нельзя будет уволить по ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ [Носова 2022: 137].

Ч. 2 ст. 312.8 ТК РФ устанавливает, что «трудовой договор с работником, выполняющим дистанционную работу на постоянной основе, может быть прекращен в случае изменения работником местности выполнения трудовой функции, если это влечет невозможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору на прежних условиях».

Эта норма была введена относительно недавно, поэтому судебная практика по ее применению пока не сложилась. Предположительно, примером таких ситуаций могут служить случаи, когда работник переезжает в регионы с особыми климатическими условиями, предусматривающими выплату надбавок в соответствии со ст. 10 Закона РФ № 4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего

Севера и приравненных к ним местностях» от 19 февраля 1993 г. Переезд в такие районы приводит к невозможности выполнения работником своих обязанностей на прежних условиях трудового договора, так как, в частности, условия оплаты труда будут подлежать изменению.

Реформа трудового законодательства в сфере дистанционного труда преследовала цель урегулировать массовый переход на дистанционный формат работы, устранить пробелы в законодательстве и обеспечить баланс интересов работников и работодателей. Внесенные изменения сделали регулирование дистанционного труда более гибким, прозрачным и адаптированным к вызовам цифровой экономики. Поправки стали важным шагом в адаптации российского законодательства к современным реалиям, а также к растущему распространению удаленного формата работы.

Дистанционный труд стал важным этапом в истории трудовых отношений, оказав значительное влияние на многие аспекты жизни общества. Вместе с тем в дореволюционный и советский период истории развития России формально дистанционного труда не существовало. Можно лишь выделить предпосылки, которые впоследствии создали основу для его появления. В частности, можно рассматривать надомный труд как прообраз современного дистанционного труда, хотя тогда он не был связан с использованием современных технологий.

Только в постсоветский период, с развитием рыночной экономики и широким внедрением информационных технологий, дистанционный труд стал формироваться как отдельная категория трудовых отношений. Сегодня он играет ключевую роль в модернизации экономики и изменении подходов к организации работы.

Современные нормы законодательства об удаленном труде отражают стремление государств адаптировать правовые системы к изменяющимся условиям рынка труда и развитию цифровой экономики. Однако развитие законодательства о дистанционном труде требует балансирования между инновационностью, социальной справедливостью и адаптацией к будущим вызовам. В связи с чем можно сделать вывод, что правовое регулирование дистанционного труда в будущем неизбежно будет продолжать эволюционировать, отражая изменения в технологической среде, потребностях общества и экономических реалиях.

Литература

- Альхименко О. Н. Дистанционная занятость: понятие, содержание и современные особенности / Вопросы структуризации экономики. - 2012. - № 3. - С. 64-67.
- Белоновская А. М. Оценка значимости исторического опыта производственных кооперативов (артелей) в современной хозяйственной практике / Экономический журнал. - 2010. - № 18. - С. 91-97.
- Гусева Т. М. Промысловая деятельность крестьянского сословия в пореформенный период (на примере Темниковского уезда Тамбовской губернии) / Вестник НИИ Гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. - 2021. - № 1 (57). - С. 31-38.
- Заиченко Е. С. Труд надомников в России: история развития правового регулирования / Труды Института государства и права РАН. - 2011. - № 2. - С. 108-118.
- Малышев А. А. Эволюция практики удаленной работы в России и за рубежом / Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018. - № 3 (28). - С. 33-40.
- Маматханов А. Из истории развития надомного труда (удаленной работы) / Экономика и финансы (Узбекистан). - 2011. - № 4-5. - С. 88-94.
- Мирзабалаева Ф. И. Проблемы трудоустройства инвалидов на региональном рынке труда / Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. - 2012. - № 5. - С. 62-66.
- Носова Ю. Б. Дистанционный труд: достижения и несовершенства современного трудового законодательства / Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. - 2022. - № 3. - С. 133-142.
- Позднякова Е. А. Права трудящихся защищает КЗоТ / Российское законодательство 1920-х годов. Монография. - М., 2019. - С. 152-169.
- Позднякова Е. А., Тарнавский О. А. Выполнение работником работы вне места нахождения работодателя: история и современность / Образование и право. - 2021. - № 8. - С. 297-305.
- Содикова С. А. Эволюция вязального ремесла в средневековой средней Азии / Историк (Муаррих). - 2024. - № 2 (37). - С. 41-46.
- Чуча С. Ю. Модернизация правового регулирования дистанционного труда в России: предпосылки, условия, перспективы / Вестник ОмГУ. Серия. Право. - 2021. - № 2. - С. 64-73.

References

- Alkhimenko, O. N. (2012). Distance employment: concept, content and modern features. *Issues of economic structuring*, 3, 64-67 (in Russian).
- Belonovskaya, A. M. (2010). Assessing the significance of the historical experience of production cooperatives (artels) in modern economic practice. *Economic Journal*, 18, 91-97 (in Russian).
- Chucha, S. Yu. (2021). Modernization of legal regulation of remote work in Russia: prerequisites, conditions, prospects. *Bulletin of Omsk State University. Series. Right*, 2, 64-73 (in Russian).

-
- Guseva, T. M. (2021). Commercial activity of the peasant class in the post-reform period (on the example of Temnikovsky district of Tambov province). *Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia*, 1 (57), 31-38 (in Russian).
- Malyshev, A. A. (2018). Evolution of the practice of remote work in Russia and abroad. *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 3 (28), 33-40 (in Russian).
- Mamathanov, A. (2011). From the history of the development of home work (remote work). *Economics and Finance (Uzbekistan)*, 4-5, 88-94 (in Russian).
- Mirzabalaeva, F. I. (2012). Problems of employment of disabled people in the regional labor market. *Bulletin of the Dagestan State University. Series 3: Social Sciences*. 2012, 5, 62-66 (in Russian).
- Nosova, Yu. B. (2022). Distance work: achievements and imperfections of modern labor legislation. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences*, 3, 133-142 (in Russian).
- Pozdnyakova, E. A. (2019). The rights of workers are protected by the Labor Code. *Russian lawmaking of the 1920s. Monograph. Moscow*, 152-69 (in Russian).
- Pozdnyakova, E. A., Tarnavsky, O. A. (2021). Work performed by an employee outside the location of the employer: history and modernity. *Education and Law*, 8, 297-305 (in Russian).
- Sodikova, S. A. (2024). The evolution of knitting craft in medieval Central Asia. *Historian (Muarrikh)*, 2 (37), 41-46 (in Russian).
- Zaichenko, E. S. (2011). Work of homeworkers in Russia: history of the development of legal regulation. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2, 108-118 (in Russian).
-

Citation:

Прасолова И. А., Василенко Ю. Е. История становления дистанционного труда в России: от первых законодательных инициатив до современных норм // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 32-37.

Prasolova I. A., Vasilenko Yu. E. (2025) The History of Distance Working Development in Russia: from the First Legislative Initiatives to Modern Standards. *Legal Linguistics*, 35, 32-37.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Законная профессиональная деятельность медицинского работника в составе воспрепятствования оказанию медицинской помощи (ст. 124¹ УК РФ)

Е. П. Глебова

Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

ул. Чкалова, 49, 656038, Барнаул, Россия. E-mail: glebovaep@mail.ru

Статья посвящена характеристике законной профессиональной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи в составе преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 124¹ УК РФ. Обращается внимание на наличие у правоприменителей определенных затруднений при толковании данной нормы отечественного уголовного закона, что обусловлено необходимостью обращения к специальному законодательству, регулирующему отношения в сфере здравоохранения, которое для целей уголовного закона не адаптировано. Для надлежащего применения указанной уголовно-правовой нормы на основе анализа действующего законодательства в сфере здравоохранения выделены характерные черты медицинской помощи, в частности, указано на ее выраженность в комплексе действий, имеющих самостоятельное законченное значение и предполагающих непрерывный непосредственный контакт типа «медицинский работник-пациент»; целевую направленность на поддержание и (или) восстановление здоровья пациента; реализуемость лицами, отвечающими определенным требованиям (наличие специального образования, прохождение аккредитации специалиста, трудоустройство (работа) в медицинской организации, наличие трудовых (должностных) обязанностей по осуществлению медицинской деятельности); соответствие требованиям доступности и качества, что предполагает соблюдение порядков, стандартов, клинических рекомендаций оказания медицинской помощи. Отражена непосредственная связь между выделенными характерными чертами медицинской помощи и квалификацией содеянного как преступного воспрепятствования оказанию медицинской помощи. Раскрыт признак законности в профессиональной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи, предполагающий в числе прочего наличие полученного в надлежащей форме согласия пациента либо его законного представителя на медицинское вмешательство.

Ключевые слова: медицинская помощь, воспрепятствование, медицинский работник.

Legitimate Professional Activity of a Medical Worker as Part of Obstruction to Medical Aid (Art. 124¹ of the Criminal Code of the Russian Federation)

E. P. Glebova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

49 Chkalova Srt, 656038, Barnaul, Russia. E-mail: glebovaep@mail.ru

The article discusses the qualification of the lawful professional activity of a medical worker to provide medical care as part of the crime, responsibility for the commission of which is provided by article 124¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. Attention is drawn to the presence of certain difficulties in the interpretation of this norm of the domestic criminal law by law-enforcers, which is due to the need to refer to special legislation regulating relations in the field of health care, which is not adapted for the purposes of the criminal law. For the proper application of the mentioned criminal-legal norm on the basis of the analysis of the current legislation in the sphere of health care the characteristic features of medical aid are highlighted, in particular, special attention is drawn to its manifestation in a complex of actions of assertive accomplished character which presuppose continuous contact of the type «medical worker-patient»; focus on maintaining and (or) restoration of the patient's health; entitlement to be performed by persons who meet certain requirements (validity of

education, letter of certification, employment (work) in a medical organization, presence of job duties allowing implementation of medical activity); compliance with the requirements of accessibility and quality, which implies compliance with the procedures, standards, clinical recommendations for the provision of medical care. The direct connection between the highlighted characteristic features of medical care and the qualification of the deed as criminal obstruction of medical care is reflected. Here has been discussed the legal character of the professional activity of a medical worker in the provision of medical care upon obtaining in the proper form the consent to medical intervention from the patient or their legal representative.

Key words: medical care, obstruction, health care provider.

Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников» [Федеральный закон 2019: URL] отечественный уголовный закон дополнен ст. 124¹, предусматривающей ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи.

Ежегодно скорая медицинская помощь, являющаяся лишь одним из видов медицинской помощи, оказывается на территории Российской Федерации более 44 миллионов раз [Более 44 млн раз в году россияне обращаются за скорой медицинской помощью 2023: URL]. Многочисленные факты воспрепятствования оказанию медицинской помощи освещаются средствами массовой информации [В Омске сотрудники Росгвардии... URL; В Прокопьевске неадекват... URL; Полиция задержала... URL; Ирина Волк URL; В Омске... URL; На проспекте Просвещения... URL; В Новороссийске... URL]. Вместе с тем правоприменительная практика по соответствующей уголовно-правовой норме не сложилась.

Одной из причин, обуславливающих отсутствие приговоров по ст. 124¹ УК РФ, является наличие у правоприменителей затруднений при квалификации содеянного. Надлежащее применение указанной уголовно-правовой нормы требует обращения к специальному законодательству, регулиющему отношения в сфере здравоохранения, которое для целей уголовного закона не адаптировано. Автором проведено анкетирование 681 практического работника, в том числе 192 судей судов субъектов; 433 сотрудников Главных следственных управлений, Следственных управлений МВД России; 56 сотрудников Главных следственных управлений, Следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации. На необходимость пояснения того, что следует понимать под медицинской помощью в целях надлежащего применения ст. 124¹ УК РФ, указали 73,42% респондентов; кого необходимо считать медицинским работником, воспрепятствование действиям которого считается преступным, – 68,43%, каковы признаки законной деятельности медицинского работника – 71,95%. Приведенные данные свидетельствуют о реальной вероятности допущения ошибок при фактическом применении исследуемой нормы.

Надлежащая характеристика признаков законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи применительно к составу преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 124¹ УК РФ, позволит ответить на такие вопросы, как: является ли воспрепятствованием медицинской помощи лишение лица возможности обратиться за ее оказанием; чинение лицу препятствий в приеме назначенных лечащим врачом медицинских препаратов в амбулаторных условиях; отказ родителей (законных представителей) несовершеннолетнего от вакцинации; чинение препятствий лицу, которое является медицинским работником, однако оказывает помощь во внерабочее время и др.

Первоначально обратимся к понятию медицинской помощи. Состав преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 124¹ УК РФ, предусматривает воспрепятствование не любой профессиональной деятельности медицинского работника, а лишь той, что отнесена к оказанию медицинской помощи.

В научной литературе указанное понятие рассматривается исследователями преимущественно в контексте соотношения с медицинской услугой в рамках гражданско-правовых отношений. Вместе с тем встречаются определения, данные авторами в целях применения отечественного уголовного закона. Так, Е. К. Сенокосова медицинскую помощь предлагает понимать «как упорядоченный стандартизированный комплекс медицинских услуг, направленный на поддержание и (или) восстановление здоровья, который должен соответствовать требованиям качества, безопасности и доступности» [Сенокосова 2018: 18]. Как «комплекс мероприятий, осуществляемых медицинскими организациями, в целях спасения жизни или сохранения, поддержания и (или) восстановления здоровья граждан, или в целях улучшения качества жизни неизлечимо больных граждан» определяет медицинскую помощь А. Н. Трушенко [Трушенко 2021: 218]. И. И. Нагорная полагает, что «медицинская помощь заключается в оказании медицинских услуг», при этом автор обращает внимание на необходимость установления наличия договора оказания услуги при квалификации содеянного в соответствии с положениями ст. 238 УК РФ [Нагорная 2013: 37, 41].

Общим для приведенных определений является их основанность на положениях ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Федеральный закон 2011: URL], содержащего нормативное понятие медицинской помощи, а также закрепляющего характеристики и критерии, которым такая помощь должна соответствовать.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 2 указанного Федерального закона медицинская помощь представляет собой комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг.

Приведенное законодательное понятие медицинской помощи не отражает юридически значимые для квалификации содеянного в соответствии со ст. 124¹ УК РФ признаки. В частности, основываясь на указанном определении, невозможно установить, является ли медицинской помощью амбулаторное лечение на дому без присутствия медицинского работника. В связи с этим требуется дальнейшее системное толкование и анализ законодательства, регламентирующего сферу здравоохранения.

Дифферентом законодательного определения медицинской помощи является категория «мероприятия». Под «мероприятием» в русском языке понимается «совокупность действий, объединенных одной общественно значимой задачей» [Ожегов, Шведова 2013: 307].

Отмеченное позволяет утверждать, что медицинская помощь во всех случаях является определенным последовательным процессом, состоящим из действий, объединенных общей целью – поддержание и (или) восстановление здоровья человека. Основная составляющая такого процесса – медицинская услуга, которая соотносится с категорией «медицинская помощь» как частное и общее соответственно и детерминирована законом как медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение (п. 4 ч. 1 ст. 2 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

В свою очередь законодательство, регулирующее отношения в сфере здравоохранения, под медицинским вмешательством понимает выполняемые медицинским работником и иным работником, имеющим право на осуществление медицинской деятельности (педагогические и научные работники при осуществлении ими медицинской деятельности (п. 2.1 ч. 2 ст. 69 указанного Федерального закона)), по отношению к пациенту, затрагивающие физическое или психическое состояние человека и имеющие профилактическую, исследовательскую, диагностическую, лечебную, реабилитационную направленность виды медицинских обследований и (или) медицинских манипуляций, а также искусственное прерывание беременности (п. 5 ч. 1 ст. 2 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

В силу положений п. 11 ст. 2, ст. 29 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинскую деятельность в качестве основного (уставного) вида деятельности вправе осуществлять медицинские организации, независимо от их организационно-правовой формы.

В соответствии со ст. 32 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в зависимости от условий медицинская помощь может оказываться: вне медицинской организации, амбулаторно, стационарно.

Медицинская помощь оказывается в определенных формах: экстренной, неотложной и плановой (ч. 4 ст. 32 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Одними из основных принципов охраны здоровья являются доступность и качество медицинской помощи (п. 6 ст. 4 указанного Федерального закона).

Изложенные законодательные положения позволяют выделить юридически значимые для состава преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 124¹ УК РФ, признаки, характеризующие медицинскую помощь.

Во-первых, медицинская помощь представляет собой комплекс действий, что предполагает системную активную деятельность, проявляющуюся в непрерывном непосредственном контакте типа «медицинский работник – пациент» (в том числе в форме диспансерного наблюдения) и имеющую самостоятельное законченное значение. Комплексность при этом подлежит рассмотрению как сочетание различных по направленности медицинских обследований и (или) манипуляций, осуществляемых в рамках единого вмешательства. С учетом этого не образует состава преступного воспрепятствования оказанию медицинской помощи (ст. 124¹ УК РФ) совершение соответствующего деяния в промежутках между завершёнными активными действиями медицинского работника с самостоятельным значением. Например, не образует объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 124¹ УК РФ, чинение лицу препятствий в явке на повторный прием к лечащему врачу, поскольку как первоначальный, так и повторный прием в рассматриваемом контексте являются самостоятельной законченной медицинской деятельностью. По аналогичным основаниям не является воспрепятствованием оказанию медицинской помощи отказ родителей несовершеннолетнего от выполнения в амбулаторных условиях (на дому при отсутствии медицинского работника) рекомендаций лечащего врача, в связи с чем соответствующие противоправные деяния обоснованно квалифицируются по ч. 1 ст. 109 УК РФ [Приговор 2023].

Во-вторых, медицинская помощь характеризуется своей направленностью на поддержание и (или) восстановление здоровья, что свидетельствует об ее исключительно целевом характере. Соответственно воспрепятствование действиям медицинского работника, на указанные цели не направленным, преступным не является и не влечет привлечение лица к ответственности за деяние, ответственность за которое предусмотрена положениями ст. 124¹ УК РФ.

В-третьих, основной составляющей медицинской помощи является медицинская услуга, которая, в свою очередь, представляет собой медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, являющихся различного вида медицинскими обследованиями и (или) медицинскими манипуляциями, имеющими, в частности, диагностическую и лечебную направленность. Положения ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в качестве направлений обследований и манипуляций, помимо диагностической и лечебной, называют профилактическую, исследовательскую, реабилитационную. Вместе с тем, учитывая механизм совершения преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 124¹ УК РФ, воспрепятствование

медицинскому обследованию или медицинской манипуляции с последними направленностями само по себе исключает возможность наступления соответствующих преступных последствий. Напротив, к наказуемым необратимым неблагоприятным для жизни и здоровья пациента последствиям может привести преступное воспрепятствование как диагностике заболевания (состояния), предназначенной для определения диагноза, выбора мероприятий по лечению, контроля за их осуществлением (п. 7 ст. 2 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), так и их лечению, одной из целей которого является восстановление здоровья и трудоспособности пациента (п. 8 ст. 2 указанного Федерального закона).

В-четвертых, оказание медицинской помощи находится в исключительной компетенции медицинских работников и иных работников, имеющих право на осуществление медицинской деятельности. В силу пп. 10, 13 ч. 1 ст. 2 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», с учетом их системного толкования, лицом, осуществляющим профессиональную деятельность по оказанию медицинской помощи, является медицинский работник как физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность. Согласно ч. 1 ст. 69 названного Федерального закона право на осуществление медицинской деятельности в Российской Федерации имеют лица, получившие медицинское или иное образование в Российской Федерации и прошедшие аккредитацию специалиста. К медицинским работникам относится лечащий врач, который действующим законодательством определяется как врач, на которого возложены функции по организации и непосредственному оказанию пациенту медицинской помощи в период наблюдения за ним и его лечения (п. 15 ст. 2 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Из анализа приведенных норм права, регулирующих правоотношения в сфере охраны здоровья, следует, что медицинский работник в обязательном порядке должен отвечать следующим требованиям: наличие специального образования, прохождение аккредитации специалиста, трудоустройство (работа) в медицинской организации, наличие трудовых (должностных) обязанностей по осуществлению медицинской деятельности. Соответствие лица предъявляемым требованиям является необходимым условием для оценки его действий как оказания медицинской помощи.

Для квалификации содеянного в качестве преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 124¹ УК РФ, юридически значимо осуществление лицом соответствующей деятельности непосредственно при исполнении своих трудовых (должностных) обязанностей. Указанное следует из буквального толкования ч. 1 ст. 32 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», согласно которой медицинская помощь оказывается медицинскими организациями. Так, не образует состава преступного воспрепятствования оказанию медицинской помощи чинение препятствий лицу, которое хоть и является медицинским работником, но оказывает помощь во внерабочее время. В указанный момент лицо действует самостоятельно, не в рамках исполнения своих должностных (трудовых) обязанностей, а равно не по поручению и не от имени медицинской организации, в связи с чем его помощь медицинской не является, воспрепятствование ей в соответствии с исследуемой уголовно-правовой нормой не наказуемо. Отметим, что в литературе встречается точка зрения, согласно которой вне рабочего времени медицинским работником может оказываться первая помощь, что является правом, но не обязанностью последнего [Закурдаева, Дежурный 2018: 29].

Необходимо учитывать, что законодательство допускает осуществление медицинского вмешательства не только медицинским работником, но и иным лицом, имеющим право на осуществление медицинской деятельности (п. 5 ст. 2 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). В соответствии с положениями ст. 69 обозначенного закона к таким иным лицам относятся педагогические и научные работники, отвечающие определенным требованиям. В связи с этим воспрепятствование деятельности данных работников также может являться преступным.

Исходя из буквального толкования положений ст. 124¹ УК РФ, указывающих на деятельность медицинского работника без какой-либо иной конкретизации, преступным будет являться воспрепятствование деятельности как лечащего врача (ст. 70 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») так и среднего медицинского персонала (ч. 5 ст. 69 названного Федерального закона).

В-пятых, поскольку в соответствии с действующим законодательством медицинские организации и иные организации, осуществляющие деятельность в сфере охраны здоровья, подразделяются на государственные, муниципальные и частные, состав преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 124¹ УК РФ, образует воспрепятствование деятельности медицинского работника медицинской организации, входящей как в государственную или муниципальную системы здравоохранения, так и в частную.

В-шестых, учитывая, что медицинская помощь помимо амбулаторных (условия, не предусматривающие круглосуточного медицинского наблюдения и лечения, в том числе на дому при вызове медицинского работника) и стационарных условий (в дневном стационаре (в условиях, предусматривающих медицинское наблюдение и лечение в дневное время, но не требующих круглосуточного медицинского наблюдения и лечения); стационарно (в условиях, обеспечивающих круглосуточное медицинское наблюдение и лечение)) может оказываться вне медицинской организации (по месту вызова бригады скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи, а также в транспортном средстве при медицинской эвакуации), что предполагает выезд (выход) медицинского работника по месту нахождения пациента, чинение препятствий в прибытии (доступе) медицинского работника

по существу является воспрепятствованием оказанию медицинской помощи, которое при наличии иных признаков состава преступления является наказуемым (ст. 124¹ УК РФ). Аналогичным образом является наказуемым препятствие медицинским работникам в эвакуации пациента, которая может осуществляться как воздушными судами, так и наземным, водным и другими видами транспорта с проведением во время транспортировки мероприятий по оказанию медицинской помощи (ч. 4-6 ст. 35 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

В-седьмых, принимая во внимание механизм совершения преступления (ст. 124¹ УК РФ), фактически преступное воспрепятствование оказанию медицинской помощи, предусматривающее последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью пациента или его смерти, возможно при экстренной медицинской помощи (медицинская помощь, оказываемая при внезапных острых заболеваниях, состояниях, обострении хронических заболеваний, представляющих угрозу жизни пациента), а также неотложной (оказываемой при внезапных острых заболеваниях, состояниях, обострении хронических заболеваний без явных признаков угрозы жизни пациента), и исключено при оказании плановой медицинской помощи (медицинская помощь, которая оказывается при проведении профилактических мероприятий, при заболеваниях и состояниях, не сопровождающихся угрозой жизни пациента, не требующих экстренной и неотложной медицинской помощи, и отсрочка оказания которой на определенное время не повлечет за собой ухудшение состояния пациента, угрозу его жизни и здоровью). При этом необходимо учитывать, что экстренная и неотложная по форме медицинская помощь оказываются при таких ее видах, как первичная медико-санитарная, специализированная и скорая (ст.ст. 33-35 указанного Федерального закона).

В-восьмых, воспрепятствование оказанию медицинской помощи достигается посредством лишения ее таких свойств, как доступность и качество. Доступность включает в себя, в частности, возможность беспрепятственного и бесплатного использования медицинским работником средств связи или транспортных средств для перевозки пациента в ближайшую медицинскую организацию в случаях, угрожающих его жизни и здоровью (ст. 10 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). Качество медицинской помощи определяется указанным законом как совокупность характеристик, отражающих своевременность ее оказания, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, степень достижения запланированного результата (п. 21 ч. 1 ст. 2). Исходя из положений ст. 10, ч. 1 ст. 37 Федерального закона качество обеспечивается, в частности, применением порядков оказания медицинской помощи и стандартов медицинской помощи, а сама медицинская помощь оказывается на основе клинических рекомендаций. Порядок оказания медицинской помощи включает в себя, в числе прочего, этапы оказания медицинской помощи, правила организации деятельности медицинской организации (ч. 2 ст. 37 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). Стандарт медицинской помощи разрабатывается на основе клинических рекомендаций и включает в себя усредненные показатели частоты предоставления и кратности применения, в том числе медицинских услуг, лекарственных препаратов, медицинских изделий (ч. 14 ст. 37 названного Федерального закона). В соответствии с п. 23 ч. 1 ст. 2 указанного закона клинические рекомендации – документы, содержащие основанную на научных доказательствах структурированную информацию по вопросам профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, в том числе протоколы ведения (протоколы лечения) пациента, варианты медицинского вмешательства и описание последовательности действий медицинского работника с учетом течения заболевания, наличия осложнений и сопутствующих заболеваний, иных факторов, влияющих на результаты оказания медицинской помощи.

На основе соответствующих порядков оказания медицинской помощи, стандартов и клинических рекомендаций формируются критерии оценки качества медицинской помощи (ч. 2 ст. 64 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Воспрепятствование медицинской помощи по существу приводит к нарушению нормативно установленных порядков, стандартов и рекомендаций ее должного оказания, медицинский работник по независящим от него обстоятельствам лишается возможности их соблюдения. Медицинская помощь в связи с привнесенным дефектом утрачивает свои необходимые свойства и может быть охарактеризована как ненадлежащая. В результате противоправных действий указанной помощью может быть утрачено как свойство доступности, например, лицо отказывается предоставить транспортное средство для перевозки пациента при угрозе его жизни и здоровью, так и качество, например, медицинский работник лишается возможности соблюдения протокола лечения. Необходимо учитывать, что не любой недостаток медицинской помощи влечет неблагоприятные последствия. В контексте положений ст. 124¹ УК РФ юридически значимым обстоятельством является создание такого порока в медицинской деятельности, в связи с наличием которого цель в виде восстановления здоровья пациента становится недостижимой.

Изложенное в своей совокупности позволяет дать следующее определение медицинской помощи, содержащее юридически значимые для целей применения положений ст. 124¹ УК РФ признаки. Медицинская помощь – это отвечающий требованиям доступности и качества комплекс действий медицинского работника по диагностике и лечению заболеваний (состояний), реализуемый как в медицинской организации, так и вне ее, имеющий самостоятельное законченное значение, целью которого является поддержание и (или) восстановление здоровья пациента. Приведенные признаки имеют непосредственное значение при определении содеянного как преступного воспрепятствования оказанию медицинской помощи.

Далее раскроем признак законности в деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи применительно к исследуемому составу.

Действующий уголовный закон, наряду с положениями ст. 124¹ УК РФ, содержит указание на законную деятельность в диспозициях ст. 144 УК РФ (Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов); ст. 169 УК РФ (Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности); ст. 295 УК РФ (Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование); ст. 317 УК РФ (Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа). Вместе с тем нормативно закрепленное определение деятельности, характеризующейся указанным признаком, отсутствует.

Толковый словарь «законный» определяет как «соответствующий закону», «допустимый, обоснованный» [Ожегов, Шведова 2013: 874].

В изученной нами уголовно-правовой литературе определения законной деятельности даются применительно к конкретным составам преступления. Так, А. Г. Брагина, исследуя вопрос охраны уголовным законом деятельности сотрудников органов внутренних дел, со ссылкой на Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый 17.12.1979 Резолюцией 34/169 на 106-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, исходит из того, что «законная деятельность предполагает, что сотрудник действовал в соответствии со своими полномочиями, с соблюдением установленного законом порядка» [Брагина 2016: 48]. Анализируя видовой объект составов преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами гл. 30 УК РФ, В. А. Волколупова указывает на неточность использования в соответствующих целях термина «законная деятельность» в связи с тем, что деятельность должностных лиц регламентируется в числе прочего подзаконными нормативными правовыми актами [Волколупова 2015: 190].

В обобщенном виде законная деятельность медицинского работника может быть определена как его профессиональная деятельность, отвечающая требованиям нормативных актов. Вместе с тем такое определение не является содержательным с позиции необходимости осуществления квалификации деяния и требует уточнения признаков.

Системное толкование приведенных выше положений законодательства, регулирующего отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан, позволяет выделить следующие признаки законной профессиональной деятельности медицинского работника: во-первых, осуществляется уполномоченным лицом (ст. 69 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»); во-вторых, соответствует предъявляемым к ней нормативным требованиям; в-третьих, направлена на поддержание и (или) восстановление здоровья пациента (п. 3 ст. 2 указанного Федерального закона); в-четвертых, на ее реализацию получено в надлежащей форме согласия пациента либо его законного представителя (ч. 1 ст. 20 указанного Федерального закона).

Необходимо учитывать, что, помимо соблюдения требований ст. 69 ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», законной может быть признана та деятельность лечащего врача, в отношении которого пациентом не заявлено требование о замене в порядке ст. 70 указанного Федерального закона. Соответственно не образует состава преступления воспрепятствование оказанию медицинской помощи лечащим врачом, о замене которого в установленном порядке пациентом заявлено.

Медицинское вмешательство без согласия лица или его законного представителя допускается в случаях, предусмотренных положениями ч. 9 ст. 20 Закона, в частности, при угрозе жизни человека и таком его состоянии, которое не позволяет выразить свою волю. Деяния, направленные на воспрепятствование указанной помощи, также носят противоправный характер и, при наличии иных признаков состава преступления, являются основанием для привлечения виновного к уголовной ответственности.

Для признания деятельности медицинского работника законной, в целях применения положений ст. 124¹ УК РФ, требование о ее абсолютном соответствии содержанию нормативных актов безусловным не является. Несоответствие медицинской деятельности, в том числе положениям об организации оказания медицинской помощи, порядкам оказания, клиническим рекомендациям и стандартам, само по себе о незаконности такой деятельности не свидетельствует. Например, в соответствии с п. 6 Правил организации деятельности выездной бригады скорой медицинской помощи, утвержденных Приказом Министерства здравоохранения РФ от 20 июня 2013 г. № 388н «Об утверждении Порядка оказания скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи» [Об утверждении Порядка оказания скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 20 июня 2013 г. № 388н], время доезда до пациента выездной бригады скорой медицинской помощи при оказании скорой медицинской помощи в экстренной форме не должно превышать 20 минут с момента ее вызова. Вместе с тем нарушение требований Правил, выразившееся в несоблюдении времени доезда, не указывает на незаконность такой деятельности, воспрепятствование ей, несмотря на недостатки, при наличии иных признаков состава, также является преступным.

Литература

Более 44 млн раз в году россияне обращаются за скорой медицинской помощью. Москва, 2023. URL: <https://www.mskagency.ru/materials/3295113>

Брагина А. Г. Соблюдение принципа законности сотрудниками органов внутренних дел как предпосылка уголовно-правовой охраны их деятельности / Правовые проблемы укрепления Российской государственности : сб. тр. конф. Томск, 2016. С. 48.

- В Новороссийске таксист не пропускал скорую помощь, которая спешила на вызов. Москва, 2021. URL: https://www.1tv.ru/news/2021-11-06/415904-v_novorossiyske_taksist_ne_propuskal_skoruyu_pomosch_kotoraya_spushila_na_vyzov
- В Омске буйный родственник больного человека мешал госпитализации. Омск, 2021. URL: https://omsk.aif.ru/society/v_omske_buynny_rodstvennik_bolnogo_cheloveka_meshal_gospitalizacii
- В Омске сотрудники Росгвардии задержали агрессивного дебошира, который препятствовал медикам оказывать помощь пожилому гражданину. Омск, 2020. URL: <https://55.rosguard.gov.ru/news/article/v-omske-sotrudniki-rosgvardii-zaderzhali-agressivnogo-deboshira-kotoryj-prepyatstvoval-medikam-okazyvat-pomoshh-pozhilomu-grazhdaninu>
- В Прокопьевске неадекват мешал медикам оказывать первую помощь своей возлюбленной. Прокопьевск, 2023. URL: <https://prokopievsk.ru/news/obschestvo/v-prokopevske-neadekvat-meshal-medikam-okazat-perv>
- Волколупова В. А.* Теоретические подходы к определению видового объекта преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления / Новая наука: Современное состояние и пути развития. - 2015. - № 6-3. - С. 190.
- Закурдаева А. Ю., Дежурный Л. И.* Правовые аспекты оказания первой помощи медицинскими работниками / Медицинское право: теория и практика. - 2018. - Т. 4. - № 1 (7). - С. 29.
- Ирина Волк: В Санкт-Петербурге задержан мужчина, который угрожал сотруднице полиции и препятствовал госпитализации дочери. URL: <https://mvdmedia.ru/news/ofitsialnyy-predstavitel/irina-volk-v-sankt-peterburge-zaderzhan-muzhchina-kotoryu-ugrozhal-sotrudnitse-politsii-i-prepyatstv/>
- Нагорная И. И.* Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья человека при оказании медицинских услуг (на примере России, США и Франции) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
- О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников : Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ. Москва, 2019. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102574586>
- Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/
- Об утверждении Порядка оказания скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи : Приказ Министерства здравоохранения РФ от 20 июня 2013 г. № 388н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2013.
- На проспекте Просвещения полуголый пьяный мужчина мешал сотрудникам скорой помощи госпитализировать женщину. URL: https://piter.tv/event/Na_prospekte_Prosvescheniya_polugolij_pyaniy_muzhchina_meshal_sotrudnikam_skoroj_pomoschi_gospitalizirovat_zhenschinu/
- Поздеева М. Полиция задержала селянина в Югре, мешавшего медикам забрать пациента на вертолете. Москва, 2021. URL: <https://dailystorm.ru/news/policiya-zaderzhala-selyanina-v-yugre-meshavshego-medikam-zabrat-pacienta-na-vertolete>
- Приговор Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 16 июня 2023 г. по делу № 1-290/2023. Доступ из электронно-правовой системы «ГАРАНТ».
- Сенокосова Е. К.* Профессиональная некомпетентность и недобросовестность при оказании медицинской помощи: криминологические и уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018. С. 18.
- Трушенко А. Н.* Медицинская помощь и медицинская услуга: проблемы соотношения / Заметки ученого. - 2021. - № 4-1. - С. 218.

References

- Bragina, A. G. (2016). Observance of the principle of legality by employees of internal affairs bodies as a prerequisite for criminal law protection of their activities. Legal problems of strengthening Russian statehood : collection of tr. conf. Tomsk. P. 48. (in Russian).
- In Novorossiysk, a taxi driver did not miss an ambulance that was in a hurry to answer a call (2021). Available from: https://www.1tv.ru/news/2021-11-06/415904-v_novorossiyske_taksist_ne_propuskal_skoruyu_pomosch_kotoraya_spushila_na_vyzov (in Russian).
- In Omsk, a violent relative of a sick person prevented hospitalization (2021). Available from: https://omsk.aif.ru/society/v_omske_buynny_rodstvennik_bolnogo_cheloveka_meshal_gospitalizacii (in Russian).
- In Omsk, Rosgvardiya employees detained an aggressive brawler who prevented doctors from providing assistance to an elderly citizen (2020). Available from: [debozhira-kotoryj-prepyatstvoval-medikam-okazyvat-pomoshh-pozhilomu-grazhdaninu](https://55.rosguard.gov.ru/news/article/v-omske-sotrudniki-rosgvardii-zaderzhali-agressivnogo-deboshira-kotoryj-prepyatstvoval-medikam-okazyvat-pomoshh-pozhilomu-grazhdaninu) (in Russian).
- In Prokopyevsk, the inadequate prevented doctors from providing first aid to his beloved (2023). Available from: <https://prokopievsk.ru/news/obschestvo/v-prokopevske-neadekvat-meshal-medikam-okazat-perv> (in Russian).

Irina Volk: A man was detained in St. Petersburg who threatened a police officer and prevented his daughter's hospitalization (2022) Available from: <https://mvdmedia.ru/news/ofitsialnyy-predstavitel/irina-volk-v-sankt-peterburge-zaderzhan-muzhchina-kotoryy-ugrozhal-sotrudnitse-politsii-i-prepyatstv/> (in Russian).

Nagornaya, I. I. (2013). Criminal law protection of human life and health in the provision of medical services (on the example of Russia, the USA and France) : diss. of the candidate of Legal Sciences. Moscow (in Russian).

On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the protection of the Life and Health of Patients and Medical workers : Federal Law No. 206-FL of July 26, 2019. Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102574586> (in Russian).

On approval of the Procedure for the provision of emergency, including emergency specialized, medical care : Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated June 20, 2013 No. 388n. Access from the help.- the legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

On Prosveshcheniya Avenue, a half-naked drunk man prevented ambulance staff from hospitalizing a woman (2022). Available from:

https://piter.tv/event/Na_prospekte_Prosveshcheniya_polugolij_pyanij_muzhchina_meshal_sotrudnikam_skoroj_pomoschi_gos_pitalizirovat_zhenschinu/ (in Russian).

On the basics of public health protection in the Russian Federation : Federal Law No. 323-FZ dated 11/21/2011. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (in Russian).

Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (2013). Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions (in Russian).

Pozdeeva, M. (2021) The police detained a villager in Yugra, who prevented doctors from taking a patient by helicopter. Available from: <https://dailystorm.ru/news/policiya-zaderzhala-selyanina-v-yugre-meshavshego-medikam-zabrat-pacienta-na-vertolete> (in Russian).

Russians seek emergency medical care more than 44 million times a year (2023). Available from: <https://www.mskagency.ru/materials/3295113> (in Russian).

Senokosova, E. K. (2018). Professional incompetence and dishonesty in the provision of medical care: criminological and criminal law aspects : abstract diss. of the candidate of Legal Sciences. Omsk (in Russian).

The verdict of the Verkhny Isetsky District Court of Yekaterinburg, Sverdlovsk region, dated June 16, 2023 in case No. 1-290/2023. Access from the electronic legal system "GARANT" (in Russian).

Trushenko, A. N. (2021). Medical care and medical service: problems of correlation. Notes of a scientist, 4-1, 218 (in Russian).

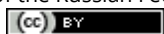
Volkolupova, V. A. (2015). Theoretical approaches to the definition of a specific object of crimes against state power, the interests of public service and service in local self-government bodies. New science: Current state and ways of development, 6-3, 190 (in Russian).

Zakurdaeva, A. Yu., Dezhurnyj, L. I. (2018). Legal aspects of first aid by medical workers. Medical law: theory and practice, 4, 1 (7), 29 (in Russian).

Citation:

Глебова Е. П. Законная профессиональная деятельность медицинского работника в составе воспрепятствования оказанию медицинской помощи (ст. 1241 УК РФ) // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 38-45.

Glebova E. P. (2025) Legitimate Professional Activity of a Medical Worker as Part of Obstruction to Medical Aid (Art. 1241 of the Criminal Code of the Russian Federation). Legal Linguistics, 35, 38-45.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О соотношении понятий фейковая, недобросовестная и недостоверная реклама

И. В. Кирюшина

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: kirushina_ira@mail.ru

Статья посвящена исследованию такого явления, как фейковая реклама, а также соотношению понятий фейковая, недобросовестная и недостоверная реклама. Процессы фейковизации информационного пространства затронули и рекламу, являющуюся одной из разновидностей публичной информации. В современных дискурсивных практиках термин фейк и его дериваты: фейковый, фейковизация – охватывают различные случаи подделок и мистификаций. Применительно к информации, фейк – это ложная, недостоверная, сфальсифицированная, выдаваемая за действительную информация, распространяемая с целью ввести в заблуждение. Помимо традиционной функции манипулирования сознанием потребителя, фейки сегодня выполняют еще и функцию воздействия на общественное мнение путем привлечения внимания к определенному событию. Конечная цель распространения фейковой рекламы – манипулирование сознанием потребителя с целью увеличения продаж. В статье анализируются вопросы квалификации фейковой рекламы по действующему законодательству России. Фейковая реклама может быть квалифицирована как недостоверная, если содержит сведения, не соответствующие действительности, либо как недобросовестная, если одновременно при этом у потребителя создается ложное впечатление в отношении объекта рекламирования, которое создает предпосылки изменения спроса в пользу рекламодателя. Особого внимания в контексте фейковой рекламы заслуживает реклама, вводящая в заблуждение потребителей рекламы. Исследуется такой прием, используемый в современной рекламной коммуникации, как мистификация жанров, в том числе функции жанровых фейков в рекламном дискурсе. Современные способы воздействия на сознание потребителей рекламы увеличились благодаря использованию искусственного интеллекта и сети Интернет. Автором приводятся примеры подобных практик.

Ключевые слова: фейковая реклама, недобросовестная реклама, недостоверная реклама, реклама, вводящая в заблуждение, жанровые фейки.

The Relationship between Fake, Unscrupulous and Unreliable Advertising

I. V. Kiryushina

Altai State University

61 Lenin Str., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: kirushina_ira@mail.ru

The article concentrates on the study of such a phenomenon as fake advertising, as well as the relationship between the concepts of fake, unscrupulous and unreliable advertising. The processes of infosphere fakification have also affected advertising, which is one of the types of public information. In modern discursive practices the term fake and its derivatives: fake, faked, fakification cover various types of fraud and fakes. When information is concerned, a fake is false, unreliable, falsified information presented as valid and disseminated in order to mislead. In addition to the traditional function of manipulating consumer consciousness, fakes today also serve the function of influencing public opinion by drawing attention to a particular event. The ultimate goal of spreading fake advertising is to manipulate the consumer's mind in order to increase sales. The article analyzes the issues of qualification of fake advertising under the current legislation of Russia. Fake advertising may be classified as false if it contains information that does not correspond to reality, or as unfair if at the same time the consumer is misled about the object of advertising, which creates the preconditions for a change in demand in favor of the advertiser. In the context of fake advertising, ads that mislead advertising consumers deserve special attention. The article examines such a technique used in modern advertising communication as genre fraud, including the function of genre fakes in advertising discourse. Modern ways of influencing the consciousness of advertising consumers have increased thanks to the use of artificial intelligence and the Internet. The author provides examples of such practices.

Key words: fake advertising, unfair advertising, unreliable advertising, misleading advertising, genre fakes.

Фейковизация информационного пространства, особо усилившаяся в «пандемийное» время, не обошла и рекламный рынок. Реклама как разновидность публичной информации также оказалась подвержена данному явлению¹. Как следствие, это привело к появлению такого понятия, как «фейковая» реклама. Это, в свою очередь, ставит вопрос: является данная реклама надлежащей и, если нет, как ее следует квалифицировать по действующему законодательству. Ответ на данный вопрос зависит в том числе от того, какой смысл мы вкладываем в понятие «фейк».

В современных дискурсивных практиках термин фейк (от английского fake) и его дериваты: фейковый, фейковизация – охватывают различные случаи подделок и мистификаций. Наиболее часто данный термин используется в значениях trick – хитрость, обман, подделка, фальсификация, подлог, но также и swindle – шутка, шалость. В значении прилагательного fake указывает на искусственность предмета, его несоответствие реальности [Иссерс 2014: 113].

В широком смысле термин фейк означает подделку или ложь.

Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS указывает 10 синонимов к «фейковый»: фальшивый, ложный, поддельный, ненастоящий, бредовый, лживый, обманчивый, липовый, подделанный, фальсифицированный [Тришин 2013].

Применительно к информации фейк – это ложная, недостоверная, сфальсифицированная, выдаваемая за действительную информация, распространяемая с целью ввести в заблуждение. Цель распространения любой фейковой информации – манипулирование сознанием с помощью различных приемов. Но, помимо традиционной функции манипулирования сознанием потребителя, фейки сегодня выполняют еще одну функцию – воздействие на общественное мнение путем привлечения внимания к определенному событию. Конечная цель распространения фейковой рекламной информации – манипулирование сознанием потребителя с целью увеличения продаж.

Действующее законодательство не содержит понятия «фейковая реклама», однако в статье 5 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (далее – ФЗ «О рекламе») указаны две формы ненадлежащей рекламы: недостоверная и недобросовестная [Федеральный закон 2006]. В этой связи представляет интерес соотношение данных понятий в целях квалификации фейковой рекламы как нарушающей требования действующего законодательства Российской Федерации.

Фейковая реклама может принимать одну из двух форм: она может быть фактически неверной, т. е. содержать не соответствующие действительности сведения об объекте рекламирования, или намеренно вводящей в заблуждение путем использования различных приемов и методов подачи рекламной информации.

Если в рекламе содержатся сведения о товаре, не соответствующие действительности, такую рекламу следует квалифицировать как недостоверную. Согласно части 3 ст. 5 ФЗ «О рекламе» недостоверной признается реклама, которая содержит не соответствующие действительности сведения о товаре или ином объекте рекламирования.

В пункте 29 постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 08.10.2012 года N 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе» (далее – Постановление Пленума ВАС РФ № 58) отмечено, что информация, содержащаяся в рекламе, должна отвечать критериям достоверности, в том числе в целях формирования у потребителя верного, истинного представления о товаре (услуге), его качестве, потребительских свойствах [Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 2012].

В части 3 статьи 5 ФЗ «О рекламе» перечислены основания, по которым реклама может быть квалифицирована как несоответствующая действительности. Недостоверными могут быть сведения о преимуществах рекламируемого товара перед аналогичными товарами конкурентов, или сведения о таких характеристиках товара, как его природа, состав, способ или дата изготовления, назначение, потребительские свойства, условия применения или использования, о месте его происхождения, наличии сертификата соответствия или декларации о соответствии, знаков соответствия и знаков обращения на рынке, сроках службы, сроках годности товара и иные подобные. Всего в данной статье перечислены 20 оснований.

Для квалификации рекламы как недостоверной достаточно установить факт несоответствия сведений, распространенных в рекламе, действительности.

Однако в рекламе могут использоваться иные способы фальсификации информации, создающие у потребителя рекламы неверное представление об объекте рекламирования и при этом вводящие его в заблуждение. Такая реклама является недобросовестной.

Введение в заблуждение направлено на формирование у потребителя ложного представления о товаре. При этом способы введения в заблуждение могут быть различными: распространение неполной либо неточной информации или умышленное сокрытие ее важной части. Так, в рекламе о продаже товаров по акции или со скидками может утаиваться часть существенной информации, что вводит потребителя в заблуждение относительно действительного

¹ Согласно статье 3 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» реклама – это информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

размера затрат, которые он понесет, или замалчиваться информация об условиях скидки, например если скидка распространяется не на весь ассортимент либо при соблюдении дополнительных условий – при предъявлении рекламного флаера.

Согласно части 7 статьи 5 ФЗ «О рекламе» не допускается реклама, в которой отсутствует часть существенной информации о рекламируемом товаре, об условиях его приобретения или использования, если при этом искажается смысл информации и вводятся в заблуждение потребители рекламы. Такая реклама является ненадлежащей.

Действующее законодательство не раскрывает понятие «существенной информации». Оно выработано судебной практикой. Под существенной информацией следует понимать информацию, которая формирует у потребителя правильное представление об объекте рекламы.

Учитывая такую характеристику рекламы, как краткость и емкость подачи информации, закон не требует указания в ней всей информации о товаре. Однако этой информации должно быть достаточно для того, чтобы у потребителя сложилось верное представление как о самом товаре, так и об условиях его приобретения и он сделал обоснованный выбор.

При этом существенной является не только информация, привлекательная для потребителя, но и информация, способная обмануть его ожидания, например информация, умалчивающая о каких-либо важных характеристиках товара или условиях его приобретения.

Другой способ введения потребителей в заблуждение – распространение не соответствующих действительности сведений, преследующее цель привлечь их внимание. В тех случаях, когда путем распространения недостоверных сведений преследуется цель ввести потребителя в заблуждение, такую рекламу следует квалифицировать как недобросовестную, а не недостоверную.

Отличие недобросовестной рекламы от недостоверной в том, что недобросовестная реклама преследует цель не просто распространить не соответствующие действительности сведения, а ввести потребителей рекламы в заблуждение, тем самым увеличив продажи. Поэтому для квалификации рекламы как недобросовестной помимо факта распространения в рекламе недостоверных сведений следует установить факт введения потребителя в заблуждение (п. 6 Постановления Пленума ВАС РФ № 58).

Действующий ФЗ «О рекламе» не содержит такого состава, как реклама, вводящая в заблуждение. Однако согласно п. 4 части 2 статьи 5 ФЗ «О рекламе» недобросовестной признается реклама, которая является актом недобросовестной конкуренции. Одной из форм недобросовестной конкуренции согласно ст. 14.2 Федерального закона «О защите конкуренции» [Федеральный закон 2006] является введение в заблуждение относительно тех обстоятельств, которые способны оказать влияние на потребительский выбор, т. е. создать у потребителей определенное впечатление о товаре и его свойствах, которые не соответствуют действительности, и сыграли определяющую роль в их предпочтениях в пользу хозяйствующего субъекта, избравшего такой недобропорядочный способ ведения конкурентной борьбы. Когда указанные действия проявляются в рекламе, такое нарушение можно квалифицировать как недобросовестную рекламу.

Высший Арбитражный Суд РФ в п. 28 Постановления Пленума ВАС РФ № 58 разъяснил, что оценка рекламы должна осуществляться с позиции обычного потребителя, не обладающего специальными знаниями.

Для квалификации действий как направленных на введение в заблуждение существенное значение будут иметь те обстоятельства, которые действительно способны оказать влияние на потребительский выбор, включая качество и потребительские свойства товара, его количество (наличие и возможность приобретения); назначение такого товара, способы и условия его изготовления или применения; результаты, ожидаемые от использования такого товара, его пригодность для определенных целей; количество товара, предлагаемого к продаже, наличие такого товара на рынке, возможность его приобретения на определенных условиях, фактический размер спроса на такой товар; условия, на которых данный товар предлагается к продаже, в том числе его цену.

Введение в заблуждение относительно указанных свойств может выражаться как в создании ложного впечатления об их присутствии, так и ложного представления о степени их проявления (например, преувеличение).

При применении указанной нормы необходимо выяснять, порождает ли такая информация ожидания потребителей, которые могут привлечь его особое внимание к деятельности недобросовестного участника рынка и, как следствие, создать повышенный спрос на его товары. Согласно п. 9 ст. 4 ФЗ «О защите конкуренции» недобросовестная конкуренция – любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации. Следовательно, при доказывании факта распространения недобросовестной рекламы, вводящей в заблуждение, нельзя ограничиться установлением факта использования в рекламе не соответствующих действительности сведений.

Введение в заблуждение должно создать такую ситуацию, когда спрос меняется в пользу хозяйствующего субъекта – рекламодателя, распространяющего такую рекламу и, соответственно, предоставляет ему преимущества при осуществлении предпринимательской деятельности. Если же обман не влечет изменения спроса и, соответственно, не может предоставить хозяйствующему субъекту преимущества в предпринимательской деятельности, недобросовестная конкуренция в такой ее форме, как введение в заблуждение, отсутствует [ФАС России 2017].

Следовательно, с точки зрения квалификации фейковой рекламы как недобросовестной следует установить, произвела ли она такое влияние на восприятие и оценку информации потребителем, которое в конечном итоге

привело к формированию у него ложного впечатления об объекте рекламирования и создало предпосылки изменения спроса в пользу рекламодавца.

Еще один способ фальсификации рекламной информации – копирование или имитирование общего проекта рекламы известных брендов или оформления товаров конкурентов, не охраняемых в качестве зарегистрированных товарных знаков. Такие действия подлежат квалификации по статье 14.6 Федерального закона «О защите конкуренции», запрещающей любые действия, способные вызвать смешение.

Подобная реклама вводит потребителей в заблуждение относительно рекламируемых товаров (работ, услуг) посредством имитации, копирования или подражания общего проекта текста рекламных формул, изображений, музыкальных или звуковых эффектов, используемых в рекламе других товаров, у которых имеется высокая репутация и на которые существует стабильный спрос.

Нередко недобросовестная реклама одновременно содержит такой признак, как некорректные сравнения товара с аналогичными товарами конкурента, либо порочит их деловую репутацию. Пример тому – рекламные ролики компании «Дарья» и концерна «Радиоли». Первая – производитель пельменей, создала ролик, где мультипликационный царь, отдвигает тарелку с продукцией конкурента со словами: «От ваших raviолек дождешься желудочных колик». Конкуренты в долгу не остались, выпустив ролик «Дашка, брысь!».

И недостоверная, и недобросовестная реклама в любых ее формах признаются ненадлежащей. За распространение такой рекламы в соответствии со статьей 38 ФЗ «О рекламе» может наступать как гражданско-правовая ответственность, так и административная.

С точки зрения квалификации недостоверной рекламы по действующему законодательству России не имеет значения заведомость ложности распространения информации. В ранее действовавшем Законе о рекламе 1995 г. была ст. 9 – заведомо ложная реклама [Федеральный закон 1995]. Заведомо ложной признавалась реклама, с помощью которой рекламодавец (рекламопроизводитель, рекламораспространитель) умышленно вводит в заблуждение потребителя рекламы, а не допускает непреднамеренную ошибку.

До 2003 года в уголовном законодательстве была предусмотрена ответственность за заведомо ложную рекламу – статья 182 УК РФ. В 2003 году данный уголовный состав был декриминализован [Федеральный закон 2003].

Представляется, что применительно к фейковой рекламе критерий заведомости является необходимым. При ее распространении виновный действует с прямым или косвенным умыслом.

Другим приемом, используемым в современной рекламной коммуникации, является «мистификация жанров», когда рекламные сообщения маскируются под жанр объявления, предложения о знакомстве, SMS-сообщений и т. п. Широко используется рекламный ход, основанный на интриге адресата рекламы, или конструирование рекламных сообщений, основанное на ролевых метафорах, источником которых являются отношения между мужчиной и женщиной, например «Две пары хищных туфель ищут симпатичную хозяйку для долгосрочных отношений».

К числу основных функций и приемов жанровых фейков в рекламном дискурсе относят:

- блокирование неприятия рекламы (мимикрия под частные объявления);
- включение в контекст повседневных действий;
- трансляция «позитивных смыслов» («эротический» фрейм);
- комплимент потребителю («реклама не для тупых»);
- эффект коммуникативной игры, в которой отправитель и получатель сообщения участвуют «на равных» [Иссерс 2014: 115-116].

Еще одним приемом, используемым в фейковой рекламе, является такая подача рекламной информации, которая может оцениваться как неэтичная реклама. Примером такой рекламы является скандальная реклама ЦУМа, героиней которой была девочка, собирающаяся в школу. На рекламных баннерах были размещены лозунги: «Вот и я в школу. Теперь меня интересуют только шмотки. А вы, два старых уroda, мне больше не нужны!», «Кто не в PRADA — тот лох!», «Я одна в классе. Действительно одна! Просто от зависти все лопнули», «Я — принцесса! Ты — животное!», «Папочка! Если ты меня правда любишь, купи! купи!! купи!!! мне туфли, платье, шляпку!!! PRADA, D&G, Armani» [РИА Новости 2008].

При оценке такой рекламы как нарушающей требования действующего законодательства важно, кем осуществляется ее восприятие и оценка. Различные категории потребителей могут оценивать неэтичную рекламу по-разному. Вопрос отнесения изображений, слов и иных образов к оскорбительным носит субъективно-оценочный характер, который основан на восприятии данной информации каждым индивидуумом в отдельности. При этом очевидно, что восприятие одной и той же информации разными людьми может отличаться в зависимости от личностных характеристик субъекта (возраста, образования, воспитания, семейных устоев, места проживания и прочее).

Такую рекламу следует оценивать в совокупности с обстоятельствами ее размещения: место размещения рекламной конструкции с учетом близости к учреждениям культуры, школам, объектам культа, кладбищам и т. п.

Современные способы воздействия на сознание потребителей рекламы увеличились благодаря использованию искусственного интеллекта и сети Интернет. Так, в сети Интернет была опубликована фотография понтифика Франциско в пуховике от итальянского бренда. Фото было сгенерировано нейросетью. В реальности священнослужитель никогда для известного бренда не позировал [Кравчук 2023].

Широкое распространение получила масштабная фейковая реклама (Fake Out Of Home) с дополненной реальностью. Ее суть состоит в том, что 3D-художники дорисовывают реальность с необходимыми для бренда

предметами и сюжетами: проезжающие по проезжей части огромных размеров женские сумки известных брендов или автобусы в виде бутылки известной марки вина. Потенциальные клиенты видят рекламу также в сети Интернет, среди контента бренда. Такой новый технологичный формат активно расходуется в сети Интернет. Здесь фейковый контекст используется как способ подачи рекламной информации и сам по себе не преследует цели введения потребителей в заблуждение, а потому не нарушает действующее рекламное законодательство.

Проведенный анализ свидетельствует, что современная рекламная коммуникация широко подвержена влиянию процессов фейковизации. Рекламодатели и производители рекламы используют различные приемы в целях привлечения внимания потребителей и увеличения продаж. В большинстве случаев такие приемы свидетельствуют о недобросовестности данных субъектов рекламного рынка и нередко могут быть квалифицированы как ненадлежащая реклама в различных ее формах. Вместе с тем, учитывая креативность создателей рекламы и новые способы воздействия на сознание потребителей, представляется перспективным изучение креативных технологий создания фейков и потенциальных сфер их функционирования, в том числе с точки зрения соблюдения действующего законодательства РФ.

Литература

Иссерс О. С. Медиафейки: между правдой и мистификацией / Коммуникативные исследования. - 2014. - № 2 С. 112 – 123.

Кравчук А. Папа римский стал смешным мемом из-за пуховика: что произошло. РБК Life. 27 марта 2023. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6421a4109a79477bb36fc26f>

Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе» от 08.10.2012 № 58 / Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. - 2012. - № 12.

РИА Новости. Эпатажная реклама ЦУМа. 07.06.2008. URL: <https://ria.ru/20070809/70713550.html>

Тришин В. Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS. 2013. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/387678/.

ФАС России. Методические рекомендации по применению главы 2.1 Федерального закона от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции». 2017. URL: <https://udmurtia.fas.gov.ru/analytic/18385>.

Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ / Собрание законодательства РФ. - 2006. - № 12. - Ст. 1232.

Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ / Собрание законодательства РФ. - 2006. - № 31 (1 ч.). - Ст. 3434.

Федеральный закон «О рекламе» от 18.07.1995 N 108-ФЗ / Российская газета. - 25 июля 1995 г.

Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 08.12.2003 N 162-ФЗ / Собрание законодательства РФ. - 2003. - № 50, ст. 4848.

References

FAS Russia (2017). Methodological recommendations for the application of Chapter 2.1 of the Federal Law of 26.07.2006 No. 135-FZ "On Protection of Competition". Available from: <https://udmurtia.fas.gov.ru/analytic/18385> (in Russian).

Federal Law (1995). On Advertising. Rossiyskaya Gazeta, July 25 (in Russian).

Federal Law (2003). On Amendments and Additions to the Criminal Code of the Russian Federation. Collection of Legislation of the Russian Federation, 50 (in Russian).

Federal Law (2006). On Advertising. Collection of Legislation of the Russian Federation, 12 (in Russian).

Federal Law (2006). On Protection of Competition. Collection of Legislation of the Russian Federation, 31 (part 1) (in Russian).

Issers, O. S. (2014). Media fakes: between truth and mystification. Communicative research, 2, 112-123 (in Russian).

Kravchuk, A. (2023). The Pope became a funny meme because of a down jacket: what happened. RBC Life. Available from: <https://www.rbc.ru/life/news/6421a4109a79477bb36fc26f> (in Russian).

Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation № 58 "On some issues of the practice of applying the Federal Law "On Advertising" by arbitration courts" (2012). Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 12 (in Russian).

RIA Novosti (2008). Outrageous advertising of TSUM. Available from: <https://ria.ru/20070809/70713550.html> (in Russian).

Trishin, V.N. (2013). Large dictionary-reference book of synonyms of the Russian language of the ASIS system. Available from: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/387678/ (in Russian).

Citation:

Кiryushina И. В. О соотношении понятий фейковая, недобросовестная и недостоверная реклама // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 46-50.

Kiryushina I. V. (2025) The Relationship between Fake, Unscrupulous and Unreliable Advertising. Legal Linguistics, 35, 46-50.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О понятии и признаках семейного бизнеса (семейного предпринимательства) в контексте правового регулирования

Т. А. Филиппова¹, Е. П. Титаренко²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹philippova@mail.ru, ²eptitarenko@bk.ru

В статье обращается внимание на категорию «семейный бизнес» (семейное предпринимательство), которая получила большое распространение в экономической и юридической литературе, на бытовом уровне и нуждается в закреплении в действующем законодательстве. Для соответствующей правовой регламентации требуется более четко выявить сущность, определить понятие и назвать признаки такого социально-экономического явления, как семейное предпринимательство. Обращается внимание на дискуссионность отдельных признаков, названных в юридической литературе. С позиции критического анализа данных признаков изложены авторские представления о них. Предпринята попытка анализа категории «семейный бизнес» (семейное предпринимательство) с позиции соотношения частного и публичного интереса, по-разному проявляющегося в семейном и гражданском праве. Сделан вывод о том, что в целом ряде случаев приоритет публичного интереса над частным в процессе осуществления предпринимательской деятельности субъектами семейных отношений должен быть закреплён законодательно. Констатируется, что неимущественные отношения в семье преобладают над имущественными, что детерминирует вывод об особом характере связей между членами семьи в совместном бизнесе. В работе описаны конститутивные признаки рассматриваемой категории, перечень которых позволяет сделать вывод о необходимости специального правового регулирования семейного предпринимательства. Представлен общий анализ законодательства субъектов РФ, регулирующего некоторые отношения между членами семьи по ведению предпринимательской деятельности. В статье предложен приоритетный для государства и общества вектор развития правового регулирования отношений по ведению совместного бизнеса. Обозначены проблемные вопросы, которые не получили разрешения на законодательном уровне.

Ключевые слова: семейный бизнес, признаки, фидуциарность, лично-доверительный характер.

On the Concept and Attributes of Family Business (Family Entrepreneurship) in the Context of Legal Regulation

T. A. Philippova¹, E. P. Titarenko²

Altai State University

61 Lenin Str., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹philippova@mail.ru, ²eptitarenko@bk.ru

The article draws attention to the category of «family business» (family entrepreneurship) which has become widespread in the economic and legal literature at the mundane level and requires its enshrinement in the current legislation. For appropriate legal regulation it is necessary to more clearly identify the essence, define the concept and name attributes of such a socio-economic phenomenon as family entrepreneurship. Attention is drawn to the controversial nature of certain features named in the legal literature. Also the authors' ideas about them are presented from the point of view of their critical analysis. The authors attempt to analyze the category of «family business» (family entrepreneurship) from the perspective of the ratio of private and public interest manifested in different ways in family and civil law. It is concluded that the priority of public interest over private in the process of doing business by subjects of family relations should be enshrined in law in a number of cases. It is stated that non-property interests in the family prevail over property ones that determines the conclusion about the special nature of relations between family members in joint business. The article describes the constitutive features of the category which allow concluding that special legal regulation of family business is necessary. A general analysis of the Russian Federation subjects legislation regulating certain relations between family members in

business is presented. The article proposes a priority vector for the state and society for the development of legal regulation of relations in joint business. Problematic issues that have not been resolved at the legislative level are identified.

Key words: family business, attributes, fiducia, personal and confidential nature.

В современной экономике особое значение приобретают формы бизнеса, являющиеся стабильными, устойчивыми, эффективными и выполняющими наряду с чисто экономическими и социальными функциями. Именно такой формой можно считать семейное предпринимательство или семейный бизнес как тождественные понятия [Большая Российская энциклопедия 2024: URL]. Социологические исследования показывают, что семейный бизнес занимает заметное место среди других видов предпринимательства. По данным торгово-промышленной палаты (ТПП) РФ, автора проекта «Семейные предприниматели России», в настоящее время около 74% малых и средних предприятий – семейные. Однако преемственность и продолжение дела сохраняется у 40-50% компаний во втором поколении и только у 5-10% — в третьем и далее [Дильман 2024: URL].

Представляется, что осуществление совместной предпринимательской деятельности членами семьи должно быть в фокусе внимания государства, поскольку семейный бизнес, безусловно, способствует решению важных государственных задач. В частности,

- 1) создание дополнительных рабочих мест;
- 2) повышение уровня материального благосостояния семьи, что уменьшает социальную нагрузку на государство.

Необходимо добавить, что участие членов семьи в совместной предпринимательской деятельности положительно сказывается на построении отношений внутри семьи на основе доверия, взаимной помощи, ответственности друг перед другом, заботы об общем деле. Семейный бизнес можно считать мощным объединяющим фактором, связывающим интересы членов семьи, что положительно сказывается на воспитании детей, обретению ими навыков самостоятельного принятия решений. Компании, основанные членами семьи, в большей степени эмпатичны. Они в числе первых помогли в период пандемии, в настоящее время являются инициаторами сбора гуманитарной помощи в зону СВО [Тростникова 2024: URL]. В немалой степени участие в нем способствует приобретению и совершенствованию опыта индивидуально-договорного регулирования как отношений внутри семьи, не связанных с ведением предпринимательской деятельности, так и бизнес-отношений между членами семьи и иными лицами.

В последние годы появляется значительное количество работ представителей социальных наук, в которых предметом исследования выступают отношения семейного предпринимательства [Жук, Потий 2017: 2893; Варкулевич, Белоглазова 2023: 2800]. Не остаются в стороне от этих изысканий и представители юридической науки [Фиошин 2023: 126]. В их публикациях предпринимаются попытки проанализировать семейный бизнес как частноправовое явление, показать современное состояние законодательства в этой сфере и определить направления его развития. Вместе с тем большинство вопросов в этой сфере остаются дискуссионными, не получившими своего теоретического обоснования, что в свою очередь отражается на качестве текущего законодательства в данной области правового регулирования. В юридической литературе неоднократно подчеркивалось, что «несмотря на огромный потенциал семейного предпринимательства, его регламентация и поддержка на уровне закона отсутствует» [Фиошин 2023: 126].

В большинстве случаев действующее законодательство, касающееся семейного бизнеса, сводится к мерам государственной поддержки, а вопросы регулирования имущественных отношений, связанных с созданием и ведением этой формы предпринимательства, остаются без внимания. Для решения многих возникающих проблем в этой части и определения оптимального правового регулирования существующих отношений нужно установить содержание категории «семейное предпринимательство».

Следует отметить, что в нормативных правовых актах легальная дефиниция семейного предпринимательства отсутствует. Поэтому в научных исследованиях предлагаются различные подходы к определению его понятия и признаков. Довольно распространенная в юридической литературе дефиниция семейного бизнеса включает в себя ряд качеств, определяющих его как самостоятельную, инициативную, систематическую, на собственный риск и под свою имущественную ответственность деятельность в любой легальной организационно-правовой форме, осуществляемой членами семьи не столько в целях получения прибыли, сколько для достижения экономических и социальных результатов, направленных на удовлетворение имущественных потребностей и гармонизацию интересов семьи в преодолении социально-экономических проблем [Баркова 2014: 13]. Как видно из этого определения, в качестве базового использована конструкция понятия предпринимательской деятельности, закрепленная в ст. 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), дополненная указанием на тот факт, что эта деятельность осуществляется членами семьи и, помимо получения прибыли, направлена на достижение иных целей, включая гармонизацию интересов семьи. Представляется, что указанное определение не может претендовать на безупречность и возможность его законодательного закрепления в каком-либо нормативном акте.

Определение понятия семейного предпринимательства может быть сформулировано на основе анализа признаков, характеризующих это явление. Но и в этой части пока не достигнуто единства мнений. Так, А. Н. Левушкин в качестве конститутивных признаков семейного предпринимательства, позволяющих квалифицировать предпринимательскую деятельность в качестве семейной и отграничить ее от смежных правовых категорий, называет: 1) семейно-правовые связи между членами семьи – участниками семейного предприятия; 2) личное, инициативное, трудовое участие в деятельности семейного предприятия [Левушкин 2018: 21]. Однако каждый из этих признаков требует пояснения, выработки дополнительных критериев для уяснения их содержания, и в большей

степени характеризует экономическую сущность анализируемого явления. Для целей законотворчества оно вряд ли пригодно именно из-за некоторой неопределенности используемых характеристик. Дополнительного пояснения требуют, в частности, такие вопросы, как определение состава лиц, относящихся к членам семьи, содержание семейно-правовых связей между ними, оценка инициативности их участия в деятельности семейного бизнеса и т. п.

Некоторые авторы в качестве основного квалифицирующего признака семейного предпринимательства называют фидуциарные [Толковый словарь Ефремовой 2024: URL] отношения между его участниками, высокий уровень доверия друг к другу, взаимообусловленность связей, вытекающих из наличия между участниками такой деятельности семейно-родственных отношений, не требующих закрепления в качестве элементов договорного правоотношения [Пономарев 2023: 13]. С мнением Д. А. Пономарева сложно согласиться. В юридической литературе отстаивается позиция о необходимости учета трех основных критериев, присущих категории фидуциарности [Ломакин 2019: 11]. Во-первых, о фидуциарности свидетельствуют лично-доверительные отношения между участниками гражданского оборота. Во-вторых, в рамках таких отношений один субъект действует в интересах контрагента, ставя их выше собственных, что обычно предполагает личное исполнение обязанностей должником. В-третьих, такие отношения могут прекратиться в любое время по инициативе одного из субъектов по мотиву утраты доверия к контрагенту.

Использование данного признака в основе построения системы юридических категорий представляется сомнительным по той причине, что термин «доверие» является довольно расплывчатым и неопределенным. Ведь доверие – это, прежде всего, психологическое состояние, выражающееся в добровольном признании субъектом своей зависимости от внешнего фактора, которому он верит и на который полагается. Наконец, как представляется, ценность любых признаков правового явления заключается в том, чтобы с их помощью точно установить возможность распространения на него соответствующих правовых норм, определенных правовых режимов. Признак фидуциарности такую роль вряд ли выполняет. При установлении его наличия в конкретном случае ведения семейного бизнеса с неизбежностью придется решать вопросы следующего порядка: исходить ли из презумпции фидуциарности при ведении семейного бизнеса или это подлежит доказыванию, в каких случаях можно доказать ее отсутствие и каким способом, может ли утрата фидуциарности повлечь прекращение семейного предпринимательства. Исходя из изложенного, представляется, что при характеристике семейного бизнеса достаточно указывать на лично-доверительный характер отношений между его участниками.

Нередко в качестве особенности семейного предпринимательства называют участие членов семьи в семейном бизнесе, ведение его совместными действиями или всеми членами семьи [Дильман: URL]. И этот признак не может считаться достаточным, поскольку участие в жизни семьи, которая ведет семейный бизнес, может быть различным, но всякие ли формы участия родственников и других лиц должны квалифицироваться как ведение совместного бизнеса? Например, сын, у которого своя семья и который живет отдельно, дает денег на приобретение автомобиля, используемого в предпринимательской деятельности отца, или дочь заменяет мать на рынке, пока та болеет. Подобные примеры можно продолжить. Очевидно, придется дополнительно применять какие-то количественные критерии (размер предоставленной суммы, количество случаев трудового участия), т. е. «формальные показатели», которые, как правило, трудно определить именно в силу разнообразия жизненных ситуаций. Объявляя этот критерий определяющим, придется констатировать, что члены семьи представляют единство, и взаимодействующие с ними контрагенты, третьи лица вступают в отношения с ними всеми. Господствующая же в гражданском праве парадигма заключается в том, что в гражданско-правовых отношениях речь должна идти о фигуре единого субъекта гражданского оборота, а не о некоей совокупности лиц, не объединенных в известную законодателю форму.

В литературе приводят и иные критерии отнесения предпринимательской деятельности к семейному бизнесу, такие как: «контроль семьей бизнеса (фактический, через долю участия, процент принадлежащих акций); сфера деятельности (как правило, выращивание сельскохозяйственной продукции, производство продовольственных товаров, одежды, обуви, торговля, ресторанный бизнес, строительство и реконструкция); внутрисемейные и трудовые отношения носят длительный, устойчивый, стабильный характер (основаны не только на трудовом договоре (соглашении), но и на семейных, родственных связях, принадлежности к группе)» [Валенджян, Волков 2011: 20; Мохов 2017: 27].

Указанные выше авторские позиции относительно основных характеристик понятия «семейный бизнес», несомненно, заслуживают положительной оценки. Однако нужно констатировать, что основной акцент в определении конститутивных признаков семейного бизнеса в этих случаях делается на экономической природе данного явления, и при этом совершенно не принимается во внимание семейно-правовая сущность данного вида предпринимательской деятельности. Видится безусловно важным при анализе исследуемого понятия учитывать, что оно сочетает в себе две самостоятельные правовые категории: семья и бизнес (предпринимательство). Вряд ли можно отрицать, что исследование такого явления, как семья (в любом аспекте: культурологическом, социологическом, экономическом, правовом), безусловно, приведет к описанию и анализу семейных связей, что, в свою очередь, обусловит определение характерных качеств семейных отношений, существенно отличающихся от гражданских. Изучение такого комплексного понятия, как «семейный бизнес», потребует сопоставления разных по своим правовым характеристикам явлений.

Основная проблема будет заключаться в гармонизации соотношения частного и публичного интереса, по-разному проявляющегося в семейном и гражданском праве. Так, метод правового регулирования семейных отношений существенно отличается от гражданского явным приоритетом публичного интереса над частным, что выражается в закреплении правил, заложенных в одном из принципов семейного права о приоритетной защите прав и интересов

несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи (п. 3 ст. 1 СК РФ). Целесообразно заметить, что особой защитой законодателя обладают не только указанные выше субъекты, но и иные. В частности, беременная супруга, а также супруга после рождения ребенка до 3 лет, предпенсионеры и т. д. Представляется, что в ряде случаев указанный приоритет публичного интереса должен быть сохранен при регулировании отношений по ведению бизнеса между членами семьи. Например, алиментные обязательства участника семейного бизнеса являются преферентными по отношению к иным обязательствам данного субъекта, в том числе связанными с предпринимательской деятельностью.

Еще одной особенностью, которая оказывает существенное влияние на отношения внутри семейного бизнеса, является характер отношений, присущий семейным связям. Это лично-доверительный характер, оказывающий существенное влияние на поведение членов семьи. Не случайно личные неимущественные отношения указаны в ст. 2 СК РФ на первом месте, а только потом поименованы личные имущественные отношения между членами семьи. Данная последовательность имеет правовое значение и находит отражение в целом ряде статей СК РФ (ст. 4, 17, 22 и т. д.). Также необходимо акцентировать внимание на том факте, что при утрате доверия между членами семьи личный характер связей сохраняется. Они не перестают быть членами семьи с определенными правами и обязанностями, обуславливаемыми их статусом в семейных правоотношениях.

Для предпринимательских отношений, складывающихся между участниками совместного бизнеса, также характерно наличие доверия между ними, что при этом не обуславливает особого правового регулирования данных отношений. Имущественный характер отношений между субъектами предпринимательской деятельности является основным, доминирующим в процессе ее осуществления, что учитывается законодателем. В процессе правового регулирования семейного бизнеса является насущной гармонизация личных неимущественных интересов внутри семьи, обуславливаемых статусом ее членов, и имущественных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

При всей дискуссионности понятия «семейное предпринимательство» и его признаков опыт правового регулирования рассматриваемых отношений имеется в некоторых странах. Например, в Республике Узбекистан принят специальный Закон «О семейном предпринимательстве» [Закон Республики Узбекистан 2012: URL]. Согласно названному Закону семейное предпринимательство – это инициативная деятельность, осуществляемая членами семьи в целях получения дохода (прибыли) на свой риск и под свою имущественную ответственность, которая может осуществляться с образованием или без образования юридического лица (ст. 3). В данном законодательном акте также определена организационно-правовая форма семейного предпринимательства – семейное предприятие (ст. 3).

Практика правового регулирования этой области отношений имеется и в российском законодательстве. В частности, понятие «семейное предпринимательство» закрепили в региональных законах о развитии малого и среднего предпринимательства Нижегородская и Рязанская области и Камчатский край. В некоторых субъектах РФ действуют самостоятельные законы по семейному бизнесу. Так, в законе Республики Башкортостан [Закон Республики Башкортостан 2023: URL] также используется термин «семейные предприятия», и установлено, что они могут создаваться в тех организационно-правовых формах юридических лиц, которые известны гражданскому законодательству РФ и должны соответствовать критериям, указанным в этом законе:

- члены одной семьи вместе владеют более чем 50% долей в уставном капитале ООО либо складочном капитале хозяйственного товарищества, хозяйственного партнерства или более чем 50% голосующих акций АО. Один из членов семьи должен возглавлять предприятие, а остальные – являться работниками этого юридического лица;
- не менее 50% членов производственного кооператива, потребительского кооператива, крестьянского (фермерского) хозяйства относятся к членам одной семьи;
- не менее 50% работников индивидуального предпринимателя, которые работают у него по основному месту работы, относятся к членам его семьи. Схожие положения есть и в законе Камчатского края от 18 июня 2008 г. № 71 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Камчатском крае» [Закон Камчатского края 2008: URL].

Как видно, семейным бизнесом признаются компании, в которых большая часть сотрудников – это члены одной семьи и им принадлежит более 50% уставного капитала организации. При этом их организационной формой названы те виды юридических лиц, которые предусмотрены действующим гражданским законодательством (ст. 50 ГК РФ).

При анализе перечисленных нормативных актов видно, что целью их принятия является определение субъектов предпринимательской деятельности, для которых предусматриваются особые меры государственной поддержки. Вопросы же, связанные с созданием, прекращением и договорной основой их деятельности, остаются без какого-либо внимания, что серьезно затрудняет решение многих проблем имущественного характера и влияет на стабильность экономического оборота.

Учитывая сложный дуалистический характер отношений, складывающихся между членами семьи в процессе осуществления совместной предпринимательской деятельности, можно предположить, что особенно эффективным окажется индивидуально-договорное регулирование таких отношений. Именно конструкции договора и соглашения видятся наиболее приемлемыми для регламентации отношений по возникновению бизнеса, определению взаимных прав и обязанностей по его ведению, а также прекращению совместной предпринимательской деятельности.

Представляется, что первым шагом в направлении признания семейного бизнеса как деятельности, в основе которой лежит соглашение между участниками, должно стать дополнение ст. 23 ГК РФ указанием на то, что граждане вправе заниматься производственной или иной хозяйственной деятельностью на основе соглашения не только о создании крестьянского (фермерского) хозяйства, но и занятия семейным предпринимательством.

В соответствующей правовой регламентации нуждаются последствия, связанные с распадом семьи и

прекращением семейных отношений между ее членами. Для успешного преодоления указанных проблем требуется в первую очередь выработать некоторые теоретические положения, которые могут иметь и прикладное значение, в частности, какие юридические факты должны подтверждать факт распада семьи. Уточнение данного вопроса приобретает особое значение с учетом того круга участников семейного предпринимательства, которых связывают, как предлагается в юридической литературе «семейно-родственные отношения» [Пономарев 2023: 72] либо «семейно-правовые связи» [Левушкин 2018: 21]. Целесообразно добавить, что законодатель также должен учитывать представление о семье с учетом сложившихся обстоятельств или возможных традиций в рамках определенной культурной или национальной общности. Также необходима четкость в отношении перечня фактов, подтверждающих распад семьи, поскольку последнее оказывает значительное влияние на сохранность семейного бизнеса.

Все высказанные соображения приводят к выводу о необходимости глубоких правовых исследований с целью создания самостоятельного закона о семейном предпринимательстве в РФ.

Литература

- Баркова Л. А. Семейное предпринимательство в механизме правового обеспечения гармонизации интересов семьи : дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2014. - С.13.
- Большая Российская энциклопедия. 2024. URL: <https://bigenc.ru/c/biznes-9e2a67>
- Валенджян С. О., Волков Д. А. Семейное предпринимательство: анализ российской практики / Российский внешнеэкономический вестник. - 2011. - № 9. - С. 17-29.
- Варкулевич Т. В., Белоглазова В. А. Семейное предпринимательство как основная форма развития малого и среднего бизнеса в России / Креативная экономика. 2023. - Том 17. - № 8. - С. 2797-2814.
- Дильман Ю. Бизнес семейного типа. Зачем в Алтайском крае возрождают предпринимательские династии) / Altapress.ru. 22 апреля 2024г. URL: <https://altapress.ru/ekonomika/story/biznes-semeynogo-tipa-zachem-v-altayskom-krae-vozhrozhdaiut-predprinimatelskie-dinastii-344151>
- Жук А. А., Потий К. М. Феномен семейного предпринимательства в современной экономической теории / Российское предпринимательство. 2017. - Том 18. - № 19. - С. 2891-2908.
- Закон Камчатского края от 18 июня 2008 г. № 71 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Камчатском крае». URL: <https://docs.cntd.ru/document/819052530>
- Закон Республики Башкортостан от 02.03.2023 № 682-з «О развитии семейных предприятий в Республике Башкортостан». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0200202303070006>
- Закон Республики Узбекистан от 26 апреля 2012 года № ЗРУ-327 «О семейном предпринимательстве». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31183460
- Левушкин А. Н. Семейное предпринимательство в системе малого и среднего предпринимательства: правовая природа и пути развития / Актуальные проблемы российского права. - 2018. - № 11 (96) ноябрь. - С. 19-24.
- Ломакин Д. Еще раз о фидуциарности в гражданском праве / Хозяйство и право. - 2019. - № 1. - С. 3-26.
- Мохов А. А. Семейное и малое предпринимательство в современной России: доктрина и законодательство / Журнал предпринимательского и корпоративного права. - 2017. - № 2. - С. 25-28.
- Пономарев Д. А. Семейное предпринимательство: частноправовое исследование. Дисс на соиск. ученой степ. к.ю.н. Курск, 2023. - С. 13
- Толковый словарь Ефремовой. 2024. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/fc/slovar-212-5.htm#zag-124210>
- Тростникова А. Фамильный бренд: как и зачем в Барнауле возрождают семейное предпринимательство / Вечерний Барнаул. 27 апреля 2024 г. <https://barnaul.press/news/familnyy-brend-kak-i-zachem-v-barnaule-vozhrozhdaiut-semeynoe-predprinimatelstvo.html>
- Фиошин А. В. Правовая регламентация семейного предпринимательства в России de lege ferenda / Семейный бизнес & качество правовой среды: монография/ отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М., 2023. - С. 126.

References

- Barkova, L. A. (2014). Family entrepreneurship in the mechanism of legal support for the harmonization of family interests : dis. ... cand. Jurid. sciences'. Tver, 13 (in Russian).
- Dilman, Yu. (2024). A family-type business. Why are entrepreneurial dynasties being revived in the Altai Territory) / Altapress.ru, April 22. Available from: <https://altapress.ru/ekonomika/story/biznes-semeynogo-tipa-zachem-v-altayskom-krae-vozhrozhdaiut-predprinimatelskie-dinastii-344151> (in Russian).
- Efremova's explanatory Dictionary (2024). Available from: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/fc/slovar-212-5.htm#zag-124210> (in Russian).
- Fioшин, A. V. (2023). Legal regulation of family entrepreneurship in Russia de lege ferenda. Family business & the quality of the legal environment: a monograph/ ed. by I.V.Ershov, A.N.Levushkin. Moscow, 126 (in Russian).
- Kamchatka Territory Law No. 71 dated June 18, 2008 "On the Development of small and medium-sized enterprises in the

- Kamchatka Territory". Available from: <https://docs.cntd.ru/document/819052530> (in Russian).
- Levushkin, A. N. (2018). Family entrepreneurship in the system of small and medium-sized enterprises: the legal nature and ways of development. *Current problems of Russian law*, 11 (96), November, 19-24 (in Russian).
- Lomakin, D. (2019). Once again about fiduciary duty in civil law. *Economy and law*, 1, 3-26 (in Russian).
- Mokhov, A. A. (2017). Family and small business in modern Russia: doctrine and legislation. *Journal of Entrepreneurial and Corporate Law*, 2, 25-28 (in Russian).
- Ponomarev, D. A. (2023). Family entrepreneurship: a private law study. Diss on the job. scientific step. Candidate of Law. Kursk, 13 (in Russian).
- The Great Russian Encyclopedia (2024). Available from: <https://bigenc.ru/c/biznes-9e2a67> (in Russian).
- The Law of the Republic of Bashkortostan dated 03/02/2023 No. 682-z "On the development of family enterprises in the Republic of Bashkortostan". Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0200202303070006> (in Russian).
- The Law of the Republic of Uzbekistan dated April 26, 2012 No. ZRU-327 "On family entrepreneurship". Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31183460 (in Russian).
- Trostonikova, A. (2024). Family brand: how and why family entrepreneurship is being revived in Barnaul. *Evening Barnaul*, April, 27. Available from: <https://barnaul.press/news/familnyy-brend-kak-i-zachem-v-barnaule-vozhrozhdayut-semeynoe-predprinimatelstvo.html> (in Russian).
- Valenjian, S. O., Volkov, D. A. (2011). Family entrepreneurship: an analysis of Russian practice. *Russian Foreign Economic Bulletin*, 2011, 9, 17-29 (in Russian).
- Varkulevich, T. V., Beloglazova, V. A. (2023). Family entrepreneurship as the main form of development of small and medium-sized businesses in Russia. *Creative Economics*, 17, 8, 2797-2814 (in Russian).
- Zhuk, A. A., Potiy, K. M. (2017). The phenomenon of family entrepreneurship in modern economic theory. *Russian entrepreneurship*, 18, 19, 2891-2908 (in Russian).

Citation:

Филиппова Т. А., Титаренко Е. П. О понятии и признаках семейного бизнеса (семейного предпринимательства) в контексте правового регулирования // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 51-56.

Philippova T. A., Titarenko E. P. (2025) On the Concept and Attributes of Family Business (Family Entrepreneurship) in the Context of Legal Regulation. *Legal Linguistics*, 35, 51-56.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Социолингвистические и нормативно-стилистические методы анализа юридических терминов (на примере узбекского и английского языков)

С. А. Хужакулов

Университет экономики и педагогики

Кашкадарья, 181101, Узбекистан. E-mail: sunnatulloxojakulov6@gmail.com

Сложная связь между языком и правом является фокусом социолингвистического исследования, особенно при изучении юридической терминологии различных языковых сообществ. Традиционные социолингвистические и нормативно-стилистические методы анализа юридической терминологии в контексте узбекского и английского языков играют значительную роль в понимании сложности юридического дискурса. В этой статье исследуются исторический контекст, ключевые фигуры, яркие примеры узбекских и английских юридических терминов, влиятельные лица, перспективы и возможные будущие разработки в этой области исследований. Это исследование языка и права стало областью растущего интереса для лингвистов, ученых-юристов и политиков. Использование языка в юридическом контексте очень конкретно, точно и иногда непонятно для субъекта. Юридический язык используется как способ выражения законов, положений, правил и контрактов, и его толкование может определять исход юридических споров, влиять на государственную политику и создавать социальные нормы. Социолингвистика, поскольку она относится к правовому контексту, охватывает не только словарный запас, используемый в правовых рамках, но и то, как культурные нюансы формируют эти терминологии. Нормативно-стилистический анализ позволяет объяснить стилистические выборы, которые влияют на ясность, убедительность и авторитет в юридическом дискурсе. При сравнении узбекских и английских юридических терминов становится очевидным, что культурные влияния существенно влияют на развитие этих лексиконов. Методологические подходы к анализу юридического языка выявляют как сходства, так и расхождения между двумя языками, а также решают проблемы, присущие переводу сложных юридических концепций через языковые границы. В статье раскрывается необходимость всестороннего изучения социолингвистического и нормативно-стилистического метода анализа и изучения английских и узбекских юридических терминов для разработки общей системы законодательного языка.

Ключевые слова: социолингвистический метод, нормативно-стилистический метод, узбекский язык, английский язык, законодательный язык, юридические термины, правовой ресурс.

Sociolinguistic and Normative-Stylistic Methods of Analysis of Legal Terms (on the Example of Uzbek and English Languages)

S. A. Khujakulov

University of Economics and Pedagogy

Kashkadarya, 181101, Uzbekistan. E-mail: sunnatulloxojakulov6@gmail.com

The complex relationship between language and law is a focus of sociolinguistic research, particularly in the study of legal terminology in different linguistic communities. Traditional sociolinguistic and normative-stylistic methods of analyzing legal terminology in the context of the Uzbek and English languages play a significant role in understanding the complexity of legal discourse. This article explores the historical context, key figures, illustrative examples of Uzbek and English legal terms, influencers, perspectives and possible future developments in relation to this area of research. This study of language and law has become an area of growing interest for linguists, legal scholars and policymakers. The use of language in legal contexts is very concrete, precise and sometimes incomprehensible to the subject. Legal language is used as a way of expressing laws, regulations, rules and contracts, and its interpretation can determine the outcome of legal disputes, influence public policy and create social norms. Sociolinguistics, as it pertains to the legal context, encompasses not only the vocabulary used in legal frameworks, but also how cultural nuances shape these terminologies. Normative-stylistic analysis further enriches this study

by highlighting the stylistic choices that influence clarity, persuasiveness, and authority in legal discourse. When we compare Uzbek and English legal terms, it becomes evident that cultural influences significantly affect the development of these lexicons. Methodological approaches to the analysis of legal language reveal both similarities and divergences between the two languages, and address the challenges inherent in translating complex legal concepts across language boundaries. The article reveals the need for a comprehensive study of the sociolinguistic and normative-stylistic method of analyzing and studying English and Uzbek legal terms in order to develop a common system of legislative language.

Key words: sociolinguistic method, normative-stylistic method, Uzbek language, English language, legislative language, legal terms, legal resource.

Связь между языком и правом существовала со времен цивилизации, где устные традиции и обычаи использовались в качестве основы для законов и правил. Появление письменных юридических кодексов, таких как Кодекс Хаммурапи в древней Месопотамии, Двенадцать таблиц в римском праве и Великая хартия вольностей в средневековой Англии, ознаменовало важный шаг в развитии юридического языка [Mellinkoff 2004: 24]. Эти ранние юридические тексты заложили основы современной правовой системы и дают важное представление о социолингвистических и канонических аспектах юридической терминологии.

Советская правовая система была основана на социалистических принципах и была направлена на создание бесклассового общества с помощью законов и правил. Узбекский язык, корни которого лежат в турецком, прошел процесс стандартизации и модернизации для соответствия советской юридической терминологии. Влияние советского юридического языка на узбекский юридический дискурс все еще можно наблюдать в современных юридических текстах и законодательных ресурсах. Сложность и запутанность узбекского юридического языка привели к созданию специальных словарей, глоссариев и руководств по стилю, чтобы помочь практикам справляться со сложностями юридического дискурса [Madvaliev 2017: 120].

Несколько крупных событий создали область анализа социолингвистических и нормативных правовых терминов на узбекском и английском языках. Одним из них является внедрение новых правовых норм и положений в постсоветском Узбекистане, что привело к переосмыслению и повторному переводу правовых концепций на узбекский язык. Переход от советского юридического языка к независимому и национально ориентированному юридическому языку представляет собой вызов для юристов, переводчиков и политиков в Узбекистане.

Следует отметить, что этап развития юридической терминологии, занимающей большую часть лексикона узбекского литературного языка, можно разделить на следующие периоды [Dadaboyev 2009: 81]:

1. Древнетюркская (VII-X) терминология

(*bargu* – приманка, *qargu* – сторожить, *tamga* – штамп, *korug* – шпион, *elci* – посол, *yolci* – капитан, *cigay* – бедный, *ayguci* – государственный советник, *serik* – армия, *sart* – торговец, *qatun* – принцесса и т. д.).

2. Древнетюркская (XI-XIV) терминология

(*kent* – деревня, *qagan* – король, *xan* – губернатор, *tegin* – принц, *senun* – генерал, *tutug* – губернатор округа и т. д.).

3. Терминология староузбекского литературного языка (XV – начало XX вв.)

(*alim* – долг, *berim* – оплата, *bitigci* – секретарь, *yatqaq* – ночной сторож, *yargu* – суждение, *yarguci* – судить, *rabat* – караван-сарай, *malik* – правитель, *siyosat* – политика, *amil* – бизнес-менеджер, *la'skar* – отряд, *puvkar/navkar* – солдат и т. д.).

4. Терминология узбекского языка во времена Советского Союза

Известно, что Советское государство признавало равноправие языков, в том числе и в официальной сфере. Но объективно именно русский язык стал языком общесоюзного и общероссийского законодательства, основным языком служебного делопроизводства и судопроизводства. По этой причине в юридическую терминологию узбекского языка в этот период вошло много русских юридических терминов, которые до сих пор активно используются и отражены практически во всех официальных документах (*dekret* – декретный отпуск, *zakon* – закон, *prava* – право, *avans* – аванс, *komadir* – командир, *komendant* – комендант, *sekretar* – секретарь, *profsoyuz* – профсоюз, *economist* – экономист, *yurist* – юрист, *politika* – политика, *otpuska* – отпуск, *zags* – загс, *inspector* – инспектор, *srok* – срок, *proverka* – проверка, *sostav* – состав, *ugolovnik* – уголовник, *egzamin* – экзамен, *pechat* – печать, *plan* – план, *palata* – палата, *kamera* – камера, *plagiat* – плагиат, *mafia* – мафия, *gai* – гаи, *mobilizatsiya* – мобилизация, *patrul* – патруль, *post* – пост, *pensioner* – пенсионер, *transformatsiya* – трансформация, *partniyor* – партнер, *prokuror* – прокурор, *registratsiya* – регистрация, *ahrana* – охрана, *otchet* – отчет, *otdel* – отдел, *armiya* – армия, *soldat* – солдат, *sanksiya* – санкция, *nalog* – налог, *reformatsiya* – реформация, *federatsiya* – федерация, *globalizatsiya* – глобализация, *legalizatsiya* – легализация, *kadastr* – кадастр, *sessiya* – сессия и т. д.).

5. Терминология узбекского языка в период независимости

(*qonun* – закон, *hukt* – суждение, *qaror* – решение, *jinoyat* – преступление, *jazo* – наказание, *badal* – вклад, *jarima* – штраф, *xavfsizlik* – безопасность, *qatoqxon* – тюрьма, *jinoatchi* – преступник, *sharik* – партнер, *guvoh* – свидетель, *ajrashish* – развод, *nikoh* – свадьба, *aybsiz* – невиновный, *tajburiyat* – обязательство и т. д.).

6. Узбекская терминология современной эпохи глобализации

(*import* – импорт, *eksport* – экспорт, *mobil* – мобил, *global* – глобал, *test* – тест, *aspect* – аспект, *alibi* – алиби, *bank* – банк, *bipatrid* – бипатрид, *deponent* – депонент, *ekspert* – эксперт, *nota* – нота, *de facto* – де факто, *Interpol* – интерпол, *kontrakt* – контракт, *akt* – акт и т. д.).

Аналогичным образом, в англоязычных странах глобализация права и распространение международных договоров и соглашений увеличили спрос на многоязычных юристов, которые могут точно интерпретировать и переводить юридические тексты. Расширение Европейского Союза, Организации Объединенных Наций и других международных

организаций создало необходимость в гармонизации правовых концепций между языками и юридическими процедурами. Этот процесс юридического посредничества включает в себя согласование языковых и культурных различий для обеспечения последовательной и точной интерпретации юридических текстов [Mooney 2004: 18].

Исследование показывает, что 54% юридической терминологии узбекского языка заимствованы, в частности, 31% юридических терминов заимствован из русского языка, а 23% интернациональных терминов заимствованы из английского языка [Usmonov 2015: 172].

Влияние нормативных социолингвистических и стилистических подходов на анализ юридической терминологии на узбекском и английском языках очень обширно. Эти подходы обеспечивают важное понимание социальных, культурных и политических измерений юридического языка и помогают раскрыть скрытые значения и динамику власти, заложенные в юридических текстах. Изучая лингвистические структуры, риторические стратегии и дискурсивные приемы юридического дискурса, исследователи могут раскрыть закономерности неравенства, предвзятости и дискриминации, которые могут быть присущи правовой системе [Mirakhmedova 2012: 42].

В Узбекистане применение социолингвистических и нормативно-стилистических методов привело к важным размышлениям об историческом наследии советского юридического языка и его влиянии на современную юридическую практику. Эксперты подчеркнули необходимость большей открытости, прозрачности и доступности юридических текстов Узбекистана для обеспечения эффективной коммуникации и участия общественности. Анализируя социолингвистические аспекты юридической терминологии, политики могут определить области для улучшения и повышения качества юридических услуг в Узбекистане [Rahmatullayeva 2006: 114].

Лингвистический анализ выявил тонкие нюансы смысла в юридических текстах, которые могут оказать существенное влияние на юридическое толкование и принятие решений. Изучая общие черты юридической терминологии, ученые могут раскрыть идеологические основы юридического дискурса и бросить вызов доминирующим нарративам, которые увековечивают несправедливость и неравенство [Doniyorov 2001: 58].

Множество влиятельных ученых и практиков внесли свой вклад в становление социолингвистического и стилистического анализа правовых принципов на узбекском и английском языках. Они разработали инновационные методы исследования, разработали теоретические основы и продвинули междисциплинарное сотрудничество для улучшения нашего понимания юридического языка.

Хамидулла Дадабоев, ведущий узбекский лингвист и юрист, внес значительный вклад в изучение узбекской юридической терминологии. Его исследования социолингвистических измерений юридического языка указали на исторические изменения в юридическом дискурсе в Узбекистане и проблемы юридического перевода в постсоветском контексте. Его книга «Узбекская терминология» является ценнейшим трудом по лингвистическому анализу существующих терминов узбекского языка. Именно в этой работе Хамидулла Дадабоев дал подробную информацию об этапах развития узбекской терминологии, а также юридических терминов, взятых из турецкого, персидско-таджикского, русского и английского языков. Автор акцентирует внимание на развитии узбекской терминологии в период независимости и подчеркивает, что настоящая узбекская терминология сложилась именно в этот период. По его словам, за этот период были приняты Уголовный кодекс Республики Узбекистан, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан, Семейный кодекс Республики Узбекистан и ряд других правовых документов [Dadaboyev 2009: 64].

Что касается английских исследователей, то наиболее влиятельными терминологами считаются Питер Тиерсма, Сьюзен Сарчевич и Лоуренс Солан. Питер Тиерсма, известный лингвист и юрист, сыграл важную роль в развитии юридической лингвистики в англоязычных странах. Его сравнительный анализ юридической терминологии дал важное представление о лингвистическом разнообразии и сложности юридического языка и повлиял на юридическую практику и разработку политики. В своей книге «Корни права: истоки правовых понятий, институтов и языка» он использует лингвистический подход к праву, правовым процессам, судебному разбирательству, преступности и преступным действиям, описывает социолингвистические и нормативно-стилистические особенности этих терминов [Tiersma 2003: 41].

Сьюзан Сарчевич, известный исследователь юридического дискурса, провела новаторское исследование общих стилистических особенностей юридического языка в различных правовых системах. Ее работа сосредоточена на риторических стратегиях, аргументативных структурах и жанровых конвенциях, которые формируют юридические тексты и влияют на юридическую интерпретацию. В своей исследовательской книге «Перевод культурно-зависимых терминов в законах» она фокусируется на официальных, но недействительных переводах законов, которые изначально были написаны только для читателей на исходном языке [Sarchevich 1985: 73].

Лоуренс Солан, известный лингвист и юрист, исследовал пересечение лингвистики, психологии и права на материале юридического языка. Его исследования интерпретации юридических текстов, роли контекста в юридической коммуникации и построения юридического значения расширили наше понимание языка как инструмента юридического анализа и пропаганды. В книге «Язык судей» он делает лингвистический анализ терминов, связанных с судебным процессом, и перечисляет языковые нормы, регулирующие речь судей [Solana 1993: 85].

Нормативная юридическая терминология на узбекском и английском языках охватывает широкий спектр точек зрения и методов исследования. Ученые в области лингвистики, права, социологии, антропологии, психологии и других дисциплин выявили различные методы изучения юридического языка. Их можно в широком смысле разделить на описательные, нормативные, критические и сравнительные, каждый из которых обеспечивает уникальный взгляд на социолингвистические и нормативно-стилистические аспекты юридической терминологии [Kevelson 2008: 37].

Описательный метод фокусируется на анализе структуры языка, лексических элементов и синтаксических систем юридических языков узбекского и английского языков. Изучая формальные свойства юридических терминов, фраз и предложений, исследователи могут выявить повторяющиеся закономерности, общие интересы и риторические стратегии, характеризующие юридический дискурс. Исследования определений обеспечивают систематическую основу для классификации и интерпретации юридических понятий и способствуют созданию специальных словарей, индексов и онтологий юридической коммуникации. Изучая принципы дискурса, грамматические правила и стилистические руководящие принципы юридического письма, ученые могут оценить ясность, связность и убедительность юридического письма [Rutledge 2012: 98]. Исследования прескриптивных текстов предоставляют практические рекомендации по улучшению качества юридической коммуникации, повышению читаемости юридических документов и повышению доступности юридической информации для различных целевых групп. Выявляя модернизации общества, доминирующие дискурсы и скрытые предубеждения, заложенные в юридических текстах, ученые могут раскрыть принципы исключения, контроля и доминирования, которые происходят через юридические доводы. Критические исследования подвергают сомнению принятые предположения, нормативные нормы и институциональные практики, которые лежат в основе юридического языка и поддерживают справедливые, инклюзивные и демократические правовые системы [Чиронова 2007: 142].

Сравнительный метод включает в себя кросс-культурный, кросс-лингвистический анализ юридического языка на узбекском и английском языках. Изучая интеграцию юридических терминов в различных правовых традициях, исследователи могут выделить сходства и различия в юридической терминологии. Сравнительные исследования раскрывают основы и детали юридического языка и позволяют сравнить идеи, методы и подходы к юридическому анализу [Muxtorov 1995: 93].

Будущее социолингвистики и принципы анализа юридического стиля на узбекском и английском языках можно наблюдать в дальнейшем развитии теории, методологии и применения. Растущее признание языка как мощного инструмента для юридического анализа, интерпретации и защиты будет продолжать поощрять междисциплинарное сотрудничество, исследовательские инициативы и политические вмешательства в этой области. Несколько тенденций и разработок могут сформировать юридическую лингвистику на узбекском и английском языках [Богдановская 2007: 92]:

1. Технологические инновации: появление компьютерной лингвистики, обработки естественного языка и алгоритмов машинного обучения открыло новые возможности для анализа, визуализации и интерпретации юридических текстов на узбекском и английском языках. Автоматизированные инструменты, цифровые ресурсы и методы, основанные на данных, позволяют исследователям изучать большие объемы юридических документов, извлекать закономерности использования языка и определять семантические связи в юридических терминах. Это технологическое новшество повышает эффективность и точность социолингвистического анализа формального стиля юридических терминов.

2. Многоязычие и мультикультурализм: растущее разнообразие правовых систем, языков и культур в глобализованном мире требует большего многоязычия и мультикультурализма в юридической лингвистике. Исследователи должны использовать многоязычие для изучения юридического языка на узбекском и английском языках, а также на других языках. Признание разнообразия языков, культурного наследия и социальных и политических контекстов в юридическом дискурсе облегчает нам понимание правовых принципов, ценностей и практик в различных правовых культурах.

3. Междисциплинарное сотрудничество: интеграция лингвистики, права, психологии, социологии, антропологии и других дисциплин в юридической лингвистике способствует междисциплинарному сотрудничеству, исследовательскому сетевому взаимодействию и обмену знаниями. Междисциплинарные обсуждения, методологическое взаимодействие и теоретический синтез создают возможности для решения сложных вопросов, таких как юридическая сложность, языковая предвзятость и культурное непонимание в юридической коммуникации. Междисциплинарная система исследований повышает значимость, последовательность и результативность социолингвистического и методологического анализа правовых положений.

В заключение следует отметить, что область социолингвистического анализа юридических терминов на узбекском и английском языках является динамичной и растущей областью исследований, которая дает ценную информацию о сложностях юридического языка. Изучая исторический контекст, основные события, ключевые фигуры, перспективы и будущие разработки в отношении этой области, мы получили более глубокое понимание социолингвистических и нормативно-стилистических методов изучения юридических терминов. Изучение юридического языка на узбекском и английском языках освещает социальные, культурные и политические измерения юридического дискурса и подчеркивает важность языка как мощного инструмента юридического анализа и защиты. Поскольку мы сталкиваемся с проблемами и возможностями юридической лингвистики в XXI веке, мы должны стремиться к большей прозрачности, доступу и включению в правовую коммуникацию и учитывать принципы справедливости, равенства и прав человека в юридической практике и разработке политики.

Литература

Dadaboyev X. O'zbek terminologiyasi. Toshkent, 2009.

Doniyorov R. Ba'zi o'zbek texnikaviy terminlar muommosi. Toshkent, 2001.

Kevelson R. Law as a system of signs. New York, 2008.

- Madvaliev A.* Uzbek terminology and lexicography issues. Tashkent, 2017.
- Mellinkoff D.* The language of the law. Eugene, 2004.
- Mirakhmedova Z.* Anatomy terminology of the Uzbek language and its regulatory problems. Tashkent, 2012.
- Mooney A.* Language and Law. London, 2004.
- Muxtorov A.* O'zbek adabiy tili tarixi. Toshkent, 1995.
- Raxmatullayeva Sh.* Zamonaviy O'zbek adabiy tili. Toshkent, 2006.
- Rutledge A.* Fundamentals of legal registration: court documents, contracts, legislative documents. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2012.
- Sarchevich S.* Translation of culture-dependent terms in laws. England, 1985.
- Solan L.* Language of judges. London, 1993.
- Tiersma P.* Roots of law: sources of legal concepts, institutions and language. Chicago, 2003.
- Usmonov S.* O'zbek tili terminologiyasining ba'zi muommalari. Toshkent, 2015.
- Богдановская И. Ю.* Особенности формирования английского права: историко-теоретические аспекты / Общество и политика. - №3. - 2007.
- Чиронova И. И.* Теоретические основы анализа юридической терминологии / Современные гуманитарные исследования. - 2007. - № 6.

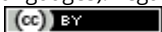
References

- Bogdanovskaya, I.Yu. (2007). Features of the formation of English law: historical and theoretical aspects. Society and politics, 3 (in Russian).
- Chironova, I. I. (2007). Theoretical foundations of the analysis of legal terminology. Modern humanitarian studies, 6 (in Russian).
- Dadaboev, H. (2009). Uzbek terminology. Tashkent.
- Donierov, R. (2001). Some technical terms of the Uzbek language problems. Tashkent.
- Kevelson, R. (2008). Law as a system of signs. New York.
- Madvaliev, A. (2017). Uzbek terminology and lexicography issues. Tashkent.
- Mellinkoff, D. (2004). The language of the law. Eugene.
- Mirakhmedova, Z. (2012). Anatomy terminology of the Uzbek language and its regulatory problems. Tashkent.
- Mooney, A. (2004). Language and Law. London.
- Mukhtorov, A. (1995). History of the Uzbek literary language. Tashkent.
- Rakhmatullaeva, Sh. (2006). Modern Uzbek literary language. Tashkent.
- Rutledge, A. (2012). Fundamentals of legal registration: court documents, contracts, legislative documents. CreateSpace Independent Publishing Platform.
- Sarchevich, S. (1985). Translation of culture-dependent terms in laws. England.
- Solan, L. (1993). Language of judges. London.
- Tiersma, P. (2003). Roots of law: sources of legal concepts, institutions and language. Chicago.
- Usmanov, S. (2015). Some issues of the terminology of the Uzbek language. Tashkent.

Citation:

Хужакулов С. А. Социолингвистические и нормативно-стилистические методы анализа юридических терминов (на примере узбекского и английского языков) // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 57-61.

Khujakulov S. A. (2025) Sociolinguistic and Normative-Stylistic Methods of Analysis of Legal Terms (on the Example of Uzbek and English Languages). Legal Linguistics, 35, 57-61.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Примерный перечень способов совершения преступления: осмысление технико-юридического решения (на примере диспозиции ч. 1 ст. 150 УК РФ)

А. Н. Сунгатуллин

*Казанский юридический институт МВД России
ул. Магистральная, 35, 420108, Казань, Россия. E-mail: ansngtx@mail.ru*

Статья посвящена исследованию такого технико-юридического решения, как примерный перечень способов совершения преступления. Автор рассматривает, с помощью каких формулировок способ совершения преступления отражается в уголовном законе вообще. Кроме того, на конкретных примерах автор поясняет, каким значением может обладать закрепление способа совершения преступления в диспозиции основного и в рамках квалифицированного составов преступления. На примере формулировки «иным способом», указанной в диспозиции ч. 1 ст. 150 УК РФ, предпринимается попытка осмысления оснований примерного перечня способов совершения преступления. Выявлено, что на примерный перечень способов совершения преступления в действующем уголовном законе, помимо названной формулировки, указывают также словосочетания «иным общественно опасным способом», «иным незаконным способом» и «иных незаконных действий». Констатируется, что исследуемое технико-юридическое решение может указывать на способ как на обязательный элемент объективной стороны конкретного преступления лишь с позиции отражения законодателем наиболее типичных для данного преступления его видов. Отмечается, что перечисление как один из приемов казуистического изложения обычно используется с целью ограничения судебного усмотрения. Однако в случаях с примерным перечнем совершения преступлений, данная цель не реализуется. В результате настоящего исследования автор приходит к выводу о том, что рассматриваемое технико-юридическое решение является не более чем законодательной ошибкой, так как не обладает прикладным значением. Более того, такое решение создает практико-теоретические проблемы. Последнее заключение основано на анализе материалов судебной практики и трудов исследователей в области уголовно-правовых наук. Предлагается исключить все указанные формулировки из текста уголовного закона, а также перечисление способов совершения преступления в нормах, где эти формулировки употребляются.

Ключевые слова: несовершеннолетний, вовлечение, антиобщественные действия, способ совершения преступления, юридическая техника.

An Approximate List of Modi Operandi: Insight into Technical and Legal Solution (On the Example of the Disposition of Part 1 of Article 150 of the CCRF)

A. N. Sungatullin

*Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
35 Magistralnaya St., 420108, Kazan, Russia. E-mail: ansngtx@mail.ru*

The article concentrates on the study of such a technical and legal solution as approximate list of modi operandi. The author considers the wording used to reflect the modus operandi in the criminal law in general. In addition, using specific examples, the author explains the significance of fixing the modus operandi in the disposition of the main and within the framework of the qualified composition of a crime. Using the example of the wording "in another way" specified in the disposition of Part 1 of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, attempts to understand the justification for an approximate list of modi operandi. It was revealed that the approximate list of modi operandi in the current criminal law, in addition to the above wording, is also indicated by the phrases "in another socially dangerous way", "in another illegal way" and "other illegal actions". It is stated that the technical and legal solution under study can indicate the modus operandi as a mandatory element of the actus reus of a specific crime only from the position of the legislator's understanding of the most typical

variations for this crime. It is noted that the enumeration as one of the techniques of casuistic exposition is usually used to limit judicial discretion. But in cases with an approximate list of modi operandi, this goal is not achieved. As a result of this research, the author comes to the conclusion that the technical and legal solution in question is nothing more than a legislative mistake, because it has no practical significance. Moreover, this solution creates practical and theoretical problems. The last conclusion is based on an analysis of materials from judicial practice and the works of researchers in the field of criminal law. It is proposed to exclude all the above specified formulations from the text of the criminal law, as well as the list of modi operandi in the articles where these formulations are used.

Key words: juvenile, involvement, antisocial actions, modus operandi, legal technique.

Любая форма человеческой деятельности сопровождается определенным набором действий, их последовательностью, выбором техники и средств, необходимых для эффективного ее осуществления. Все указанное в совокупности называется способом соответствующей деятельности. И поскольку различные способы сопровождают любую деятельность, серьезное внимание их исследованию уделяется и в уголовно-правовой науке в контексте применения при совершении преступных деяний.

В доктрине уголовного права Н. И. Пановым дано наиболее полное определение способа совершения преступления, обозначающее: «определенный порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых лицом при совершении умышленных или неосторожных преступлений, сопряженных с избирательным использованием средств совершения преступления» [Панов 1984: 24].

Если очевидно, что способ присущ всякому поведению, в том числе любому преступному его проявлению, другой вопрос – место способа совершения преступления в структуре элементов его состава. Как известно, указанный признак характеризует объективную сторону преступления. По общему правилу, обязательным признаком объективной стороны любого преступления является лишь само деяние, остальные признаки, включая и способ совершения преступления, являются факультативными.

Таким образом, способ совершения преступления – признак, присущий любому преступлению, однако не всегда обладающий уголовно-правовым значением. В уголовном законе указание на способ совершения преступления производится, в частности, с помощью следующих словесных конструкций: «посредством» (например, ст. 185.5 УК РФ), «путем» (например, ст. 110-110.2, 117, 133, 144, 150 УК РФ), «с применением» (например, ч. 2 ст. 116.1, ст. 120, п. «в» ч. 2 ст. 126, п. «в» ч. 2 ст. 127 УК РФ), «с использованием» (например, ст. 131, 171.2, п. «в» ч. 2 ст. 193.1 УК РФ), «совершенное с» (например, п. «д» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ), «соединенное с» (например, п. «б» ч. 2 ст. 131, ч. 2 ст. 299, чч. 2-3 ст. 306, ч. 2 ст. 309, п. «в» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ), «сопряженное с» (например, ч. 5 ст. 159, п. «б» ч. 2 ст. 215.4, ст. 335 УК РФ).

Как можно заметить, в одних случаях указание на способ характеризует весь состав преступления, в других – только квалифицированные его виды. П. В. Федышина отмечает, что способ совершения преступления «выполняет тройную роль»: выступает конструктивным признаком состава преступления, квалифицирующим его признаком, либо учитывается при индивидуализации наказания [Федышина 2012: 21-22]. Первые две функции воплощаются путем указания способа совершения преступления прямо в уголовном законе, третья – наблюдается через призму правоприменительной деятельности судебных органов, соответствующей общим началам назначения наказания, а именно учитывающей характер и степень общественной опасности преступления. Последнее обстоятельство характеризует, помимо прочего, и способ совершения преступления. Впрочем, главный вопрос нашего исследования возникает относительно первых двух названных выше функций способа совершения преступления. Представляется, что указание в уголовном законе способа совершения преступления должно говорить о его уголовно-правовом значении для целей правильной квалификации конкретного поведения как преступного. Приведем некоторые примеры.

В случае, когда указание на способ совершения преступления является конструктивным признаком состава преступления, отсутствие названного в законе способа может говорить об отсутствии состава преступления вообще, либо о наличии иного состава преступления.

К примеру, нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, не связанное с унижением чести и достоинства или издевательством над потерпевшим и не сопряженное с насилием, не образует состава преступления, предусмотренного ст. 335 УК РФ. Так, воинское приветствие является обязанностью военнослужащих [Указ Президента Российской Федерации 2007], однако несоблюдение этой обязанности, хотя формально и будет считаться нарушением уставных правил взаимоотношений, уголовной ответственности не предполагает.

Проиллюстрировать другой пример выражения способа совершения преступления можно следующим образом. Хищение чужого имущества, вне зависимости от способов его осуществления, противозаконно и противоправно, а значит, указание на способ его совершения есть не только основание уголовной ответственности, но и средство дифференциации одного вида хищения от другого.

Так, мошенничество, уголовная ответственность за которое установлена ст. 159 УК РФ, заключается в хищении чужого имущества или приобретении права на него исключительно установленными в законе способами, а именно:

- 1) обман;
- 2) злоупотребление доверием.

Совершение хищения чужого имущества или приобретение права на него другими способами образует иной состав преступления. К примеру, хищение чужого имущества, осуществляемое в отсутствие владельца данного имущества или посторонних лиц, либо незаметно для них, образует состав кражи (ст. 158 УК РФ). Хищение чужого имущества в присутствии его владельца или посторонних лиц, когда лицо осознает, что указанные лица понимают противоправный характер его действий, образует состав грабежа (ст. 161 УК РФ) и так далее.

И, наконец, третий тип выражения способа совершения преступления в виде квалифицирующего признака показывает особую общественную опасность способа совершения преступления в сравнении с основным составом преступления, где данный способ не входит в число обязательных признаков. К примеру, похищение человека, ответственность за которое предусмотрена ст. 126 УК РФ, не предполагает применения насилия, опасного для жизни или здоровья. Когда такое насилие все же применяется, ответственность наступает по п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ. В этом случае избрание указанного способа совершения преступления влечет повышенную уголовную ответственность.

Необходимо признать, что в некоторых случаях способ, выделенный в виде квалифицирующего признака, выступает альтернативой тому, что указан в диспозиции основного состава преступления. Так, например, попытка в ч. 3 ст. 302 УК РФ является альтернативой угрозам и шантажу, указанным в ч. 1 ст. 302 УК РФ. В других случаях способ совершения преступления рассматривается как самостоятельный признак, поскольку основной состав преступления представляет общественную опасность вне зависимости от способов его совершения (например, ч. 2 ст. 139, ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142 УК РФ). А в ряде составов преступлений указывается не совсем способ, а скорее усиливающее его свойство, например «особая жестокость» в п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ. В этом случае способ совершения преступления, предусмотренный диспозицией статьи, приобретает повышенную общественную опасность ввиду более интенсивного воздействия, не требующегося для фактического удовлетворения преступного запроса.

Так или иначе, в каждом из перечисленных примеров указание способа совершения преступления обусловлено действительной в этом необходимостью. Не имеет значения, для какой именно цели такое указание произведено: для конструирования объективной стороны преступления, дифференциации разновидностей преступного поведения, либо для выделения квалифицированного состава преступления. Во всех случаях способ совершения преступления из факультативного признака объективной стороны абстрактного преступления становится обязательным признаком преступления, ответственность за которое предусмотрена конкретной нормой уголовного закона.

Но всегда ли указание в законе на способ совершения преступления продиктовано реальной необходимостью и его положением в структуре признаков объективной стороны состава конкретного преступления? Попробуем ответить на этот вопрос.

В уголовном законе есть ряд составов преступлений, в диспозициях которых прямо указываются способы их совершения, но при этом их перечень остается открытым. Такой перечень способов называется примерным и после перечисления некоторых из них обозначается сочетанием слов «иным способом» (например, ст. 110.1, 150, 151.2, 215.2, ч. 3 ст. 215.3, ст. 267 УК РФ), либо фразами «иным общеопасным способом» (например, ч. 2 ст. 167, ч. 3 ст. 261 УК РФ), «иным незаконным способом» (например, ст. 183, 283.1 УК РФ), «иных незаконных действий» (ст. 302 УК РФ) и т. д.

Подобный подход законодателя, безусловно, требует серьезных оснований, обуславливающих его существование. Постараемся осмыслить данный подход на примере диспозиции ч. 1 ст. 150 УК РФ. Указанная диспозиция обладает описательным характером и уточняет признаки преступного поведения: «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста». Необходимо оговориться, что «иные способы» в данном случае не связаны с насилием, поскольку применение насилия или угроза его применения как способ совершения исследуемого преступления предусмотрены ч. 3 ст. 150 УК РФ.

Для уяснения содержания «иных способов» в первую очередь обратимся к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Так, абз. 3 п. 42 названного постановления установлено, что, помимо указанных в диспозиции ч. 1 ст. 150 УК РФ способов, преступное поведение «может быть выражено в форме предложения совершить преступление, разжигания чувства зависти, мести и иных действий» [Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации 2011: URL]. Нельзя не согласиться с И. Д. Хиноверовым в том, что «сложно представить себе структуру ст. 150 УК РФ» [Хиноверов 2021: 149], если предположить, что все возможные способы совершения данного преступления будут в ней указаны. Между тем, если законодатель при составлении нормы условно ограничен, то орган легального толкования при изложении своей позиции – нет, однако и в его акте наблюдается недосказанность. Данное обстоятельство, безусловно, указывает на огромное количество способов совершения исследуемого преступления, предусмотреть которые невозможно. Трансформация таких преступлений порождает только большее количество способов их совершения.

Напомним, что всего каких-то полвека назад Пленум Верховного Суда СССР указывал, что совершение преступления, предусмотренного ст. 210 УК РСФСР («Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность»), предполагало «все виды физического насилия и психического воздействия» [Постановление Пленума Верховного Суда СССР 1976: URL]. Данную норму следует признавать исторически предшествующей ст. 150-151 УК РФ и некоторым другим, а значит, и спроецировать указанную позицию советского органа легального толкования, в частности на положения ст. 150 УК РФ, мы можем.

Как нам кажется, использование указанных выше формулировок нейтрализует необходимость конкретизации каких-либо способов совершения преступления в принципе. Но тогда и усложнение диспозиции, собственно, подобного рода формулировками не имеет смысла. Так или иначе, отражение примерного перечня способов

совершения преступления на примере диспозиции ч. 1 ст. 150 УК РФ в настоящее время, во-первых, создает неопределенность в теории уголовного права, а во-вторых, усложняет единообразное правоприменение.

В уголовно-правовой доктрине дана неоднозначная оценка формулировке «иным способом» в рамках исследуемой статьи. Одни исследователи предпринимают попытки к уточнению «иных способов» совершения преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ [Набатова 2018: 100-101]. В этом контексте Ю. Е. Пудовочкин полагал возможным использовать обобщающие понятия при описании способов совершения преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ (физическая боль, насильственные действия, обман) [Пудовочкин 2002: 105]. В то же время другие исследователи отмечают, что словесная конструкция «иным способом» по своему содержанию равнозначна фразе «любым способом» [Тюлина 2018: 204], и, соответственно этому, уточнений не требует.

Между тем, как абсолютно верно отмечает Д. Д. Медведева, способы, за исключением тех, что прямо закреплены в диспозиции ч. 1 ст. 150 УК РФ (обещания, обман, угрозы), зачастую не находят своего отражения в описательной части приговоров по уголовным делам данной категории [Медведева 2024: 62]. Проще говоря, в некоторых случаях не устанавливается конкретный способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, а правоприменитель ссылается на размытую формулировку «иной способ». Подкрепим наши слова конкретными примерами.

Так, согласно приговору Кировского районного суда города Махачкалы от 3 марта 2023 года, виновный «Ш.И.Ш.» вовлек несовершеннолетнего «Ф.И.О.11» в совершение преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ, предложив последнему «без цели хищения неправомерно завладеть ... автомобилем и покататься на нем по городу Махачкала», на что несовершеннолетний дал свое согласие [Приговор Кировского районного суда г. Махачкалы от 03.03.2023 г. По делу № 1-113/2023: URL]. Исходя из обстоятельств дела, налицо предложение совершить преступление как способ совершения преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 150 УК РФ.

Иногда правоприменитель указывает даже на те способы, что прямо закреплены в диспозиции исследуемой нормы, как на «иные». Так, Альметьевским городским судом Республики Татарстан в приговоре от 15 марта 2023 года было указано, что из обвинения подлежит исключению формулировка «вовлечение иным способом», поскольку в судебном заседании было установлено, что «Т.В.А.» вовлекла несовершеннолетнего лицо в незаконный оборот наркотических средств путем обещаний [Приговор Альметьевского городского суда Республики Татарстан от 15.03.2023 г. по делу № 1-83/2023: URL]. Вероятно, в материалах обвинения был сделан акцент на том, что обещания, как это становится ясно при изучении дела, не единственный использованный «Т.В.А.» прием. Помимо обещаний, были использованы также уговоры и «настойчивые предложения». Таким образом, несколько использованных в ходе совершения преступления приемов были рассмотрены как единый способ его совершения.

В некоторых случаях подобная вышеуказанной комбинация приемов преподносится правоприменителем следующим образом: способ, предусмотренный диспозицией ч. 1 ст. 150 УК РФ, находит свое отражение при квалификации преступления, а другие способы – нет. Так, Багаевский районный суд Ростовской области в приговоре от 12 сентября 2022 года квалифицировал действия «Б.П.Г.», направленные на вовлечение несовершеннолетнего «Ф.И.О. 1» в совершение кражи, путем обещания материальной выгоды и уверения в безнаказанности последнего, как совершенное «путем обещаний и иным способом» [Приговор Багаевского районного суда Ростовской области от 12.09.2022 г. по делу № 1-195/2022: URL].

В других случаях правоприменитель уточняет все приемы, использованные при совершении преступления, при описании способа его совершения, но без переходного звена в виде формулировки «иной способ», не обходится. К примеру, в приговоре Киевского районного суда города Симферополя от 30 сентября 2022 года, согласно которому несовершеннолетнему лицу было предложено совершить преступление с обещанием незаконного обогащения, указано, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления было осуществлено «путем обещания и иным способом в виде предложения» [Приговор Киевского районного суда г. Симферополя от 30.09.2022 г. по делу № 1-577/2022: URL].

Как говорилось ранее, указание способа совершения преступления в диспозиции конкретной статьи УК РФ предопределяет ее безусловное место в структуре элементов объективной стороны преступления, ответственность за которое предусмотрена данной статьей. Но так ли это, если речь идет «обо всем и сразу»?

В частности, Б. В. Епифанов, С. И. Осмоловская указывают, что способ совершения преступления является обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 150 УК РФ [Епифанов, Осмоловская 2019: 67]. При определении того, является ли признак преступления обязательным элементом его объективной стороны, следует руководствоваться универсальным правилом: если преступление совершается способом, не указанным в диспозиции статьи УК РФ, должна ли наступать уголовная ответственность по данной статье? Отрицательный ответ характеризует способ совершения данного преступления как обязательный элемент его объективной стороны, тогда как положительный ответ говорит о том, что способ совершения преступления не является уголовно значимым признаком данного преступления.

В случае со ст. 150 УК РФ, ответ на поставленный выше вопрос положительный, однако примерный перечень способов совершения преступления является исключением из названного правила. Вообще говоря, в данном случае представлен не классический вариант фиксации способа противоправного действия как обязательного элемента объективной стороны преступления. Как упоминалось выше, способ совершения преступления «вырастает» из факультативного признака объективной стороны преступления в его обязательный признак тогда, когда именно связка конкретного способа (одного из указанных способов) с деянием, а также иными признаками при их указании (например, общественно опасные последствия, предмет преступления и т. д.) есть единственно возможная

комбинация преступного поведения, подлежащая квалификации в соответствии с конкретной нормой УК РФ. Совершение деяния в связке с другим способом должно указывать либо на отсутствие состава преступления вообще, либо на другое преступление. Между тем почти полвека назад Н. И. Панов обозначил, что способ совершения преступления может быть отражен в законе не только с позиций, указанных выше (конструирования объективной стороны преступления, дифференциации его разновидностей или выделения квалифицированного состава преступления), но и с позиции наиболее типичных для данного преступления [Панов 1982: 127-135].

Нельзя не отметить, что такое свойство, как «типичность» способов совершения конкретного преступления, не всегда тождественно высокой степени распространенности этих способов. В одном из исследований на основании правоприменительной практики представлен вывод о том, что обман «распространен слабо» в качестве способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления [Хиноверов 2021: 148], хотя и стоит в одном ряду с другими «типичными» способами совершения преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ. Другими словами, типичность в данном случае – свойство, отражающее первые мысли, приходящие на ум при размышлении о способах совершения названного преступления, но не всегда соответствующие частоте их применения на практике.

Нет сомнений в том, что при конструировании диспозиции ч. 1 ст. 150 УК РФ, равно как и других норм, где употребляются формулировки «иным способом», «иным общеопасным способом», «иным незаконным способом», «иных незаконных действий» и пр., законодатель руководствовался казуистическим способом изложения. Одним из приемов, используемых при казуистическом изложении норм права, является перечисление. Обычно цель, которую преследует использование такого технико-юридического решения – предусмотреть как можно большее количество перечисляемых объектов, что позволяет снизить значение усмотрения суда. Это, в свою очередь, позволяет формировать более или менее единообразную судебную практику. Но в случаях, когда судебное усмотрение не играет практически значимой роли, а перечисление становится средством отражения типичных способов совершения преступления, это представляется дисфункциональным украшением закона.

Умышленное злоупотребление средствами и приемами юридической техники, к чему, на наш взгляд, относится использование перечисления в данном случае, как пишет К. К. Панько, «можно включить в праксеологический тип законодательных ошибок» [Панько 2015: 544].

Кроме того, использование указанного приема в данном случае противоречит одному из основных положений, на которых зиждется юридическая техника, – принципу краткости. В этом смысле П. И. Люблинский абсолютно точно указывал, что при нормотворчестве «закон наибольшей экономии выражений должен всегда иметься в виду» [Люблинский 1917: 10]. М. Д. Шаргородский также писал, что «излишние подробности в тексте закона усложняют пользование им и с точки зрения технической делают закон неудовлетворительным» [Шаргородский 1948: 60].

Итак, примерный перечень способов совершения преступления в диспозиции конкретной статьи уголовного закона может представлять способ совершения преступления в виде обязательного элемента его объективной стороны лишь с позиции наиболее типичных способов для совершения данного вида преступлений. Между тем указанный подход законодателя, как спорное технико-юридическое решение, обладает в лучшем случае декорирующим закон свойством.

С одной стороны, исследованный нами в рамках настоящей статьи подход к изложению ряда норм уголовного закона не обладает практическим значением, противоречит принципу краткости (неизбыточности или экономии изложения), а кроме этого, создает неопределенности в теории и в практической деятельности.

С другой стороны, названный подход обусловлен традициями казуистического изложения уголовного закона, основанными, прежде всего, на стремлении к отправлению справедливого и единообразного правосудия, отражает типичные способы совершения преступления.

Какая чаша весов тяжелее – вопрос риторический. Исходя из вышесказанного, наша позиция вполне очевидна: никакой из приемов юридической техники не должен становиться на передний план при отсутствии действительной в нем необходимости. Между тем несоответствие фактического значения истинной цели перечисления как одного из казуистических приемов изложения закона предопределяет его как технико-юридическую ошибку. Отсутствие необходимости в перечислении способов совершения преступления в статьях, где указаны формулировки «иным способом», «иным незаконным способом», «иных незаконных действий», делает их диспозиции несоразмерными потребностям правоприменения и нецелесообразными в настоящем виде. На наш взгляд, все указанные формулировки необходимо исключить из текста уголовного закона вместе с перечислением способов совершения преступления в данных положениях уголовного закона, так как названное не несет прикладного значения.

Литература

Епифанов Б. В., Осмоловская С. И. Способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления как признак объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 150 УК РФ / Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: сборник материалов ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16-17 мая 2019 года. - С. 67-72.

Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / Записки юридического факультета Петроградского университета: Выпуск V. - 1917.

Медведева Д. Д. Установление способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления как обязательный этап квалификации / Вестник экономики, управления и права. - 2024. - Т. 17. - № 2. - С. 59-66.

Набатова Е. А., Пырьева Е. И. Способы совершения вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления / Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. - 2018. - №1 (5). - С. 99-105.

О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.12.1976 № 16. URL: <https://base.garant.ru/1305289>

О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12082757>

Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации»): Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 года № 1495 / Собрание законодательства РФ. - 2007. - № 47 (1 ч.). - Ст. 5749.

Панов Н. И. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления: учебное пособие. Харьков, 1984.

Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков, 1982.

Панько К. К. Ошибки технико-юридического оформления уголовно-правовых запретов / Юридическая техника. - 2015. - № 9. - С. 539-545.

Приговор Альметьевского городского суда Республики Татарстан от 15.03.2023 г. по делу № 1-83/2023. URL: <https://судебныерешения.рф/74636379>

Приговор Багаевского районного суда Ростовской области от 12.09.2022 г. по делу № 1-195/2022. URL: <https://судебныерешения.рф/69897035>

Приговор Киевского районного суда г. Симферополя от 30.09.2022 г. по делу № 1-577/2022. URL: <https://судебныерешения.рф/71449907>

Приговор Кировского районного суда г. Махачкалы от 03.03.2023 г. по делу № 1-113/2023. URL: <https://судебныерешения.рф/74761102>

Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. Санкт-Петербург, 2002.

Тюлина А. С. Способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления / Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Воронеж, 23 мая 2018 года. - С. 202-204.

Федышина П. В. Способ совершения преступления в уголовном праве / Криминалистика. - 2012. - №2 (11). - С. 19-22.

Хиноверов И. Д. Способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления как необходимый элемент криминалистической характеристики преступления / Криминалистика от Ганса Гросса до наших дней: криминалистические аспекты реализации конституционных прав и гарантий человека и гражданина: сборник научных статей по материалам V Международного научно-практического круглого стола, Санкт-Петербург, 26 февраля 2021 года. - С. 145-151.

Шаргородский М. Д. Техника и терминология уголовного закона / Советское государство и право. - 1948. - № 1. - С. 58-65.

References

Epifanov, B. V., Osmolovskaya, S. I. (2019). Methods of involvement a minor in committing crime as a sign of the objective side of the crime provided for in Part 1 of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation. Criminal legislation: yesterday, today, tomorrow: collection of materials from the annual All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, May 16-17, 67-72 (in Russian).

Fedyshina, P. V. (2012). Modus operandi in Criminal law. Criminalist, 2 (11), 19-22 (in Russian).

Khinoverov, I. D. (2021). The method of involvement a minor in committing a crime as a necessary element of the forensic characteristics of the crime. Forensic science from Hans Gross to the present day: forensic aspects of the implementation of constitutional rights and guarantees of man and citizen: Collection of scientific articles based on the materials of the V International Scientific and Practical oval table, St. Petersburg, February 26, 145-151 (in Russian).

Lyublinsky, P. I. (1917). Technique, interpretation and casuistry of the criminal code. Notes of the Law Faculty of the Petrograd University, 5 (in Russian).

Medvedeva, D. D. (2024). Establishing the method of involving a minor in the commission of a crime as a mandatory qualification stage. Bulletin of Economics, Management and Law, 17, 2, 59-66 (in Russian).

Nabatova, E. A., Pyreva, H. I. (2018). Methods of performing involvement of minor-year in crime prevention. Criminal procedural protection of the rights and legitimate interests of minors, 1 (5), 99-105 (in Russian).

On approval of the general military regulations of the Armed Forces of the Russian Federation (with the "Regulations of the Internal Service of the Armed Forces of the Russian Federation", "Disciplinary Regulations of the Armed Forces of the Russian Federation", "Regulations of the Garrison and Guard Services of the Armed Forces of the Russian Federation"): Decree of the President of the Russian Federation dated November 10, 2007 No. 1495. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2007, 47 (part 1), 5749 (in Russian).

- On the judicial practice of applying the legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 1, 2011 No. 1. Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12082757> (in Russian)
- On the practice of applying the legislation by the courts in cases of crimes committed by minors and their involvement in criminal and other antisocial activities: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the USSR dated December 3, 1976 No. 16. Available from: <https://base.garant.ru/1305289> (in Russian)
- Panko, K. K. (2015). Mistakes in the technical and legal design of criminal-legal prohibitions. *Legal technique*, 9, 539-545 (in Russian).
- Panov, N. I. (1982). Method of committing a crime and criminal responsibility. Kharkov (in Russian).
- Panov, N. I. (1984). Criminal-legislative significance of the method of committing a crime: a tutorial. Kharkov (in Russian).
- Pudovochkin, Yu. E. (2002). Liability for crimes against minors under Russian criminal law. St. Petersburg (in Russian).
- Sentence of the Almet'yevsk City Court of the Republic of Tatarstan dated March 15, 2023 in case No. 1-83/2023. Available from: <https://судебныерешения.рф/74636379> (in Russian).
- Sentence of the Bagaevsky District Court of the Rostov Region dated September 12, 2022 in case No. 1-195/2022. Available from: <https://судебныерешения.рф/69897035> (in Russian).
- Sentence of the Kievsky District Court of Simferopol dated September 30, 2022 in case No. 1-577/2022. Available from: <https://судебныерешения.рф/71449907> (in Russian).
- Sentence of the Kirovsky District Court of Makhachkala dated March 3, 2023 in case No. 1-113/2023. Available from: <https://судебныерешения.рф/74761102> (in Russian).
- Shargorodsky, M. D. (1948). Technique and terminology of criminal law. *Soviet state and law*, 1, 58-65 (in Russian).
- Tyulina, A. S. (2018). Methods of involvement a minor in committing a crime. *Crime in the CIS: problems of preventing and solving crimes: Collection of materials from the International Scientific and Practical Conference, Voronezh, May 23, 202*, 202-204 (in Russian).

Citation:

Сунгатуллин А. Н. Примерный перечень способов совершения преступления: осмысление технико-юридического решения (на примере диспозиции ч. 1 ст. 150 УК РФ) // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 62-68.

Sungatullin A. N. (2025) An Approximate List of Modi Operandi: Insight into Technical and Legal Solution (On the Example of the Disposition of Part 1 of Article 150 of the CCRF). *Legal Linguistics*, 35, 62-68.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Ценности дискурса договорного права и их типология

И. И. Ковалевская

Белорусский государственный экономический университет

пр. Партизанский, 26, 220070, Минск, Республика Беларусь. E-mail: kovalevskaya@bseu.by

В статье обсуждаются актуальные вопросы анализа ценностей дискурса договорного права. Теоретическая значимость исследования обусловлена востребованностью результатов интегративного осмысления проблем, которые находятся в поле зрения аксиологической лингвистики и аксиологии права, занимающихся изучением ценностей дискурса, с одной стороны, и собственно правовых ценностей, с другой. Решение этих проблем предлагается автором посредством анализа ценностного содержания базовых лингвокультурных концептов дискурса договорного права «имущество», «работы», «услуги» и «деньги», репрезентирующих блага, которые составляют объект договора и соотносятся с четвертым уровнем иерархии ценностей права.

Для выявления ценностной специфики концепта «услуги» были отобраны и рассмотрены договоры возмездного оказания услуг, использующиеся в деятельности белорусских компаний и организаций. Комплексный концептуально-дискурсивный анализ этих документов позволил определить лежащие в их основе ценностные принципы. В соотнесении с действующими в Республике Беларусь нормативно-правовыми актами были выделены и описаны собственно правовой, этический и прагматический типы ценностей, находящих отражение в дискурсе договорного права.

Ключевые слова: дискурс, договорное право, договор, концепт, ценности.

Values of Contract Law Discourse and Their Types

I. I. Kovalevskaya

Belarus State Economic University

26 Partizanski Av., Minsk, 220070, Minsk, Republic of Belarus. E-mail: kovalevskaya@bseu.by

The article discusses the relevant issues in respect of the analysis of the contract law discourse values. The theoretical relevance of the research is due to the demand for the results of the integrative understanding of the problems within the scope of the axiological linguistics and the axiology of law studying the values of discourse, on the one hand, and of the legal values themselves, on the other hand. The author proposes the solution to these problems by analyzing of the value content of such basic linguistic cultural concepts of contract law discourse as «property», «work», «services» and «money». These concepts are representative of the benefits that constitute the object of a contract and they are related to the fourth level of the law values hierarchy.

The Belarusian companies and organizations' contracts for the provision of services were selected and considered to identify the value specifics of the concept «services». The comprehensive conceptual and discourse analysis of the documents has made it possible to identify the values they are based on. In accordance with the current legal and regulatory acts in the Republic of Belarus the legal, ethical and pragmatic types of the values reflected in the contract law discourse were distinguished and their essence was disclosed.

Key words: discourse, contract law, contract, concept, values.

На фоне возрастающего интереса к исследованию разных видов правового дискурса на повестку дня выходят вопросы, связанные с его теоретическим моделированием; описанием речевого поведения субъектов правовой коммуникации, коммуникативных стратегий и тактик; анализом юридической терминологии, правового синтаксиса, правовой стилистики и др.

Актуальным в контексте всестороннего изучения правового дискурса представляется выявление его ценностного содержания, с которым соотносятся закрепленные в нем правовые нормы.

Идея онтологического взаимодействия права и правового дискурса лежит в основе большинства его современных исследований (А. В. Поляков, И. Л. Честнов, Н. Г. Храмцова). Подтверждением служит дефиниция правового дискурса как «текущей речевой деятельности в определенном социальном пространстве – области правовой коммуникации – обладающей признаком процессности и связанной с реальной жизнью и реальным временем». В правовой дискурс входят также возникающие в результате этой деятельности и взаимодействия лингвистических и социокультурных факторов тексты [Храмцова 2009: 82].

Для понимания коммуникативной природы права и правового дискурса основополагающей считается диалогическая философия, ведущая начало от идей М. Бубера. С его точки зрения, речь выступает основой человеческого бытия как отношения между Я и Ты, которое устанавливается существованием человека как человека и «есть исходная категория человеческой реальности, если даже реализуется в очень различных степенях» [Поляков 2014: 20].

Наиболее активно идеи диалогической философии разработаны в трудах М. Бахтина, согласно которому все элементы бытия – сосуществования пронизаны ценностным значением, а человек является его ценностным центром [Бахтин 1986: 130]. Теория познания, предложенная ученым, не ограничивается субъектно-объектным отношением, но включает его как часть фундаментальной целостности, где ценностные отношения синтезируются наряду с когнитивными, пространственно-временными и пр.

Особого внимания заслуживают различные варианты ценностных социокультурных предпочтений в правовом дискурсе, поскольку в нем формируется и практически реализуется само право. Изучение данных предпочтений позволяет избавиться от «идеологической ангажированности» права и способствует созданию интегральной коммуникативной правовой концепции, научная значимость которой обосновывается лежащими в ее основании ценностями» [Поляков 2014: 14].

В данной статье поставлена цель выявить, описать ценности дискурса договорного права и выстроить их типологию, что имеет особую прикладную значимость для упорядочивания относящегося к этой правовой отрасли обыденного и специального знания, с одной стороны, и комплексной интерпретации функционирующего в ней дискурса, с другой.

В целях выявления ценностных основ права в течение последних нескольких десятилетий сформировалось специфическое направление научных исследований в отечественной и зарубежной юриспруденции, именуемое аксиологией права [Горобец 2013: 14] и сочетающее философские, теоретические и даже отраслевые научные исследования. Его сторонники придерживаются мнения, что выведение существования правовых ценностей сугубо из содержания правовой нормы является такой же крайностью, как и выведение их из содержания морали. В этой связи выделяются ценности, которые изначально существуют только в праве, и те, которые, хотя прямо не вытекают из правовых норм, но все-таки влияют на их содержание и определяют причины возникновения и исчезновения первых. Примерами таких ценностей служат справедливость, суд, права человека, правовая культура и т. п. Основной из них признается личность или человек [Горобец 2013: 20].

В стремлении объяснить мир с позиций человека заключается антропологизм современных теорий дискурса, являющийся одним из важнейших условий его личностного понимания. Отмечая важность выявления ценностных ориентиров как одной из главных задач современной юриспруденции, однако, должны согласиться с тем, что антропологизм в праве «должен использоваться с осторожностью, поскольку последовательное его воплощение на всех уровнях философско-правовой мысли может привести к абсолютному релятивизму» [Горобец 2013: 33].

К собственно правовым ценностям, то есть свойственным исключительно праву, кроме упомянутых выше, еще относят конституцию, закон, правосудие, государство, правовую норму, юридическую ответственность, субъективные права, юридические обязанности и др. Эти собственно-правовые феномены определяют содержание, цель и сущность права, лежат в его основе, выступают средствами постижения и объяснения правовой реальности и образуют систему. Данные феномены центрируются вокруг идеи справедливости, которая признается основополагающей аксиологической характеристикой правовой сферы, и составляют базовый уровень иерархии правовых ценностей.

Среди ценностей, раскрывающих социальную сущность человека, наиболее полными и логически обоснованными считаются свобода, равенство и достоинство, составляющие второй уровень их иерархии.

Непосредственные возможности личностного развития и самореализации в рамках общества, оформленные в четкую и структурированную систему прав человека, описываются в категориях, относящихся к третьему уровню ценностей права.

Взаимодействие человека с обществом и государством осуществляется посредством определенных благ, составляющих четвертый уровень иерархии ценностей права. Это собственность, порядок, образование, культура и др., которые защищаются и обеспечиваются правом в силу их значимости и полезности для субъектов правовой коммуникации [Горобец 2013: 107-108].

Ценности соотносятся с общекультурными и правовыми нормами, под которыми понимаются предписания, требования, пожелания и ожидания соответствующего (т. е. одобряемого обществом) поведения, представляющие собой элементы правовой системы и считающиеся результатом общей воли общественного союза.

С точки зрения анализа ценностного содержания договорное право заслуживает особого внимания как правовая отрасль, формировавшаяся «на протяжении долгих веков под влиянием метафизики Аристотеля и этических концепций Фомы Аквинского о ценностях и о сущности (природе) вещей» [Гаджиев 2019: 11-12]. В основе договорного права, представляющего собой основную частноправовую отрасль, лежит принцип «взаимовыгоды

при жизни в социуме». Согласно данному принципу «публичному интересу (общему благу)» подчинены «интересы индивидов» и не допускается противопоставление договорного права публичному [Гаджиев 2019: 12-13].

В современном договорном праве, складывающемся в период интенсивного развития рыночной экономики и усиления значимости экономических факторов, в отличие от публичного права на первый план выступают ценности, относящиеся к четвертому уровню иерархии и отражающие блага, ради которых заключаются договоры разных видов.

Ценности как высшие ориентиры поведения определенной этнической общности считаются «концентратом культуры» и с позиций аксиологической лингвистики могут исследоваться посредством моделирования концептов; оценки в содержании слов и фразеологических оборотов; или дискурсивных образований с маркированным оценочным содержанием [Карасик 2015: 25-26].

Концепт неотделим от аксиологической и предметно-тематической сфер сознания и сфер речевой деятельности, поскольку через них обретает форму бытия. Особого внимания заслуживают лингвокультурные концепты, которые «своим ядром имеют ценности» и составляют значительную часть концептуальной системы человека. Ввиду того, что средства языковой репрезентации (объективации) и тех, и других совпадают, эти концепты рассматриваются как ценности. Отличие состоит лишь в том, что «если языковые знаки представляют концепты в коммуникации, то для ценностей важнее интенция языковой личности, это интерпретационный конструкт» [Маслова 2011: 386]. Тем не менее, ценностный компонент, входящий наряду с понятийным и образным компонентами в структуру лингвокультурного концепта, признается доминирующим [Карасик 2002: 21].

В отношении правовых концептов, отметим, что их значительная часть вербализируется в языке с помощью уже существующих лексем (например, *судья, смертная казнь, вина, наказание*), что свидетельствует о проникновении экзистенциально значимых культурных констант в сферу правоотношений и приобретении этими концептами лингвокультурного статуса. Их структура отличается от структуры тех правовых концептов, которые являются логически конструируемыми и лишены образного и ценностного начал (например, *патент, акт*). При этом понятийная сторона и тех, и других отождествляется с кодифицированной нормой, установленной и поддерживаемой государственной властью и традицией. Предметно-образная сторона концептов с лингвокультурным статусом отражает «предельно обобщенные образы различных норм права и морали», а ценностная – «отношение к норме и государственной власти» [Храмцова 2007: 27-28].

На правовые концепты опираются, когда дают правовую оценку отдельного факта или события с точки зрения социально-нравственных норм. В этом проявляется их «чувственная сторона», отражающая конкретику момента, который «оказывается частью культурно-нравственной (правовой) ситуации, получает соответствующую оценку» [Федулова 2017: 109], или их ценностное содержание, исследование которого предполагает обязательное привлечение интерпретационного анализа.

В качестве базовых концептов дискурса договорного права в соотнесении с объектом договорных отношений были выделены «имущество», «работы», «услуги» и «деньги». Данные концепты, указывая на объект договора и на совершаемые ради него действия, которые составляют его предмет, репрезентируют конкретные блага, относящиеся к четвертому уровню иерархии правовых ценностей [Ковалевская 2023: 11].

Через базовые концепты дискурса договорного права допускается возможность получения представления о его ценностях. В данной статье были рассмотрены типовые контексты выражения ценностной семантики концепта «услуги», репрезентирующего объект договорных отношений между сторонами, одна из которых является исполнителем услуг, а другая – их получателем. В качестве этих контекстов были отобраны путем сплошной выборки и проанализированы 30 договоров возмездного оказания услуг. Из них 5 договоров оказания медицинских услуг, 5 – образовательных услуг, 5 – коммунальных услуг, 5 – услуг по организации досуга и 10 – консультационно-информационных услуг, предоставляемых белорусскими компаниями и организациями.

Все договоры, используемые в качестве материала исследования, относятся к консенсуальным, двусторонним и возмездным. Включение договоров возмездного оказания услуг в Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее ГК) обусловлено их выделением в качестве объекта гражданского права. Ценностное содержание таких договоров определяется сутью понимания услуг как определенных действий или определенной деятельности, общая направленность которых задается ценностями договорной коммуникации по поводу оказания услуг разных видов. Эти ценности образуют систему ценностных ориентаций как некоторой основы сознания и поведения субъектов договорных отношений.

Концептуально-дискурсивный анализ договоров позволил выявить специфику ценностного содержания базового концепта «услуги», который вербализируется посредством контекстуальных языковых средств соответствующей семантики. К значимым для договорного дискурса в сфере обслуживания ценностям были отнесены: законность (30), ответственность (30), права и обязанности (30), добросовестность (14), охрана жизни и здоровья (12), достоинство (2), защита от насилия/оскорбления (1), свобода совести (1), свобода мнений (1), вежливость (3), уважение (5), информированность (19), достоверность (информации) (10), свобода выбора услуг (15), качество (18), своевременность (16), безопасность (19), возмещение/компенсация (морального) вреда (13), клиентоориентированность (10), конфиденциальность (22), профессионализм (15), эффективность (8), инновационность (12).

Принцип законности, относящейся к базовому уровню иерархии правовых ценностей, лежит в основе ценностного содержания договорного дискурса, используемого в сфере оказания услуг. Данный принцип базируется на действующих в рамках определенных сфер деятельности правовых нормах, требует поддержания

состояния правопорядка и соблюдается во всех рассмотренных договорах: *«Во всем остальном, что не предусмотрено договором, Стороны руководствуются законодательством Республики Беларусь».*

К базовым правовым ценностям также принадлежат ответственность, права и обязанности, которые связаны с соблюдением законности и оказывают непосредственное влияние друг на друга.

Ответственность считается одним из специальных негативных правовых средств (в системе гарантий) обеспечения законности и проявляется в договорном дискурсе, с одной стороны, как обязанность действовать правомерно, не совершать правонарушения; или как обязанность подвергаться неблагоприятным последствиям, вытекающим из факта совершения правонарушения, с другой стороны. Ответственность сторон определяется в отдельном разделе договора: *«за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему договору...», «при нарушении сроков оплаты»* и т. д.

В договоре, который определяется в статье 390 ГК как соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей [ГК URL], обязательным является отражение принципа их единства. Данный принцип признается универсальным началом построения всех юридических норм и функционирования любых правовых отношений. Благодаря неразрывной связи и взаимозависимости, равной значимости и невозможности раздельного существования прав субъектов и их обязанностей, обеспечивается необходимая устойчивость социальных связей и гармоничное, эволюционное развитие личности и общества. В частности, единство двух ценностных концептов в следующем примере объективируется посредством указания на обязанность Заказчика *«представить Исполнителю необходимую и достоверную информацию, документы и сведения, запрашиваемые Исполнителем в целях оказания услуг по настоящему Договору»* и на право Исполнителя *«запрашивать у Заказчика сведения и (или) документы, необходимые для подготовки Исполнителем документов для оформления визы».*

Установлению аксиологического единства личности с социумом способствуют правовые ценности базового уровня, среди которых основной считается человек, и второго уровня, раскрывающие социальную сущность человека. Эти ценности иначе можно назвать этическими, поскольку они характеризуют отношения между личностью и социумом с точки зрения этических норм и морально-нравственных принципов.

В группу этических ценностей личностной направленности входит принцип добросовестности: *«Заказчик обязан: добросовестно и ответственно относиться к освоению содержания образовательных программ».*

Такой принцип, как охрана жизни и здоровья, коррелирующий с правами, регламентируемыми в статьях 24 и 45 Конституции Республики Беларусь (далее Конституция), доминирует среди этических ценностей. Кроме данного принципа, в строгом соответствии с личными правами и свободами, указанными в статьях 25, 31 и 33 основного закона страны, регулирующего все аспекты жизнедеятельности [Конституция URL], в договорном дискурсе декларируются достоинство, защита от насилия/оскорбления, свобода совести, мнений, убеждений и их свободное выражение: *«Заказчик вправе: ...на уважение человеческого достоинства, защиту от всех форм физического и психического насилия, оскорбления личности, охрану жизни и здоровья, свободу совести, свободное выражение собственных взглядов и убеждений».*

К социально ориентированным этическим ценностям, находящим выражение в договорном дискурсе, относятся такие общегуманитарные ценности, как вежливость и уважение: *«Заказчик обязан: ... обеспечить вежливое отношение с иными участниками занятий ... уважительно относиться к другим участникам образовательного процесса, не нарушая их законных прав».*

Все выделенные выше этические принципы рассматриваются в данной статье в качестве «ценностей-целей». Наряду с ними в договорном дискурсе находят отражение также «ценности-средства», которые иначе описываются как прагматические.

Применительно к анализу договоров возмездного оказания услуг, прагматические ценности связаны со всеми существенными условиями договора, по которым для его заключения в соответствии с пунктом 1 статьи 402 ГК должно быть достигнуто соглашение [ГК URL]. Среди единиц языка, отражающих прагматические ценности в договоре, преобладают те, которые используются для оценки его существенных условий, связанных как с обслуживанием, так и с личностями исполнителя услуг и их получателя. Эти ценностные характеристики связаны с правами человека, относящимися к третьему уровню иерархии правовых ценностей и гарантированными законом.

В частности, в статье 11 Закона о защите прав потребителей (далее Закон) регламентируются права потребителя на информацию об услугах и их исполнителях, свободный выбор услуг, их надлежащее качество, в том числе безопасность, а также возмещение в полном объеме убытков, вреда, причиненных вследствие недостатков услуг, включая компенсацию морального вреда [Закон URL]. В соотношении с данными правами актуализируются соответствующие ценностные характеристики договорного дискурса.

Безусловную значимость для потребителя услуг имеет информированность о них или их исполнителе. В сфере договорных отношений данное требование передается с помощью глаголов и их сочетаний *информировать, ознакомить, согласовать, обеспечить информирование/ознакомление, ставить в известность (Заказчика)* и т. п.; или через определение прав заказчика услуг, которые могут заключаться, например, в том, чтобы *«получать от Исполнителя сведения о результатах обучения Заказчика».*

В отношении предоставленной заказчиком услуг информации в договорном дискурсе оговаривается требование к ее достоверности как одному из важнейших этических принципов: *«Заказчик в полном объеме несет ответственность за: ... достоверность сведений, указанных Заказчиком при регистрации в качестве пользователя на портале <https://deal.by>».*

Ценностная семантика свободы выбора услуг в договорном дискурсе определяется сутью принципа свободы договора. Согласно статье 391 ГК понуждение граждан и юридических лиц «к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена законодательством или добровольно принятым обязательством» [ГК URL]. Данный принцип проецируется на выбор услуг и объективируется в договоре главным образом через описание прав их получателя, например, права «на отказ от медицинского вмешательства».

Среди ценностей, отражающих отношение к собственно процессу обслуживания и его результатам, в договорном дискурсе выступает качество (услуг). Наряду с данным ценностным принципом в договорах, одним из существенных условий которых считается срок оказания услуг, ключевую ценность составляет их своевременность: «Исполнитель обязан: оказывать услуги надлежащего качества в соответствии с установленными законодательством требованиями, своевременно и в полном объеме производить расчет за услуги».

Высокое качество оказываемых услуг имплицитно в договорном дискурсе путем ссылки на нормативные документы, в которых регламентируются требования к надлежащему качеству обслуживания: «Медицинские услуги оказываются в соответствии с отраслевыми стандартами в сфере здравоохранения, клиническими протоколами медицинской помощи, утвержденными в установленном порядке».

Особое внимание в договорном дискурсе уделяется безопасности, которая часто находит выражение в формулировке обязанностей Исполнителя: «соблюдать соответствующие инструкции, правила и другие нормативные правовые акты, устанавливающие требования к безопасным условиям оказания Услуг, безопасной эксплуатации машин, оборудования и других средств производства».

Такой ценностный принцип, как возмещение/компенсация (морального) вреда, нормативно закреплённый в Законе о защите прав потребителей, объективируется в договорном дискурсе посредством уточнения причин, по которым был причинен вред, и оговорки о принятии решения относительно компенсации морального вреда в процессуальном порядке и пр.: «Исполнитель обязан возместить убытки, вред, причиненные жизни, здоровью и (или) имуществу Потребителя вследствие некачественного оказания жилищно-коммунальной услуги либо оказания услуг по водоснабжению и (или) водоотведению (канализации) с недостатками Потребитель вправе требовать от Исполнителя компенсации морального вреда ...».

Для достижения соглашения о взаимных обязательствах при заключении договора придерживаются ценностных принципов, непосредственно отражающих взаимоотношения исполнителя услуг и их получателя. Среди них выделяется клиентоориентированность, экспликация которой может достигаться посредством специальных языковых средств, например, предположно-падежных сочетаний по личной просьбе, по желанию и т. п.: «Исполнитель имеет право: ... заменить лечащего врача по личной просьбе Пациента или по стечению обстоятельств (болезнь, отпуск или психологическая несовместимость)».

В соблюдении режима конфиденциальности заключается ценностный принцип, согласно которому не допускается «разглашать без согласия Пациента информацию о состоянии его здоровья, оказываемых ему медицинских услугах и другие конфиденциальные сведения о Пациенте».

Соблюдение режима конфиденциальности в договоре оказания медицинских услуг считается одним из его существенных условий, поскольку предусмотрено законодательством о врачебной тайне и защите информации.

Особое ценностное значение в договорном дискурсе приобретают языковые средства, выражающие профессионализм Исполнителя услуг: «Медицинские услуги предоставляются квалифицированным персоналом Исполнителя».

С профессионализмом исполнителя услуг связана эффективность деятельности по их оказанию: «Доступ к отчетам, статистической информации и иным результатам оказанных Исполнителем услуг возможен круглосуточно в режиме реального времени посредством доступа к аккаунту в социальной сети».

В готовности исполнителя услуг к использованию современных каналов коммуникации с потенциальными клиентами или новых, современных технологий проявляется инновационность оказываемых услуг, которая чаще вербализуется посредством лексем *инновационный, новый, современный* и т. п.: «Медицинские услуги предоставляются ... в том числе с применением современных методик».

Следует отметить, что выделенные прагматические ценности соответствуют основным принципам профессиональной деятельности, связанной со сферой услуг, и конкретизируют отношение исполнителя к услугам или заказчику, или отношение заказчика к исполнителю.

Под отношением к услугам подразумевается оценка действий, составляющих процесс обслуживания. Отношение к заказчику предусматривает оценку его реакции на оказанную исполнителем услугу, его результаты и отношения между субъектами договорных отношений. Оценка заказчиком исполнителя услуг основывается на результатах деятельности по их оказанию.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в системе ценностей дискурса договорного права могут быть выделены три типа: собственно правовые, этические и прагматические.

К собственно правовому типу относятся социально значимые ценности, которые нормативно закреплёны и выделены в качестве топиков отдельных разделов договора.

Этические ценности отражают весьма важные для субъектов договорной коммуникации моральные качества, хотя не находят широкого выражения в договорном дискурсе, как собственно правовые или прагматические.

В широкой экспликации в договорном дискурсе прагматических ценностей проявляется тенденция к механическому копированию западной ценностной системы, превращающей сервисную деятельность

в экономический вид деятельности, которая сводится к удовлетворению главным образом материальных потребностей.

Полагаем, что в контексте современной трансформации системы ценностей в сфере сервисной деятельности соблюдение лично и социально ориентированных этических принципов не менее важно, чем собственно правовых или прагматических. Перспективным в этой связи представляется более широкое отражение этических ценностей в договорном дискурсе в соотношении с правом, способствующим их защите, утверждению и претворению в жизнь.

Литература

- Бахтин М. М. К философии поступка / Философия и социология науки и техники: ежегодник. М., 1986.
- Гаджиев Г. А. Договор как общеправовая ценность (к вопросу о генезисе юридической эпистемологии) / Журнал российского права. - 2019. - № 1. - С. 5-18.
- Горобец К. В. Аксиосфера права: философский и юридический дискурс: моногр. Одесса, 2013.
- Гражданский кодекс Республики Беларусь, 7 дек. 1998 г. № 218-3 (с изм. и доп.). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>.
- Закон Республики Беларусь о защите прав потребителей, 9 янв. 2002 г. №90-3 (с изм. и доп.). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10200090>.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Карасик В. И. Лингвокультурные ценности в дискурсе / Иностранные языки в высшей школе. - 2015. - №1. - С. 25-35.
- Ковалевская И. И. Концептуализация дискурса договорного права и ее применение в переводе / Вестник МГЛУ. Сер 1. Филология. - 2023. - №1 (122). - С. 7-14.
- Конституция Республики Беларусь, 1994 (с изм. и доп.). URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus>.
- Маслова В. А. Концепты и ценности: содержание понятий, языковая репрезентация / Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63), 2011. - №2. Часть 1. - С. 383-387.
- Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб., 2014.
- Федулова М. Н. Система концептов в юридическом дискурсе / Вопросы психолингвистики. 2017. - №4 (34). - С. 107-113.
- Храмцова Н. Г. Концепты «закон» и «субъект права» в правовом дискурсе / Общество и право. - 2007. - №4 (18). - С. 27-32.
- Храмцова Н. Г. Правовой дискурс в теории права / Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. - 2009. - № 1. - С. 80-84.

References

- Bahtin, M. M. (1986). To the Philosophy of Action / Philosophy and Sociology of Science and Technology: Yearbook. Moscow (in Russian).
- Constitution of the Republic of Belarus dated 1994 (as amended and supplemented). Available from: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (in Russian).
- Gajiev, G. A. (2019). The Treaty as a Common Legal Value (on the issue of the genesis of legal epistemology). Journal of Russian Law, 1, 5-18 (in Russian).
- Gorobetz, K. V. (2013). Axiosfera of the Law: Philosophical and Legal Discourse: monograph. Odessa (in Russian).
- Karasik, V. I. (2002). Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd (in Russian).
- Karasik, V. I. (2015). Linguistic Cultural Values in Discourse. Foreign Languages in Higher Education, 1, 25-35 (in Russian).
- Khramtsova, N. G. (2007). Concepts "law" and "subject of the right" in Legal Discourse. Society and Law, 4(18), 27-32 (in Russian).
- Khramtsova, N. G. (2009). Legal Discourse in the Theory of Law. Business in Law. Journal of Economics and Law, 1, 80-84 (in Russian).
- Kovalevskaya, I. I. (2023). Conceptualization of Contract Law Discourse and Its Application in Translation. Minsk State Linguistic University Bulletin, 1 (122), 7-14 (in Russian).
- Maslova, V. A. (2011). Concepts and Values: Content of Concepts, Language Representation. Scientists' Notes of V.I. Vernadsky Taurida National University. Series «Philology. Social Communications», vol. 24 (63), 2, part 1, 383-387 (in Russian).
- Polakov, A. V. (2014). Communicative Legal Understanding: Selected Works. Saint Petersburg (in Russian).
- Fedoolova, M. N. (2017). System of Concepts in Legal Discourse. Journal of psycholinguistics, 4(34), 107-113 (in Russian).
- Civil Code of the Republic of Belarus dated 7 Dec.1998, N 218-3 (as amended and supplemented). Available from: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218/> (in Russian).
- Law of the Republic of Belarus on Consumer Protection dated 9 Jan. 2002, N90-3 (as amended and supplemented). Available from: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10200090/> (in Russian).

Citation:

Ковалевская И. И. Ценности дискурса договорного права и их типология // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 69-75.

Kovalevskaya I. I. (2025) Values of Contract Law Discourse and Their Types. Legal Linguistics, 35, 69-75.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Правовые ценности в официальном и неофициальном юридическом дискурсе России и Китая (на материале аксиологемы «историческая память»)

Н. В. Мельник¹, Е. В. Никифорова²

Кемеровский государственный университет

ул. Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. E-mail: ¹saikova@mail.ru, ²sldrrsl@gmail.com

Данная статья посвящена изучению специфики репрезентации правовых ценностей в российском и китайском официальном и неофициальном юридическом дискурсе на примере аксиологемы «историческая память». Цель исследования – определение общего и различного в представлении рассматриваемой аксиологемы в официальном и неофициальном правовом дискурсе России и Китайской Народной Республики. Материалом для изучения являются тексты Конституций России и Китая, а также ответы испытуемых, полученные во время проведения лингвистического эксперимента. Избранные тексты законодательных актов Российской Федерации и Китайской Народной Республики анализируются при помощи метода концептуального анализа; кроме того, используются методы дефиниционно-ассоциативного эксперимента и метод сопоставительного анализа. Выделяются два этапа исследования: вначале проводится анализ содержания аксиологемы «историческая память» в текстах конституций стран, далее же рассматриваются ответы, полученные в ходе свободного ассоциативного и дефиниционного эксперимента, на основе которых определяется специфика представления данной аксиологемы. Результаты данного исследования могут использоваться в сфере юридической лингвистики, лингвокультурологии и лингвоаксиологии, а также находить применение в лексикографической практике.

Ключевые слова: официальный юридический дискурс, неофициальный юридический дискурс, аксиологема, историческая память.

Legal Values in Official and Unofficial Legal Discourse of Russia and China (Case Study of the Axiologeme "Historical Memory")

N. V. Melnik¹, E. V. Nikiforova²

Kemerovo State University

6 Krasnaya Str., 650000, Kemerovo, Russia. E-mail: ¹saikova@mail.ru, ²sldrrsl@gmail.com

This article considers the specifics of the representation of legal values in Russian and Chinese official and unofficial legal discourse on the example of the axiologeme "historical memory". The purpose of the study is to determine the common and different in the representation of the axiologeme in question in the official and unofficial legal discourse of Russia and the People's Republic of China. The materials for the study are the texts of the Constitutions of Russia and China, as well as the answers of the test subjects received during the linguistic experiment. The selected texts of legislative acts of the Russian Federation and the People's Republic of China are analyzed using the method of conceptual analysis; in addition, methods of definitional-associative experiment and the method of comparative analysis are used. Two stages of the research are distinguished: first, the analysis of the content of the axiologeme "historical memory" in the texts of the constitutions of countries is carried out, then the answers obtained during the free associative and definitional experiment are considered, on the basis of which the specifics of the axiologeme representation is determined. The results of this study can be used in the field of legal linguistics, linguoculturology and linguoaxiology, as well as find application in lexicographic practice.

Key words: official legal discourse, informal legal discourse, axiologeme, historical memory.

Введение. Одной из актуальных проблем современной юридической лингвистики является вопрос интерпретации права, в том числе и соотношения официального, осуществляемого органами власти и носящего обязательный характер, и неофициального толкования, не являющегося обязательным и включающего в себя несколько подвидов, в том числе и обыденное толкование [Казанцева 2024: 14-15], юридических текстов и терминов. Важность изучения данного вопроса обуславливается вероятностью возникновения конфликта официальной и обыденной интерпретаций, поскольку в рамках правовой коммуникации законодательным органом предполагается лишь одно верное толкование, в то время как неофициальный субъект не имеет подобных ограничений и способен интерпретировать текст различными способами [Городишенина 2015: 153]. Что касается терминологии, исследователями подчеркивается значимость изучения способов толкования юридических терминов, дающего возможность «понять закономерности обыденного толкования и понимания текста и норм права» [Голев 2018: 29], так как именно данные закономерности определяют эффективность правовой коммуникации между государством и народом [Голев 2007: 93].

Одним из подходов к изучению особенностей официального толкования права является исследование языка права с точки зрения когнитивной лингвистики: правовой текст рассматривается как вид речевой деятельности, то есть как лингвокогнитивное явление, передающее информацию, закодированную языковыми средствами [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996: 166], а особое внимание обращается на анализ специфики функционирования терминов в данном тексте – их дефиниций и признаков, предлагаемых в юридическом тексте [Адельханян 2012: 38-39].

При изучении специфики обыденного толкования юридических терминов предлагается использование экспериментального метода исследования [Щербак 2023: 84]. М. Е. Воробьева отмечает: использование психолингвистических методик помогает выявить эксплицитные и имплицитные смысловые компоненты юридических терминов, функционирующих в ментальном пространстве общества [Воробьева 2013: 185]. Упоминаются преимущества проведения в одной и той же аудитории ассоциативного дефиниционного лингвистического эксперимента с использованием одинакового стимула: анализ результатов эксперимента позволяет «выходить на продукты предшествующего опыта индивида и образы сознания, связанные с одним и тем же словом» [Бутакова 2012: 57].

Множество исследований также посвящено изучению юридического дискурса с позиций ценностного (лингвоаксиологического) подхода, так как правовые ценности, долгое время привлекающие наибольшее внимание ученых [Ивин 2006: 3], задают основные принципы поведения в социальной среде и, таким образом, признаются важным регулятором общественных отношений [Исаков 2020: 23]. Анализ языкового материала в лингвоаксиологическом аспекте позволяет получить информацию о ценностях участников официального и неофициального юридического дискурса, находящих отражение в толковании права.

В настоящее время набирает популярность и лингвокультурологическое направление юрислингвистических исследований, поскольку культурные особенности и специфика правового дискурса государства находятся в тесной взаимосвязи: как замечает Е. А. Кожемякин, юридический дискурс представляет собой «регламентируемую определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующую и воспроизводящую деятельность, направленную на формулирование норм, правовое закрепление (легитимацию), регулирование и контроль общественных отношений» [Кожемякин 2011: 131]. Отмечается корреляция правовых ценностей и культуры: ценности данного типа являются органической частью культуры в целом [Майорова, Матанцев 2017: 117]. В данной работе лингвокультурные особенности дискурсов выявляются на примере содержания аксиологемы «историческая память» при помощи методов концептуального анализа конституций государств; также применяется вышеупомянутый метод свободного ассоциативного и дефиниционного эксперимента, поскольку проведение эксперимента «иллюстрирует культурные стереотипы народа; выявляет содержание концепта в мыслительном пространстве носителей языка; позволяет ранжировать признаки, образующие концепт» [Палеева 2010: 15]. Лингвистический эксперимент – способ получить информацию о специфичных для лингвокультурных общностей «образах сознания» и «умственных и чувственных познаниях» конкретного этноса [Уфимцева 2001: 66].

Таким образом, суть исследования сводится к выявлению специфики интерпретации норм права через анализ особенностей восприятия аксиологемы «историческая память» представителями официального и неофициального юридического дискурса в России и Китае.

Правовые ценности в официальном юридическом дискурсе. Вначале проанализируем текст Конституции России. Из преамбулы и статьи 67.1 следует: своими ценностями многонациональный народ России определяет исторически сложившееся государственное единство, а также память о предках, передавших нормы морали будущим поколениям (*«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, <...> сохраняя исторически сложившееся государственное единство, <...> чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, <...> принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»*). Конституцией также охраняется и историческая правда: запрещается обесценивание значимости подвига народа при защите страны и искажение исторических фактов (*«Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»*). Кроме того, компонентом исторической памяти, защищаемым правительством страны, являются и традиции: например, традиционные семейные ценности (*«Правительство Российской Федерации <...> обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области <...> сохранения традиционных семейных ценностей...»*), а также традиционный образ жизни малочисленных коренных народов России (*«В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся <...> защита исконной*

среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей»). Значимость традиций обнаруживается и при административно-территориальном делении государства: границы муниципалитетов устанавливаются исходя из исторических традиций («Территории муниципальных образований определяются с учетом исторических и иных местных традиций»). При этом ответственность за защиту исторического наследия несут не только власти государства, но и население страны («Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры»).

Рассмотрим текст Конституции Китайской Народной Республики. В преамбуле законодательного акта отмечается: традиции, созданные народом, и долгая история являются чертами, отличающими Китай от других стран мира («*中国是世界上历史最悠久的国家之一。中国各族人民共同创造了光辉灿烂的文化，具有光荣的革命传统*» – «*Китай – одно из государств мира с самой древней историей. Народы всех национальностей Китая вместе создали великодушную культуру, имеют славные революционные традиции*»). Детальное описание исторических событий, предопределивших курс развития государства, во вступительной части Конституции указывает на значимость данных событий для настоящего и будущего Китая («*一九四九年，以毛泽东主席为领袖的中国共产党领导中国各族人民 <...>，建立了中华人民共和国*», «*中华人民共和国成立以后，我国社会逐步实现了由新民主主义到社会主义的过渡*» – «*В 1949 г. под руководством Коммунистической партии Китая, возглавляемой Председателем Мао Цзэдуном, народы всех национальностей Китая, <...> создали Китайскую Народную Республику*»). Необходимость сохранения исторической памяти также демонстрируется при определении функций Конституции КНР: одной из главных задач данного документа называется фиксация результатов борьбы народа в виде закона («*本宪法以法律的形式确认了中国各族人民奋斗的成果，规定了国家的根本制度和根本任务，是国家的根本法，具有最高的法律效力*» – «*Настоящая Конституция в форме закона зафиксировала результаты борьбы народов Китая, определила основной строй и основные задачи государства*»). При обращении к статье 21 Конституции можно отметить, что традиции также являются защищаемым компонентом исторической памяти в Китае: так, государство занимается развитием традиционной местной медицины («*国家发展医疗卫生事业，发展现代医药和我国传统医药*» – «*Государство развивает здравоохранение, современную и традиционную отечественную медицину и фармакологию*»). Помимо того, в основном законе Китая обращается внимание на нахождение исторических памятников и других объектов культурного наследия под охраной государства («*国家保护名胜古迹、珍贵文物和其他重要历史文化遗产*» – «*Государство охраняет исторические достопримечательности, ценные памятники культуры и иное важное историческое и культурное наследие*»); отдельно описывается порядок защиты памятников истории в государственных автономиях: на данных территориях защиту наследия предоставляют органы местного самоуправления («*民族自治地方的自治机关自主地保护和整理民族的文化遗产*» – «*Органы самоуправления в районах национальной автономии охраняют <...> национальные памятники культуры*»).

Таким образом, наиболее важными признаками аксиологемы «историческая память», обнаруженными в Конституции России, являются защита исторически сложившегося государственного единства, традиций и объектов культурного наследия, а также сохранение памяти о предках и недопущение искажения исторической правды. При анализе Конституции КНР были выявлены следующие значимые признаки: как и в официальном правовом дискурсе России, подчеркивается необходимость защиты памятников истории; при этом отмечается своеобразие традиций и прошлого Китая, определяющих национальный дух народа.

Правовые ценности в неофициальном юридическом дискурсе. Для выявления специфики ценностных ориентаций в неофициальном юридическом дискурсе был избран метод ассоциативно-дефиниционного эксперимента, интерпретация результатов которого позволила сделать выводы о значимости аксиологемы «историческая память» для жителей России и Китая. Участникам эксперимента было предложено указать ассоциации, возникающие при прочтении словосочетания «историческая память», а также привести собственное определение данного понятия. При анкетировании было опрошено 150 российских и 150 китайских респондентов. При анализе полученного материала были выделены следующие группы реакций:

1) исторический опыт и память: реакции, связанные с воспоминаниями о прошлом и с передачей исторической памяти;

2) события из истории и их участники: ассоциации и дефиниции, включающие ссылки на конкретные исторические личности и события;

3) материальные и нематериальные объекты культурно-исторического наследия: результаты, содержащие упоминания объектов, являющихся носителями исторической памяти и имеющих культурную и историческую ценность;

4) чувства, связанные с восприятием исторического процесса: ответы, описывающие чувства людей, вызванные воспоминаниями о прошлом;

5) основа общественной жизни: результаты, представляющие историческую память как основу формирования общества и национальной идентичности народа.

Вначале проанализируем результаты, полученные в ходе опроса российских информантов. Представим группы, на которые были разделены ответы, и входящие в данные группы ассоциации:

1) исторический опыт и память: прошлое (7), память о прошлом (7), воспоминания (5), история (4), события, произошедшие раньше (3); история России (3), опыт (3), история государства (2), победы (2), подвиг (2), накопленные знания (2), сохранение важных событий (2), поколение (2), передача исторических событий (1), из поколения в поколение (1), хранить историю (1), общественный опыт (1), культурные события в стране в прошлом (1), прошлая жизнь страны (1), события (1), события из жизни народа (1), минувшие события (1), совокупность исторических событий (1), многовековые знания (1), старинные знания (1), память поколений (1), память о предках (1), народ,

забывший свое прошлое, не имеет будущего (1); помни о прошлом, живи настоящим, думай о будущем (1); помнить (1), нельзя забывать (1);

2) события из истории и их участники: Великая Отечественная война (10), война (8), 9 мая (5), герои (4), даты (3), День Победы (2), военные действия (2), предки (2), Вторая мировая война (1), исторические личности (1), Рюрик (1), важные даты (1);

3) материальные и нематериальные объекты культурно-исторического наследия: памятник (14), традиции (2), наследие (2), летопись (2), книги по истории (1), книги (1), конституция (1), документы (1), архитектура (1), монумент (1), вечный огонь (1), исторические места (1), древние объекты (1), древние артефакты (1), культура (1), наследие предков (1);

4) чувства, связанные с восприятием исторического процесса: патриотизм (6), гордость (5), героизм (2), честь (1), гордость за Родину (1), не допустить фатальную ошибку (1).

Таким образом, ядро ассоциативного поля аксиологемы «историческая память» составляют ассоциации, относящиеся к группам «исторический опыт и память» (63 реакции), «события из истории и их участники» (40 реакций). На периферии же находятся ассоциации, входящие в группы «материальные и нематериальные объекты культурно-исторического наследия» (32 реакции), «чувства, связанные с восприятием исторического процесса» (16 реакций). Отметим, что среди ответов российских информантов не было обнаружено реакций, относящихся к смысловой группе «основа общественной жизни».

Как нами отмечалось ранее, участникам эксперимента также предлагалось дать собственные определения понятия «историческая память». В полученных дефинициях выявлялись различные признаки данного понятия, обладающие различной степенью важности для народа. Представим группы определений:

1) исторический опыт и память («Набор знаний о прошлом»; «исторические события, пережитые обществом или человеком, которые формируют образы и представления о прошлом»; «памятные даты, которые задерживаются и остаются в каждом человеке»; «Система накопленных позитивных и негативных знаний человечества, без которой невозможно настоящее и будущее»; «Это достоверные данные об истории, из истории, которые должны знать все»; «Способность общества сохранять и передавать информацию о своей истории и культуре»);

2) основа общественной жизни («Общественная ценность. Культурное явление, заключающееся в прославлении какого-либо исторического события/лица/объекта, имеющего историческую значимость для общества»; «Это основа формирования нации или общества»; «Формирование национального самосознания, чувства патриотичности»; «система методов, которые осуществляют контроль за социальным знанием в настоящем времени о прошлом»);

3) материальные и нематериальные объекты культурно-исторического наследия («Источники, содержащие исторические события»; «Историко-культурное наследие страны, которое передается из поколения в поколение»).

Таким образом, в ядре дефиниционного поля аксиологемы «историческая память» находится группа «исторический опыт и память» (135 ответов). На периферии расположены признаки «основа общественной жизни» (11 ответов) и «материальные и нематериальные объекты культурно-исторического наследия» (4 ответа). При анализе дефиниций не было выявлено ответов, входящих в группы «чувства, связанные с восприятием исторического процесса» и «события из истории и их участники».

Так, в сознании представителей российской лингвокультуры аксиологема «историческая память» наиболее часто вызывает образы событий прошлого и их участников. С данными образами в сознании россиян связаны знания об исторических событиях.

Перейдем к анализу ответов китайских информантов. Полученные ассоциации также были разделены на группы:

1) события из истории и их участники: 我国 – Китай (7), 日本侵华 – вторжение Японии в Китай (3), 秦始皇 – Цинь Шихуан (3), 抗日战争 – антияпонская война (3), 南京大屠杀 – Нанкинская резня (3), 日本 – Япония (2), 历史人物 – историческая личность (2), 屈辱史 – история унижения (2), 战争 – война (2), 伟人 – великий человек (2), 第二次世界大战 – Вторая мировая война (2), 革命历史 – история революции (1), 勿忘国耻 – не забывать о позоре страны (1), 铭记国耻 – вспоминать позор страны (1), 中国被入侵 – Китай подвергся вторжению (1), 抗日 – антияпонские настроения (1), 革命 – революция (1), 革命斗争 – революционная борьба (1), 甲骨文 – Цзягувэнь (1), 嫦娥奔月 – Чанъэ летит на Луну (1), 华夏五千年 – пять тысяч лет Китая (1), 列强侵华 – державы вторглись в Китай (1), 荣耀和耻辱 – слава и позор (1), 历史英雄 – исторический герой (1), 王谢 – Ван Се (1), 天子 – Сын Неба (1), 明星 – известная личность (1), 曹操 – Цао Цао (1), 日本二战 – Япония во время Второй мировой войны (1), 中华 – китайский народ (1), 毛泽吨 – Мао Цзэдун (1), 反法西斯战争 – антифашистская война (1);

2) исторический опыт и память: 历史 – история (15), 历史事件 – исторические события (7), 过去 – прошлое (5), 古代文明 – древняя цивилизация (2), 中国近代史 – современная история Китая (2), 历史虚无主义 – исторический нигилизм (2), 不应该遗忘 – нельзя забывать (2), 文明成就 – достижения цивилизации (2), 民族历史 – национальная история (1), 古代历史 – древняя история (1), 中国历史 – китайская история (1), 历史悠久 – долгая история (1), 汉代 – династия Хань (1), 古代的朝代 – древние династии (1), 铭记 – помнить (1), 回忆 – воспоминание (1), 收集历史记忆 – собирать исторические воспоминания (1), 不忘 – не забывать (1), 不能遗忘 – не могу забыть (1), 历史变革 – исторические изменения (1), 文化演进 – культурная эволюция (1), 历史教育 – историческое образование (1), 祖先智慧 – мудрость предков (1), 历史教训 – уроки истории (1);

3) материальные и нематериальные объекты культурно-исторического наследия: 文化遗产 – культурное наследие (4), 文物保护 – защита культурных реликвий (4), 历史文物保护法 – закон об охране историко-культурных реликвий (3), 文化 – культура (3), 传统 – традиция (3), 历史传承 – историческое наследие (2), 世界文化 – мировая культура (1), 传统文化 – традиционная культура (1), 非遗 – нематериальное культурное наследие (1), 历史档案 – исторические архивы (1), 历史景点 – исторические достопримечательности (1), 中国著名的古迹遗址 – известные исторические достопримечательности Китая (1), 历史的尘埃 – «Пыль истории» (1), 古典诗 – классические стихотворения (1), 三国演义 – «Романтика трех королевств» (1), 历史文献 – исторический документ (1), 中国宪法 – Конституция Китая (1);

4) чувства, связанные с восприятием исторического процесса: 童年 – детство (3), 民族精神 – национальный дух (2), 我家 – моя семья (2), 痛苦 – страдание (1), 辉煌 – славный (1), 无与伦比 – непревзойденный (1), 艰难 – трудный (1), 国家气节 – дух страны (1), 唤醒民族气节 – пробудить национальный дух (1), 人民精神 – народный дух (1), 打造民族精神 – создавать национальный дух (1).

Результаты показывают, что ядро ассоциативного поля аксиологемы «историческая память» в сознании китайского народа составляют ассоциации, относящиеся к группам «исторический опыт и память» (53 реакции) и «события из истории и их участники» (52 реакции). На периферии же находятся ассоциации, входящие в смысловые группы «материальные и нематериальные объекты культурно-исторического наследия» (30 реакций) и «чувства, связанные с восприятием исторического процесса» (15 реакций). В свою очередь, не было выявлено реакций, связанных с группой «основа общественной жизни», – данное явление также наблюдалось при анализе результатов ассоциативного эксперимента, данных анкетированными из России.

Китайскими информантами также были предоставлены определения понятия «историческая память». Представим распределение дефиниций по выделенным группам:

1) исторический опыт и память (*五千年的荣耀和近百年的屈辱 – пять тысяч лет славы и почти сто лет унижения; 经验与教训 – опыт и извлеченные уроки; 无法忘记的屈辱往事 – унижительное прошлое, которое невозможно забыть; 人们对历史事件的记录和记忆 – записи и воспоминания людей об исторических событиях*);

2) материальные и нематериальные объекты культурно-исторического наследия (*精神文化遗产 – духовное культурное наследие; 我们对历史传统和文化的继承和传 – наше историческое и культурное наследие*);

3) чувства, связанные с восприятием исторического процесса (*对历史事实的解读、评价和情感态度 – интерпретация, оценка и эмоциональное отношение к историческим фактам; 让我想起来会给我动力的事 – то, что напоминает мне о вещах, которые дают мне мотивацию*);

4) основа общественной жизни (*社会生活基础 – основа социальной жизни, 是人类发展的过程 – это процесс человеческого развития; 承载着过去与未来的 – то, что включает в себе прошлое и будущее; 历史会让一个民族一个国家更有自信 · 会增强民族凝聚力 – то, что сделает нацию и страну более уверенными в себе и укрепит национальную сплоченность*).

Полученные результаты демонстрируют, что ядро дефиниционного поля аксиологемы составляет признак «исторический опыт и память» (94 ответа), а признаки «материальные и нематериальные объекты культурно-исторического наследия» (27 ответов), «чувства, связанные с восприятием исторического процесса» (17 ответов) и «основа общественной жизни» (12 ответов) находятся на периферии поля. Как следует из представленного анализа, при рассмотрении материала не было отмечено дефиниций, входящих в группу «события из истории и их участники».

Так, в сознании участников неофициального правового дискурса Китая преобладают образы, связанные с особыми событиями из истории Китая, их участниками и памяти о них.

Выводы. Подводя итоги анализа, скажем, что в официальном правовом дискурсе России аксиологема «историческая память» связывается с понятиями исторически сложившегося государственного единства, памяти о предках, защиты традиций и памятников, а также исторической правды, искажение которой запрещается на законодательном уровне. Как и в российском дискурсе, в Конституции Китая историческая память включает в себя защиту предметов культурного и исторического наследия, однако отличительной чертой является специфика китайских традиций и истории страны. Что касается неофициального правового дискурса, заметим: в сознании россиян рассматриваемая аксиологема чаще всего вызывает ассоциации с событиями из истории своей страны и их участниками, памятливыми датами и праздниками, а также актуализируется признак необходимости сохранения знаний об истории всеми представителями народа. Участники китайского неофициального правового дискурса, в свою очередь, связывают аксиологему «историческая память» с историческим опытом государства, участниками событий, а также личной интерпретацией, оценкой исторического процесса и воспоминаниями о собственной жизни. Таким образом, отмечается близость признаков аксиологемы «историческая память» в официальном и неофициальном юридическом дискурсе России, чего не было выявлено в ходе анализа дискурса Китая. Подобное явление обуславливается особенностями общественно-политической жизни государств: так, региональные различия во внутренней политике Китая выражены более ярко, чем в России, что создает препятствия для формирования единого определения исторической памяти. Помимо того, содержание понятия четко определено в законодательстве России, в то время как в законах Китая границы рассматриваемого термина размыты, что также объясняет наличие

множества вариантов трактовки понятия «историческая память» участниками непрофессионального юридического дискурса.

Интерес представляет и отсутствие некоторых типов реакций в разных видах эксперимента: так, российскими и китайскими информантами не было дано ассоциаций, входящих в группу «основа общественной жизни», – упомянутая группа ответов реализована лишь при анализе определений понятия. Что касается результатов дефиниционного эксперимента, среди ответов испытуемых из России и Китая не были обнаружены ответы, входящие в группу «события из истории и их участники», однако российскими информантами также не было дано определений, связанных со смысловой группой реакций «чувства, связанные с восприятием исторического процесса». Так, представители китайского народа связывают историю государства с личными чувствами и переживаниями чаще, чем россияне, что обуславливается культурными особенностями: основу китайского менталитета составляет память о предках и прошлом, что формирует эмоциональную связь человека с историческими событиями; в российском обществе же наблюдается более рационализированное восприятие истории и исторической памяти.

Литература

- Адельханян Г. Р. Лингвокогнитивный подход к изучению языка права как предмета правовой лингвистики (общие замечания) / Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2012. – № 3 (83). – С. 36-43.
- Бутакова Л. О. Слово человека: психолингвистическое моделирование значения как достояние индивида / Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – № 9. – Том 11. – С. 56-65.
- Воробьева М. Е. Юридическая терминология: системноцентрический и антропоцентрический подходы / СибСкрипт. – 2013. – № 2 (54). – С. 183-186.
- Голев Н. Д. Исследование обыденного метаязыкового сознания в современной российской лингвистике / Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2018. – № 2. – С. 27-32.
- Голев Н. Д. Лингвистические тупики юридической техники / Юрислингвистика. – 2007. – № 8. – С. 92-104.
- Городишенина Е. В. Научная юридическая терминология в официальном и неофициальном толкованиях права / СибСкрипт. – 2015. – № 1-4 (61). – С. 153-157.
- Ивин А. А. Аксиология. М., 2006.
- Исаков В. Б. Ценностный подход в юридическом дискурсе / Правовые ценности в фокусе сравнительного правоведения: сборник материалов IX Международного конгресса сравнительного правоведения (Москва, 2 декабря 2019 г.) – Москва. – 2020. – С. 20-29.
- Казанцева О. Л. О роли толкования норм права / Юрислингвистика. – 2024. – № 33 (44). – С. 13-17.
- Кожемякин Е. А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование / Юрислингвистика. – 2011. – № 11. – С. 131-145.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Майорова М. С., Матанцев Д. А. Понятие и значение правовых ценностей в культурном измерении / Манускрипт. – 2017. – № 8(82). – С. 115-117.
- Палева Е. В. Концептуальный анализ как метод лингвистических исследований / Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2010. – Вып. 2. – С. 15.
- Уфимцева Н. В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян / Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж. – 2001. – С. 65-71.
- Щербак Ю. Е. Обыденная интерпретация юридических высказываний (на материале лингвистического теста) / Юрислингвистика. – 2023. – № 28 (39). – С. 83-88.

References

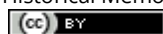
- Adelkhanyan, G. R. (2012). Linguocognitive approach to the study of the language of law as a subject of legal linguistics (general remarks). Bulletin of the Russian State University. The series "Economics. Management. The right", 3 (83), 36-43 (in Russian).
- Butakova, L. O. (2012). The Word of man: psycholinguistic modeling of meaning as an individual's property. Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology, 9, 56-65 (in Russian).
- Golev, N. D. (2007). Linguistic dead ends of legal technique. Legal Linguistics, 8, 92-104 (in Russian).
- Golev, N. D. (2018). The study of everyday metalanguage consciousness in modern Russian linguistics. Philological Sciences. Scientific reports of the higher school, 2, 27-32 (in Russian).
- Gorodishenina E. V. (2015). Scientific legal terminology in official and unofficial interpretations of law. SibScript, 1-4 (61), 153-157 (in Russian).
- Isakov, V. B. (2020). Value approach in legal discourse. Legal values in the focus of comparative Law: Proceedings of the IX International Congress of Comparative Law (Moscow, December 2, 2019). Moscow, 20-29 (in Russian).
- Ivin, A. A. (2006). Axiology. Moscow (in Russian).
- Kazantseva, O. L. (2024). On the Interpretation of Legal Norms. Legal Linguistics, 33, 13-17.

- Kozhemyakin, E. A. (2011). Legal discourse as a cultural phenomenon: structure and meaning formation. *Legal Linguistics*, 11, 131-145 (in Russian).
- Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). A concise dictionary of cognitive terms. Moscow (in Russian).
- Mayorova, M. S., Matantsev, D. A. (2017). The concept and meaning of legal values in the cultural dimension. Manuscript, 8(82), 115-117 (in Russian).
- Paleeva, E. V. (2010). Conceptual analysis as a method of linguistic research. *Theory of language and intercultural communication*, 2, 15 (in Russian).
- Shcherbak, Yu. E. (2023). Commonplace Interpretation of Legal Utterances (Case Study of a Linguistic Test). *Legal Linguistics*, 28, 83-88 (in Russian).
- Ufimtseva, N. V. (2001). Comparative study of the linguistic consciousness of the Slavs. *Methodological problems of cognitive linguistics*. Voronezh, 65-71 (in Russian).
- Vorobyova, M. E. (2013). Legal terminology: system-centric and anthropocentric approaches. *SibScript*, 2 (54), 183-186 (in Russian).
-

Citation:

Мельник Н. В., Никифорова Е. В. Правовые ценности в официальном и неофициальном юридическом дискурсе России и Китая (на материале аксиологемы «историческая память») // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 76-82.

Melnik N. V., Nikiforova E. V. (2025) Legal Values in Official and Unofficial Legal Discourse of Russia and China (Case Study of the Axiologeme "Historical Memory"). *Legal Linguistics*, 35, 76-82.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Рерайт научного текста как материал лингвоэкспертного анализа на тождество, сходство и различие

Я. А. Дударева

Кемеровский государственный университет

Ул. Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. E-mail: dudareva-yana@yandex.ru

Семантическое сравнение речевых произведений представляет собой трудоемкое лингвистическое исследование, выделенное экспертами Минюста России в новое направление судебно-экспертной деятельности – 29.1 «Исследование объектов интеллектуальной собственности». В настоящей статье рассмотрены сложности, с которыми сталкиваются лингвисты-эксперты, проводящие исследования по сопоставлению текстов. При сравнении протоколов допроса обнаружение тождества текстов оказывается настораживающим фактором, свидетельствующим о несамостоятельности автора-источника и существенной роли автора-оформителя. Установленное сходство между исследуемыми текстами и материалами экстремистской направленности позволяет рассматривать такие тексты как варианты материалов, уже ранее внесенных в список запрещенных, что приводит к сокращению сроков производства лингвистических экспертиз.

В работе лингвистов-экспертов с целью установления тождества-сходства-различий появляется новый исследовательский материал, представляющий собой рерайт научных публикаций. В настоящей статье рассматриваются методики, которые применяются экспертами в ходе анализа текста, созданного путем рерайтинга. Также представлено собственное лингвистическое исследование по сопоставлению научных текстов, в ходе которого описаны приемы, используемые для создания поверхностного рерайта научного текста. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что результатом поверхностного рерайтинга является не новый оригинальный текст, а вариант исходного текста, иными словами, копиальный текст, имеющий в формальном плане несущественные различия с текстом-источником и тождественное или существенное сходство с ним в плане содержания.

Ключевые слова: сходство и различие текстов, рерайт, научный текст, лингвистическая экспертиза.

Rewriting of Scientific Text as a Case Study for Linguistic Expert Analysis for Identity, Similarity and Difference

Ya. A. Dudareva

Kemerovo State University

6 Krasnaya St., 650000, Kemerovo, Russia. E-mail: dudareva-yana@yandex.ru

Semantic comparison of speech products is a labor-intensive linguistic study, separated by experts of the Ministry of Justice of Russia into a new area of forensic expertise - 29.1 "Examination of intellectual property objects". This article considers the difficulties faced by expert linguists conducting research on text comparison. When comparing interrogation protocols, the discovery of text identity serves as an alarming factor, indicating the lack of independence of the source author against the significant role of the content-editor. The established similarity between the studied texts and extremist materials allows us to consider such texts as versions of materials previously included in the list of prohibited ones, which helps to accelerate the deadlines of linguistic expertise.

The work of expert linguists on establishing identity-similarity-differences obtains a new research material represented by a rewrite of scientific publications. This article examines the methods used by experts in the course of analyzing a text created by rewriting. Our own linguistic study on the comparison of scientific texts is discussed as well with detailed description of the techniques used to create a surface rewrite of a scientific text. Based on the analysis conducted, it was concluded that the result of surface rewriting is not a new original text, but a version of the source text, or, in other words, a copy text that formally has insignificant differences with the source text and is either identical or significantly similar to it in terms of content.

Key words: similarities and differences of texts, rewriting, scientific text, linguistic expertise.

Тождество и сходство текстов как проблема лингвоэкспертологии

Семантическое сравнение речевых произведений является экспертной задачей, решение которой имеет особую значимость. Эксперты ФБУ РФЦСЭ при Минюсте включают названную задачу в число особенно актуальных на основании того, что у лингвистов расширяется круг дел, в рамках которых появляется необходимость производства сравнительных исследований текстов: «Данная задача актуальна при исследовании текстов на предмет плагиата, текстов официально-деловых документов <...>, текстов, фиксирующих устную речь в письменном виде и др.; для «...расследования дел, связанных с противодействием экстремизму и терроризму» [Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе 2018: 27]. Особая актуальность исследований, выполняемых в сравнительно-сопоставительном аспекте, привела к выделению нового направления судебно-экспертной деятельности Минюста России – «судебной экспертизе объектов интеллектуальной собственности» [Смирнова, Гулевская, Омелянюк 2018: 16].

Решение конкретных спорных дел находит свое обобщение и осмысление в научных публикациях, в которых эксперты представляют результаты проведенного сопоставления текстов. Так, Г. С. Иваненко систематизирован опыт исследования протоколов допросов и выявлен ряд проблем, в числе которых «тождество или высокий уровень сходства языковой структуры показаний свидетелей» [Иваненко 2021: 348]. Исследователь абсолютно справедливо отмечает, что, поскольку «1) языковая система на всех уровнях обладает богатыми синонимическими возможностями; 2) каждый человек обладает индивидуальным речевым опытом, речевыми предпочтениями; 3) выбор из ряда возможных вариантов одного конкретного обусловлен рядом факторов, объективных и субъективных» [Иваненко 2021: 348], граждане не могут в самостоятельно продуцированных текстах описать одну и ту же ситуацию тождественно.

Показания свидетелей одновременно являются и официальными документами, имеющими установленную форму, и персонотекстами, обладающими индивидуально-авторскими отличиями. Языковая унификация свидетельских показаний по форме и содержанию является показателем их составления, редактирования следователем или дознавателем. «Двойное авторство» [Абрамкина 2017: 159], т. е. наличие автора-оформителя показаний и автора-информанта, является, с одной стороны, жанровой особенностью протокола допроса. С другой стороны, активная роль автора-оформителя протокола, проявляющаяся в выстраивании тождественной структуры и тождественном языковом оформлении текста, может привести к искажению информации, которой обладает свидетель.

Лингвисты, отмечая тождество композиционного, синтаксического, лексического оформления протоколов допроса, обращают внимание на отсутствие единообразия в передаче ненормативной лексики в документах по делам об оскорблении. Лингвист-эксперт К. В. Шульгина рассматривает конфликтные коммуникативные ситуации, в которых ненормативная лексика оформляется в протоколах с помощью многоточия, звездочек, заменяется синонимами русского литературного языка. Как отмечает исследователь, разные варианты эвфемизации бранной лексики затрудняют работу эксперта, а комментарии следователя в виде синонимичной замены оказываются «недостаточно для идентификации замаскированного слова» [Шульгина 2020: 10].

Итак, тождество протоколов допроса обусловлено объективной необходимостью структурирования материала, единообразием его стилистического оформления в целях ведения дела, но в то же время чрезмерное стремление авторов-оформителей протоколов к тождественному языковому воплощению может привести к субъективному искажению информации, потере или излишнему дополнению значимых смыслов.

Проблему функционирования тождественных или сходных текстов на материале текстов экстремистской направленности активно исследует Н. С. Бельская. Лингвист, рассматривая сходные материалы экстремистской направленности, обращает внимание на трансформацию текстов, в результате чего в списке запрещенных материалов появляются «тексты-клоны» [Бельская 2014: 6], т. е. минимально дифференцированные варианты одного и того же текста. Исследователь предлагает использовать «аналитико-описательный метод, метод количественного подсчета и метод семантико-синтаксического анализа» [Бельская 2014: 7], прописывает алгоритм анализа сходных экстремистских материалов, а также основанную на фреймовом сопоставлении материалов «методику лингвистической экспертизы экстремистских материалов, произведенных посредством рерайтинга и автоматической генерации текстов» [Бельская 2015: 118].

Научные тексты традиционно являются материалом для проведения сравнительно-сопоставительных исследований. Внедрение в вузах системы «Антиплагиат» с целью автоматической проверки на текстовые заимствования вызвало поток рекомендаций, как поднять процент оригинальности материала. Одним из таких способов является рерайтинг. Понятие «рерайтинг» пришло в работу с научными текстами из медиасреды. В медиaprостранстве рерайтинг позиционируется как «написание статей путем глубокой переработки текстов других авторов. Причем данная переработка может быть разной глубины в зависимости от темы и пожеланий заказчика» [Костенко 2014: URL]. К рерайтингу близко понятие «копирайтинг», но между ними имеется существенное отличие: «...под копирайтингом подразумевают авторские статьи, а под рерайтом – переработанные». Сходство между рассматриваемыми понятиями в том, что «в результате работы рерайтера должен получиться абсолютно уникальный текст. <...> Качественный рерайт не будет ничем отличаться от копирайта, т. е. оригинальной статьи» [Костенко 2014: URL].

Итак, рерайтинг – это процесс переписывания текста, который отличается разной глубиной. При поверхностном рерайтинге происходит лишь формальное видоизменение текста (т. е. получается вариант исходного текста), а при глубоком, т. е. «авторском рерайтинге» [Маржецкий 2021: 58], создается новый текст, появляется оригинальный текст, имеющий некоторое сходство с исходным.

Уровневое описание рерайтинга представлено в научных публикациях, и оно сопровождается примерами, описанием технологий работы с текстом с учетом получаемого результата (на выходе – вариант текста или новый текст). В разнообразных web-материалах, которые функционируют в интернет-пространстве как инструкции по прохождению «Антиплагиата», увеличению процента оригинальности, не всегда устанавливается корректная связь между уровнем проведения рерайтинга и получаемым результатом. В качестве рекомендаций могут быть даны приемы поверхностного рерайтинга, которые якобы приводят к созданию текста с уникальностью 100%.

Рерайт имеет значимый юридический аспект. При возникновении коллизий суд учитывает особенности стиля и жанра, к которому относится спорный материал, а также глубину проведенного рерайтинга. Так, по материалам дела № А73-14263/2012, рассмотренного Арбитражным судом Хабаровского края, была проведена судебная лингвистическая экспертиза, в результате которой установлено, что спорные тексты, размещенные на нескольких сайтах, «не являются авторскими, творческими произведениями, а являются текстами новостной информации – заметками» [Решение Арбитражного суда Хабаровского края по делу № А73-14263/2012 2013: URL]. Суд отказал в иске, основываясь на том, что «в соответствии с пунктом 6 статьи 1259 ГК РФ не являются объектами авторских прав сообщения о событиях и фактах, имеющих исключительно информационный характер» [Решение Арбитражного суда Хабаровского края по делу № А73-14263/2012 2013: URL].

Перенос технологии рерайтинга в научную сферу может привести к нарушению авторских прав. Юристы серьезно относятся к увеличивающемуся масштабу «рерайтинговой деятельности, представляющей не что иное, как плагиаторскую деятельность» [Еремченко 2016: 264].

В лингвоэкспертологии предложены методики по выявлению рерайта научного текста. Так, Т. С. Садова изложила «методику выявления плагиата в научном тексте на основе логического анализа отдельного предложения, заключающего в себе предмет экспертного исследования» [Садова 2019: 184]. Особенностью случая, описанного экспертом, является то, что систему «Антиплагиат» действительно «удалось обойти». Система смогла заметить лишь совпадение термина, что для научной публикации не является существенным заимствованием. Именно на основе проведенного лингвистического исследования получилось описать процесс изменения анализируемого предложения с помощью пропозиционального анализа. Как оценивает сам эксперт, представленный анализ получился «громоздким по интерпретации», но при этом дал «ощутимые результаты и факты для квалификации некорректного заимствования» [Садова 2019: 192].

Т. И. Стековой описан опыт проведения лингвистической экспертизы по делу о плагиате, в ходе которой лингвист осуществил поиск нового пути решения проблемы, связанный с установлением лингвоперсонологических маркеров: «...была проведена сравнительная характеристика модусных элементов, которая показала, что набор модусных элементов, индивидуальный у всех авторов, в данных статьях совпадает» [Стекова 2005: 270].

Поверхностный рерайтинг научной публикации как способ создания варианта текста

В данной статье мы обратимся к случаю, рассмотренному в рамках дела № 2-292/2019 Серафимовичским районным судом Волгоградской области [Решение Серафимовичского районного суда Волгоградской области по делу № 2-292/2019: URL]. Студентки из филиала Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) опубликовали в соавторстве статью с названием «О проблеме применения термина «арбитраж» в российском законодательстве». В дальнейшем они обнаружили на сайте <https://elibrary.ru> помимо своей публикации в сборнике (обозначим данную публикацию текст №1) статью с тождественным наименованием и сходным текстом под авторством студенток из ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (обозначим данную публикацию текст №2). Текст №2, несмотря на тождественное наименование и существенное сходство по содержанию с текстом №1, прошел систему «Антиплагиат», и на данный момент на сайте электронной научной библиотеки размещены оба текста:

текст №1 «О проблеме применения термина «арбитраж» в российском законодательстве» находится в составе сборника по ссылке - <https://elibrary.ru/item.asp?id=30358237>;

текст №2 «О проблеме применения термина «арбитраж» в российском законодательстве» размещен как самостоятельная статья по ссылке - <https://elibrary.ru/item.asp?id=30619043>.

Текст №1 состоит из следующих компонентов:

- 1) УДК;
- 2) сведения об авторах;
- 3) наименование статьи;
- 4) аннотация;
- 5) ключевые слова;
- 6) текст, состоящий из 16 абзацев и содержащий ссылки на все источники из списка использованной литературы;
- 7) список использованной литературы (13 наименований). Ссылок на Текст №2 не имеется.

Текст №2 состоит из следующих компонентов:

- 1) УДК;
- 2) наименование статьи;
- 3) сведения об авторах;
- 4) аннотация;
- 5) ключевые слова;

- б) текст, состоящий из 18 абзацев и содержащий одну ссылку из списка литературы;
 7) список литературы (10 наименований). Ссылок на Текст №1 не имеется.

Сравнительное исследование текстов

1 компонент – УДК.

В тексте №1 обозначен УДК 341.6, что соответствует подкатегории «Международный арбитраж. Международное судопроизводство»

В тексте №2 УДК 340, что соответствует категории «Право в целом. Пропедевтика. Методы и вспомогательные правовые науки».

Номера указанных УДК соотносятся между собой как частное и общее. Текст №2 имеет УДК общего характера, фиксирует правовую направленность публикации, УДК текста №1 имеет частно специфическое указание.

2 компонент – сведения об авторах

В тексте №1 вторым компонентом является информация об авторах, включающая сведения о ФИО (в сокращенной форме), месте обучения, городе и электронной почте.

В тексте №2 сведения об авторах являются третьим структурным компонентом. В тексте №2 информация об авторах включает сведения о ФИО (в полной форме) и месте обучения.

Различия в данном компоненте обусловлены разными правилами оформления публикаций в изданиях.

3 компонент – наименование статьи

Текст №1 и Текст №2 имеют тождественное наименование – «О проблеме применения термина «арбитраж» в российском законодательстве».

4 компонент – аннотация

Текст №1 и Текст №2 имеют аннотации, состоящие из трех предложений.

Аннотация Текста №1:

В обществе существует путаница при разграничении *понятий* «арбитражный суд» и «арбитраж». Целью работы является разграничение двух, на вид одинаковых, понятий с помощью таких методов как анализ, обобщение и сравнение. Результатом работы стал вывод о том, что российскому законодательству необходимо привести свои нормы в соответствие с мировой практикой.

Аннотация Текста №2:

В современном обществе существует путаница при разграничении *таких терминов, как* «арбитражный суд» и «арбитраж». Целью данной работы является разграничение двух, на вид одинаковых понятий, с помощью таких методов, как анализ, обобщение и сравнение. Результатом работы стал вывод о том, что российскому законодательству необходимо привести свои нормы в соответствие с мировой практикой.

Отличия между аннотациями описаны в таблице:

Пункт	Текст №1	Текст №2	Квалификация изменения
1.	В обществе	В <i>современном</i> обществе	Добавлено прилагательное «современном» в построении словосочетания «в современном обществе». Добавление данного слова не является существенным в смысловом отношении.
2.	<i>понятий</i>	<i>таких терминов, как</i>	Синонимичная замена, не являющаяся существенной в смысловом отношении.
3.	Целью работы	Целью <i>данной</i> работы	Добавлено прилагательное «данной» в построении грамматической конструкции. Добавление прилагательного не является существенным в смысловом отношении.
4.	является разграничение двух, на вид одинаковых, понятий	разграничение двух, на вид одинаковых понятий,	Различное пунктуационное оформление предложения. В Тексте №1 запятыми показано обособление определения, передается смысл уточнения. В Тексте №2 в связи с постановкой запятой после существительного происходит нарушение пунктуационного правила, не оказывающее существенного влияния на смысл предложения.
5.	с помощью таких методов как анализ, обобщение и сравнение.	с помощью таких методов, как анализ, обобщение и сравнение	Различное пунктуационное оформление предложения. В Тексте №1 допущена пунктуационная ошибка. В Тексте №2 в соответствии с правилами русского языка поставлена запятая перед союзом «как». Постановка/отсутствие запятой существенного влияния на смысл предложения не имеет.

Итак, сравнение аннотаций позволило увидеть, что между ними имеется смысловое тождество. Обе аннотации состоят из одинакового количества предложений. Предложения №1 и №2 имеют формальные различия, связанные с добавлением слов, синонимичной заменой и пунктуационным оформлением текстов. Предложения №3 в текстах

аннотаций являются тождественными. Поскольку добавленные слова не являются существенно значимыми, синонимичная замена осуществлена близкими в смысловом отношении лексическими единицами, а разная постановка знаков препинания не оказывает существенного влияния на смысл заключенной в тексте информации, то можем считать, что сравниваемые аннотации имеют несущественные отличия в плане выражения, а в содержательном плане тождественны.

5 компонент – ключевые слова

Ключевые слова Текста №1: Арбитражный суд, арбитраж, хозяйственные суды.

Ключевые слова Текста №2: Арбитражный суд, арбитраж, хозяйственные суды, третейские суды, хозяйственный процессуальный кодекс, разрешение споров.

Ключевые слова Текста №2 включают в себя весь перечень ключевых слов Текста №1 и содержат дополнительные словосочетания, имеющиеся в содержании обоих сравниваемых текстах. Включение дополнительных словосочетаний в ключевые слова существенного различия между текстами не создает.

6 компонент – текст

Текст №1 и Текст №2 являются тождественным с точки зрения логики и последовательности раскрытия темы, предложения имеют сходное и тождественное синтаксическое оформление, одинаковую модальность, выбор лексических единиц также является тождественным.

Рассмотрим отличия между ними:

Пункт	Текст №1	Текст №2	Квалификация изменения
1.		Арбитры либо избираются самими спорящими, либо назначаются по взаимному согласию, или назначаются в порядке, который установлен законом. С другой стороны, арбитраж – это государственные органы, которые учреждены для разрешения хозяйственных споров между предприятиями, учреждениями, организациями, а также исков в связи с невыполнением договоров.	Добавлен смысловой фрагмент, раскрывающий одно из значений понятия «арбитраж». Далее в Тексте №2 эта информация повторяется и образует тождественный фрагмент с Текстом №1. Добавление анализируемого фрагмента существенным не является.
2.	<i>Это</i> определение считается общепризнанным и активно используется в зарубежных странах.	<i>Первое</i> определение является общепризнанным и активно используется в зарубежных странах.	Синонимичная замена. Смысл тождественный. Изменения несущественные.
3.	Например, в Швеции	<i>Так</i> , например, в Швеции	Добавление вводного слова «так». Смысл тождественный. Изменения несущественные.
4.	...арбитражных комиссий, осуществляющих разрешение договорных и других имущественных споров	...арбитражных комиссий, <i>которые осуществляют</i> разрешение договорных и других имущественных споров	Замена предложения с причастным оборотом на предложение с определительным придаточным. Смысл тождественный. Изменения несущественные.
5.	Третейские суды, существующие в РФ, можно назвать арбитражными в общемировом понимании.	Третейские суды, существующие в <i>Российской Федерации, как альтернативный вариант государственной юстиции</i> , можно назвать арбитражными в общемировом понимании	Расшифровка аббревиатуры; добавление смыслового фрагмента со значением «в качестве». Изменения несущественные.
6.	С точки зрения данного толкования «арбитража»	С точки зрения данного <i>определения</i> «арбитража»	Синонимичная замена. Формальные различия при смысловом тождестве.
7.	... в отношении государственных судов, рассматривающих хозяйственные споры	...в отношении государственных судов, <i>которые рассматривают</i> хозяйственные споры	Замена предложения с причастным оборотом на предложение с определительным придаточным. Смысл тождественный. Изменения несущественные.

8.	в правовой системе РФ	в правовой системе Российской Федерации	Расшифровка аббревиатуры. Смысл тождественный. Изменения несущественные.
9.	АС г. Москвы	Арбитражный суд г. Москвы	Расшифровка аббревиатуры. Смысл тождественный. Изменения несущественные.
10.	На формирование в России системы арбитражных судов	Формированию в России системы арбитражных судов	В Тексте №1 допущена грамматическая ошибка. В Тексте №2 грамматическая ошибка отсутствует. Смысл тождественный. Изменения несущественные.
11.	...в направлении, обеспечивающее укрепление в договорной и плановой дисциплины	...в направлении, обеспечивающем укрепление договорной и плановой дисциплины	В Тексте №1 допущена грамматическая ошибка. В Тексте №2 грамматическая ошибка отсутствует. Смысл тождественный. Изменения несущественные.
12.	В 1991 г.	В 1991 году	Расшифровка сокращения. Смысл тождественный. Изменения несущественные.
13.	В настоящее время Арбитражные суды входят в судебную систему РФ и разрешают споры в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности	В настоящее время Арбитражные суды являются федеральными судами и входят в судебную систему Российской Федерации, разрешают имущественные, коммерческие споры в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.	В Тексте №2 дана расшифровка аббревиатуры, добавлено однородное сказуемое; добавлены два определения. Смысл тождественный. Изменения несущественные.
14.	А.П. Белов еще в 2000 г.	Белов А.П. еще в 2000 году	Перестановка инициалов; расшифровка сокращенного слова. Смысл тождественный. Изменения несущественные.
15.	...или хозяйственные суды	или же хозяйственные суды	Добавление частицы. Смысл тождественный. Изменения несущественные.
16.	Такой термин закреплен в Хозяйственно-процессуальных кодексах Узбекистана [10], Республики Беларусь [11], Украины [12] и других.	Такой термин закреплен, например, в хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь, хозяйственном процессуальном кодексе Украины, хозяйственном процессуальном кодексе Узбекистана и в др.	В Тексте №1 используется обобщенное однократное наименование кодексов, в Тексте №2 наименования кодексов повторяются. В Тексте №2 изменен порядок перечисления однородных членов предложения. Устранена опечатка, добавлено вводное слово. Смысл тождественный. Изменения несущественные.
17.	...чтобы избежать путаницы	...для того, чтобы избежать путаницы...	Синонимия одиночного союза и составного. Смысл тождественный. Изменения несущественные.
18.	...для решения проблемы необходимо	...мы считаем, что для разрешения затронутой нами проблемы необходимо	Текст №2 дополнен предложением со значением выражения мнения, дополнен причастным оборотом. В Тексте №2 имеется синонимичная замена. Смысл тождественный. Изменения несущественные.
19.	...изменив название	...путем изменения названия	Деепричастный оборот из Текста №1 заменяется в Тексте №2 грамматической конструкцией с отглагольным существительным. Смысл тождественный. Изменения несущественные.
20.	Более того, некоторые процессуалисты	Более того, необходимо заметить, что некоторые процессуалисты	Текст №2 дополнен предложением со значением рассуждения. Смысл тождественный. Изменения несущественные.
21.	При реализации указанной идеи	На наш взгляд, при реализации указанной идеи	Текст №2 дополнен вводной конструкцией со значением мнения. Смысл тождественный.

Также в ходе сопоставления текстов были обнаружены изменения в абзацном членении и различия в пунктуационном оформлении. Обнаруженные изменения носят исключительно формальный характер, в связи с чем такие изменения квалифицируются как незначительные.

Таким образом, Тексты №1 и №2 являются тождественными в содержательном отношении. Имеющиеся различия, заключающиеся в дополнении, синонимической замене, расшифровке сокращенных слов и аббревиатур, трансформации предложений с причастным и деепричастным оборотами в грамматические конструкции с определительными придаточными и отглагольным существительным, являются формальными, а не содержательными (смысловыми). Текст №1 и Текст №2 имеют сходную форму и тождественное содержание. Поскольку именно Текст №2 содержит трансформации Текста №1, то именно Текст №2 является вторичным и представляет собой вариант Текста №1.

7 компонент – список использованной литературы

Список литературы Текста №2 содержит 10 наименований, и все 10 наименований входят в список литературы Текста №1. Использованные источники перечислены в одинаковом порядке. Различием между списками литературы является наличие в списке литературы Текста №1 хозяйственных-процессуальных кодексов Узбекистана, Беларуси и Украины.

Сравнение списков литературы демонстрирует, что в Тексте №2 имеют место формальные изменения Текста №1 в виде исключения 3 научных источников.

Итак, сравнительно-сопоставительное исследование научных публикаций показало наличие между ними тождества и существенного сходства. Из текста судебного решения [Решение Серафимовичского районного суда Волгоградской области по делу № 2-292/2019: URL] известно, что Текст №1 создан ранее Текста №2, и эта информация является экстралингвистическим фактором, показывающим направление связи между текстами: от текста №1 – к тексту №2. Лингвистически значимой является квалификация отношений между текстами: тексты связаны производными отношениями (т. е. Текст №2 произведен от Текста №1 и содержит новые компоненты научного творческого) или вариативными отношениями (т. е. Текст №2 является вариантом Текста №1 без творческой составляющей).

Имеющиеся между текстами различия являются различиями в форме, но не в содержании. Добавление ряда фрагментов, их замены и трансформации, удаление ряда компонентов демонстрируют цель авторов Текста №2 изменить текст-источник (Текст №1), но используемые приемы не связаны с изменением содержания текста, в связи с чем полученный Текст №2 представляет собой не производный оригинальный новый текст, а вариант Текста №1.

В создании Текста №2 были использованы приемы поверхностного рерайтинга, которые допустимы в работе с информационными материалами. С целью создания научного текста поверхностный рерайтинг является недопустимым, поскольку его использование не приводит к созданию оригинального произведения как продукта научного творчества.

Заключение

В настоящей публикации рассмотрена проблема судебной лингвоэкспертологии, связанная с проведением сравнительно-сопоставительных исследований текстов. Категории тождество-сходство-различие являются весьма сложными с точки зрения критериев их лингвоэкспертного разграничения. Поскольку лингвисты работают с материалами, представляющими собой двусторонние языковые знаки, то перечисленные категории образуют сложную комбинацию, в результате чего различие в плане выражения языкового знака может сочетаться с тождеством или существенным сходством в плане содержания. Именно такое соотношение между означаемым и означающим приводит к созданию особого типа текстов – копиальных, т. е. текстов, имеющих несущественные отличия в плане выражения и обладающих тождественным и существенно сходным планом содержания.

Литература

- Абрамкина Е. Е.* Автороведческая экспертиза протокола допроса: основные особенности и методика анализа / Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2017. – №415. – С. 158–162.
- Бельская Н. С.* Применение аналитико-описательных методов в решении сравнительных задач судебного лингвистического исследования речевых произведений / Вестник Томского государственного университета. – Томск. – 2014. – №381. – С. 5–10.
- Бельская Н. С.* К разработке методики лингвистической экспертизы экстремистских материалов, произведенных посредством рерайтинга и автоматической генерации текстов / Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград, 2015. – №7 (102). – С. 118–123.
- Еремченко В. И.* Нарушение авторских и смежных прав посредством рерайтинговой деятельности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: современное состояние и перспективы доказывания / Общество и право. – Краснодар, 2016. – №2 (56). – С. 263–265.

- Иваненко Г. С. Протоколы допросов и показаний как объект лингвистического исследования / Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах. Международная научно-практическая конференция. – СПб., 2021. – С. 346–357.
- Костенко Е. В. Копирайтинг и рерайтинг в сетевых СМИ – новые виды журналистики? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kopirayting-i-rerayting-v-setevyih-smi-novye-vidy-zhurnalistiki/viewer>
- Маржецкий С. Е. Авторский рерайтинг как технология создания публицистического текста / Челябинский гуманитарий. – Челябинск, 2021. – №1 (54). – С. 55–62.
- Решение Арбитражного суда Хабаровского края по делу № А73-14263/2012 от 19.04.2013 г. URL: <https://ras.arbitr.ru>
- Решение Серафимовичского районного суда Волгоградской области по делу № 2-292/2019 от 09.07.2019 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uXXM7uhRUj8>.
- Садова Т. С. Текстовые заимствования (плагиат) как предмет лингвистической экспертизы / Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – Санкт-Петербург, 2019. – Том 1. – №15. – С. 184–194.
- Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: методическое пособие / А. М. Плотникова, В. О. Кузнецов, И. И. Саженин [и др.]; под ред. С. А. Смирновой. – М., 2018. – 136 с.
- Смирнова С. А., Гулевская В. В., Омелянюк Г. Г. Судебная экспертиза объектов интеллектуальной собственности – новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России / Теория и практика судебной экспертизы. – 2018. – Том 13. – № 2. – С. 16–26.
- Стеклова Т. И. Дело о плагиате: опыт лингвистической экспертизы / Юрислингвистика. – Барнаул, 2005. – №6. – С. 269–272.
- Шульгина К. В. Способы и проблемы фиксации ненормативной лексики в протоколе допроса / Юрислингвистика. – Барнаул, 2020. – №17 (28). – С. 8–11.

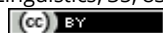
References

- Abramkina, E. E. (2017). Authorship examination of the interrogation protocol: main features and methods of analysis. Bulletin of Tomsk State University, 415, 158-162. DOI: 10.17223/15617793/415/22 (in Russian).
- Belskaya, N. S. (2014). Application of analytical and descriptive methods in solving comparative problems of forensic linguistic research of speech works. Bulletin of Tomsk State University, 381, 5-10 (in Russian).
- Belskaya, N. S. (2015). On the development of a methodology for linguistic examination of extremist materials produced by rewriting and automatic text generation. Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University, 7 (102), 118-123 (in Russian). Decision of the Arbitration Court of Khabarovsk Krai in case No. A73-14263 / 2012 of 04/19/2013. Available from: <https://ras.arbitr.ru> (in Russian).
- Decision of the Serafimovichsky District Court of the Volgograd Region in case No. 2-292 / 2019 of 07/09/2019. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/uXXM7uhRUj8> (in Russian).
- Eremchenko, V. I. (2016). Violation of Copyright and Related Rights through Rewriting Activities in the Information and Telecommunication Network Internet: Current Status and Proof Prospects. Society and Law, 2 (56), 263-265 (in Russian).
- Ivanenko, G. S. (2021). Interrogation and Testimony Protocols as an Object of Linguistic Research. Issues of the Russian Language in Legal Affairs and Procedures. International Scientific and Practical Conference, 346-357 (in Russian).
- Kostenko, E. V. (2014). Copywriting and Rewriting in Online Media - New Types of Journalism? Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kopirayting-i-rerayting-v-setevyih-smi-novye-vidy-zhurnalistiki/viewer> (in Russian).
- Marzhetsky, S. E. (2021). Author's rewriting as a technology for creating a journalistic text. Chelyabinsk humanitarian, 1 (54), 55-62. DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10107 (in Russian).
- Sadovaya, T. S. (2019). Text borrowings (plagiarism) as a subject of linguistic examination. Acta linguistica petropolitana. Transactions of the Institute of Linguistic Research, 1, 15, 184-194. DOI 10.30842/alp2306573715109 (in Russian).
- Semantic Research in Forensic Linguistic Examination: A Methodological Guide (2018). Edited by S. A. Smirnova. Moscow (in Russian).
- Shulgina, K. V. (2020). Methods and Problems of Recording Obscene Language in the Interrogation Protocol. Jurislinguistics, 17 (28), 8-11. DOI: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2020\)17_02](https://doi.org/10.14258/leglin(2020)17_02) (in Russian).
- Smirnova S.A., Gulevskaya V.V., Omelyanuk G.G. (2018). Forensic examination of intellectual property objects – a new direction of forensic activity of the Ministry of Justice of Russia. Theory and practice of forensic examination, 13, 2, 16-26. DOI:10.30764/1819-2785-2018-13-2-16-26 (in Russian).
- Steklova, T. I. (2005). Plagiarism Case: Experience of Linguistic Examination. Jurislinguistics., 6, 269-272 (in Russian).

Citation:

Дударева Я. А. Рерайт научного текста как материал лингвоэкспертного анализа на тождество, сходство и различие // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 83-90.

Dudareva Ya. A. (2025) Rewriting of Scientific Text as a Case Study for Linguistic Expert Analysis for Identity, Similarity and Difference. Legal Linguistics, 35, 83-90.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Вероятный вывод судебной лингвистической экспертизы и его оценка правоприменителем

Н. П. Папоян

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
пр. Ленина, 76, 454080, Челябинск, Россия. E-mail: natalia@papoyan.net*

Статья посвящена исследованию возможности использования вероятных выводов судебной лингвистической экспертизы в процессе доказывания. Проблема допустимости заключения эксперта с вероятным выводом является актуальной и имеет два возможных решения, ни одно из которых не закреплено в законодательстве. Автором проводится сравнительный анализ терминов «вероятный» и «вероятностный» вывод эксперта. Предлагается использовать термин «вероятностный вывод» для экспертиз естественно-научной направленности, а именно в тех случаях, когда возможна количественная оценка вероятности того или иного события. Термин «вероятный вывод» целесообразно использовать в судебных экспертизах гуманитарного профиля. Указывается, что вероятный вывод эксперта должен быть обоснован в исследовательской части заключения. Проанализированы основания, по которым эксперт-лингвист дает вероятный вывод. Оценивая заключения судебной лингвистической экспертизы с вероятным выводом, правоприменитель не должен автоматически считать данное доказательство недопустимым. Необходимо изучить исследовательскую часть заключения эксперта, выявить причины невозможности дать ответ в категорической форме, а также сопоставить вывод эксперта с другими доказательствами по делу.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, вероятный вывод, оценка заключения эксперта, уголовный процесс.

Forensic Linguistic Expertise: Evaluation of Probable Conclusion

N. P. Papoyan

*South Ural State University
76 Lenin Av., 454080, Chelyabinsk, Russia. E-mail: natalia@papoyan.net*

The article concentrates on the possibility of using probable conclusions of forensic linguistic expertise in the process of proving. The problem of the admissibility of the expert's report with a probable conclusion is of topical character and has two possible solutions, neither of which is established in the legislation. The author makes a comparative analysis of the terms "probable" and "probabilistic" expert conclusion. It is suggested that the term 'probabilistic conclusion' should be used for expert testimony in regards to natural science and technology, i.e. in cases where a quantitative assessment of the probability of this or that event is possible. The term "probable conclusion" is appropriate for forensic studies in regards to humanities. It is indicated that the expert's probable conclusion should be substantiated in the research part of the expert report. The grounds on which the linguistic expert reaches a probable conclusion are analyzed. When assessing a forensic linguistic expert report with a probable conclusion, the law enforcement agency should not automatically consider this evidence inadmissible. The reasoning part of the expert's report should be examined, the grounds for the impossibility of giving a categorical answer should be identified, and the expert's conclusion should be compared with other evidences in the case.

Key words: forensic linguistic examination, probable conclusion, evaluation of expert opinion, criminal procedure.

Практически ни одно расследование уголовного дела не обходится без использования специальных знаний в форме судебной экспертизы. Существует также фактическая презумпция истинности заключения эксперта, поскольку заключению эксперта изначально доверяют больше, чем иным видам доказательств, что подтверждается опросом судей (1184 чел.), проведенном в 2014 году [Никитина, Ходжаева, Серебренников 2024: 6]. Впрочем, в вопросах использования заключения эксперта в процессе доказывания остаются определенные сложности. Одной из них является вопрос оценки и использования заключения эксперта с вероятными выводами. Также следует учитывать

общую тенденцию правоприменительной системы, которая отражена в указанном выше отчете: «доверие к разным видам экспертизы может различаться. Например, в последнее время имеются проблемы, связанные с противоречиями в экспертизах по делам экстремистской направленности и по религиозными вопросам. В адрес некоторых экспертов, выполняющих экспертизу, было высказано много критики и исследователями, и их коллегами экспертами. Лингвистическая и религиоведческая экспертизы представляются обывателям полными субъективных представлений экспертов» [Никитина, Ходжаева, Серебренников 2024: 6].

На практике вероятные заключения экспертов-лингвистов довольно редки, тем не менее в условиях, когда судебная лингвистическая экспертиза назначена с целью установления наличия либо отсутствия каких-либо речевых правонарушений, и, как следствие, играет решающую роль в доказывании по делу, проблема оценки вероятного заключения требует своего практического разрешения.

Нормативно-правовые акты не дают определения термину «вывод эксперта». В традиционном понимании вывод эксперта – это краткий, точно сформулированный, не допускающий неоднозначного толкования ответ эксперта на поставленный вопрос [Россинская, Зинин, Милосердова 2023: 177]. Отсутствует законодательное закрепление классификации выводов. В уголовном процессе выводы эксперта, сделанные по результатам проведенного исследования, могут быть вероятными, категорическими, или в выводах указывается, что провести исследование и ответить на поставленные вопросы не представилось возможным.

Вопросы, которые не урегулированы законодательно или урегулированы в недостаточной степени, вызывают наиболее ожесточенные научные дискуссии. Многолетний спор о допустимости и недопустимости вероятного заключения эксперта как судебного доказательства может быть разрешен только с помощью регулирования на уровне процессуального закона. Так, с одной стороны, ученые-процессуалисты вслед за постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 года № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» считают, что заключение эксперта с вероятными выводами не может лежать в основе приговора суда. С другой стороны, в ныне действующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» данное положение отсутствует. В современной отечественной судебной практике заключения экспертов с вероятными выводами используются в процессе доказывания. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 15 мая 2012 года № 70-О12-5сп указано: «То обстоятельство, что выводы экспертов носят вероятностный характер, само по себе не свидетельствует о том, что их заключения являются недопустимыми доказательствами».

К тому же анализ зарубежной судебно-следственной практики показывает, что в других странах в заключении эксперта допустимы только вероятностные выводы и недопустимы категорические; что экспертное исследование в большинстве случаев не позволяет прийти к абсолютному выводу [Лубин 2019: 139]. Того же мнения придерживается И. В. Овсянников: «Положительные идентификационные выводы по своей логической природе являются сугубо вероятными» [Овсянников 2001: 187]. Согласимся с позицией Конституционного суда, изложенной в Определении Конституционного суда от 21 октября 2008 года № 566-О-О, о том, что «требование о недопустимости основывать обвинительный приговор на предположениях, не тождественно запрету на использование в процессе доказывания отдельных доказательств, имеющих вероятностный характер».

Считаем важным рассмотреть соотношение понятий «вероятный», «вероятностный» и «достоверный». Вероятность – численная характеристика возможности появления некоторого определенного события в цепи событий, могущих повторяться неограниченное число раз [Мантуров, Солнцев, Сорокин, Федин 1965: 48]. «Вероятность равна отношению числа случаев, «благоприятствующих» данному событию, к общему числу «равновозможных» случаев» [Виноградов 1977: 655]. Во многих видах экспертиз преобладают методы анализа количественно-качественных показателей. К тому же в современной судебной экспертологии активно рассматриваются варианты оценки признаков с помощью метода Байесовских сетей и модели аргументации Тулмина [Нефедов 2015, 2017].

Статья 8 ФЗ-73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» указывает, что «заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных». Достоверность, в свою очередь, – это априорное убеждение в осуществимости некоторого явления, исключающее всякое сомнение. Достоверность характеризует реализуемость некоторого события, отмечая его наивысшим значением вероятности [Виноградов 1977: 1012]. Согласимся, что данный вариант определения количественных показателей достоверности вывода доступен для многих родов экспертиз естественно-научной направленности. В таком случае формулировка вывода эксперта по схеме «Имело место событие X с вероятностью Y%» представляется наиболее объективным вариантом. Если взять экспертную практику, то, например, в технической экспертизе документов при установлении последовательности нанесения реквизитов документов по пересекающимся штрихам вероятный вывод дается более чем в 50% [Шведова, Баринава 2013: 8]. Использование численного показателя достоверности способствовало бы более эффективному использованию заключения эксперта в процессе доказывания.

В различных методиках производства судебных экспертиз в выводах эксперта рекомендуется использовать лексику «вероятно», но следует отметить отсутствие единообразия формулировок вывода эксперта, единообразия классификации выводов: предположительный (вероятный) положительный и отрицательный в судебной баллистической экспертизе; вероятный (предположительный) вывод о тождестве в судебной дактилоскопической экспертизе; вероятный положительный и вероятный отрицательный, альтернативный в судебной технико-криминалистической экспертизе документов [Дильдин 2010].

При переходе на использование количественной оценки достоверности, пожалуй, следует вывод называть «вероятностным» – основанным на вероятности возникновения того или иного события, в отличие от вывода

«вероятного» – возможного, не имеющего в своем обосновании численных показателей.

Целесообразность данного предложения можно наглядно продемонстрировать на следующем примере. Для сравнения приведем две формулировки: «данные повреждения могли быть следствием использования хирургом электрокоагулятора» и «имеющиеся повреждения характерны для ожогов электрокоагулятором, наиболее вероятно, что появление ожогов было связано с погрешностью в хирургической технике (с вероятностью более 70% при проведении экспериментального подтверждения опытным путем на культуре мышечной ткани *in vitro*)». Первая (вероятная) формулировка менее убедительна, чем вторая (вероятностная) [Заключение эксперта... URL].

Вероятный вывод целесообразно использовать в гуманитарных видах экспертиз, где большее значение приобретает стандартизация вербальных формулировок выводов эксперта. Тем более что на практике судьи и следователи в основном работают с вербальной информацией, для них предпочтительны словесные выводы эксперта.

Необходимость формулирования вывода в вероятной форме обусловлена несколькими причинами. Во-первых, основанием такого вывода может стать невозможность достижения полного знания по объективным причинам, которая заключается в наличии недостаточного объема признаков объекта исследования (например, крайне малая длительность аудиозаписи в фоноскопической экспертизе), недостаточный объем образцов для сравнительного исследования (например, неполно отобраны экспериментальные образцы почерка для почерковедческой экспертизы). Во-вторых, вероятный вывод представляет собой обоснованное предположение, гипотезу эксперта об устанавливаемом факте и обычно отражает неполную внутреннюю психологическую убежденность в достоверности аргументов. Формирование внутреннего убеждения эксперта – сложный познавательный и психологический процесс. Как следует из результатов интервьюирования судебных экспертов, которые давали заключения с вероятными выводами, на формирование внутреннего убеждения повлияла информация из представленных дополнительных материалов уголовного дела [Лазарева 2021: 156].

Важность указанного аспекта в производстве судебной лингвистической экспертизы имеет глобальный социальный и даже политический контекст. Судебные эксперты, участвующие в рассмотрении дел, связанных с религиозными меньшинствами, несут ответственность за поддержание целостности системы. Они должны высказывать объективные и непредвзятые суждения, даже если они могут противоречить общественным взглядам, в том числе и судебным органам. В то же время эксперты могут разделять популярные взгляды и сотрудничать с политически влиятельными группами, что может поставить под сомнение их способность обеспечивать справедливое правосудие для религиозных меньшинств [Shterin Dubrovsky 2019]. Судебный эксперт в любом деле должен быть беспристрастным, но это не отменяет влияние человеческого фактора. Тогда именно дача вывода в вероятной форме может стать компромиссом между психологической установкой, мировоззрением самого эксперта и фактическими обстоятельствами. Еще раз повторим, что такая ситуация недопустима в уголовном судопроизводстве, но, к сожалению, возможна.

На формирование внутреннего убеждения эксперта влияет степень компетентности эксперта. Л. В. Лазарева и С. В. Покровский, анализируя судебную статистику, отмечают, что «не единичны случаи, когда сформулированный неопытным экспертом вероятный вывод в его первом в практике заключении опровергается выводами повторной экспертизы, порученной опытному эксперту, результаты которой заканчиваются формированием категорических суждений о фактах. Еще печальнее, когда выводы повторных экспертиз в конечном итоге подтверждаются совокупностью других доказательств, собранных по уголовному делу» [Лазарева, Покровский 2021: 156]. Внутреннее убеждение эксперта в необходимости дать ответ в вероятной форме базируется на двух вышеупомянутых факторах. Однако эксперт может прийти к вероятному выводу и в том случае, если он полностью уверен в невозможности достижения категорического вывода при текущем положении вещей, учитывая достижения теории, методики и эмпирических данных.

Третьей причиной дачи вероятного экспертного вывода ученые считают недостаточность методического обеспечения конкретного вида экспертизы, когда принятая научная теория (и базирующаяся на ней методика) не способна описывать какие-то конкретные факты. Такое часто случается при необходимости исследования нового объекта судебной экспертизы, например, методика производства судебной лингвистической экспертизы 2010 года [Дильдин 2010] не содержит указаний о том, как исследовать текстовые объекты поликодовой природы.

Если эксперт формулирует вывод в вероятной форме, то он должен его обосновать в исследовательской части заключения. Несмотря на кажущуюся предположительность и гипотетичность, в основу любого вывода ложатся только достоверно установленные данные.

Рассмотрим, каким образом строится обоснование вероятного вывода в судебной лингвистической экспертизе. Целесообразно структурировать данную информацию в соответствии с задачами лингвистической экспертизы: исследование денотативного, иллокутивного, оценочного, экстралингвистического компонентов текста.

При исследовании денотативного компонента, а именно при выявлении значения (смысла) единиц различных уровней, на заключительной стадии осуществляется оценка результатов исследования и принятие решения. Если в результате проведенного исследования установлено, что объект понимается неоднозначно, то эксперт должен сделать вывод об этом и привести в формулировке вывода все возможные значения, реализуемые объектом. Эксперт в этом случае также может дать вероятный вывод при установлении экспертом наиболее вероятной реализации того или иного значения [Плотникова, Кузнецов, Саженин 2018: 105]. Может быть сделан вывод «о вероятном наличии в тексте интересующего следствие или суд предмета речи, например, в следующей формулировке «в данном тексте, вероятно, идет речь о купле-продаже наркотических средств»; «в данном тексте речь идет о купле-продаже, вероятно, наркотических средств».

При исследовании иллокутивного компонента текста вывод в вероятной форме дается в случае, например, нейтрализации речевого акта угрозы с помощью речевых произведений, которые соотносятся с безличной конструкцией «С вами может случиться что угодно». Очевидно, что данное содержание соотносимо как с угрозой, так и с предостережением. К тому же лингвистические факты иллокутивного порядка могут иметь лишь вероятностное значение для доказательства наличия/отсутствия умысла и его характера [Ярошук, Жукова, Долженко 2020: 15]. Вероятным может быть и вывод о наличии в тексте высказываний побудительного характера. Например, «речевая интенция высказывания «Мне тоже страшно, но я не могу не идти» может быть интерпретирована как выражение намерения, стремления автора участвовать в митинге и выразить свою политическую позицию. Императив «И вы не молчите» семантически коррелирует как с предшествующими высказываниями (свободу наваленому; свободу политзаключенным), так и с остальными высказываниями и поэтому может резюмировать макропропозицию всего текста (участие в митинге в поддержку А. Навального)» [Распопова 2022: 250]. Действительно, в указанном примере усматривается множественность интерпретации семантики призыва.

Исследование оценочного компонента текста обычно востребовано при выявлении речевого акта оскорбления. При решении данной задачи эксперт может столкнуться со следующей сложной экспертной ситуацией: исследуемому нецензурному слову необходима верная грамматическая квалификация. Неоднозначность сказанного возникает в случаях, когда говорящий прибегает к неконвенциональным приемам выражения смысла (окказионализмы, языковая игра, жаргонные слова и выражения, агнонимы). В этом случае эксперт пытается установить значение сказанного с опорой на коммуникативную ситуацию и контекст, что иногда позволяет сделать только вероятный вывод [Изотова, Кузнецов, Плотникова 2016: 66]. Классический пример такой ситуации приведен А. Н. Барановым в описании лингвистической экспертизы по делу Ф. Б. Киркорова. В контексте «И. Арьян (презрительно): А вы научитесь себя вести. Звезда! Ф. Киркоров (рифмуя): Да! Пизда!» речь идет о языковой игре, основанной на рифме со словом «звезда», при этом обмен репликами напоминает ситуацию «вялой перебранки» [Баранов 2007: 545]. Это тот случай, когда только говорящий может сам пояснить то, что он имел в виду, и вывод эксперта возможен только в вероятной форме.

Вопросы наличия в тексте высказываний, в которых получили свое речевое выражение факты действительности или положение дел, решаются с помощью исследования экстралингвистического компонента текста. Актуальным направлением данного исследования в настоящий момент является выявление маркеров фейка в медиатекстах. Лингвисты И. А. Стернин и А. М. Шестерина утверждают, что вывод по результатам анализа всегда будет иметь вероятностный характер. Эксперт высказывает лишь предположение о том, что текст может содержать недостоверную информацию, основываясь на анализе потенциальных признаков фейка, таких как языковые особенности, иллюстрации, содержание и структура текста [Стернин, Шестерина 2021: 8]. Проверка достоверности фактов, представленных в тексте, остается в компетенции суда и государственных органов. Кроме этого, экстралингвистический компонент текста исследуется в рамках решения вопросов о ролях и функциях участников разговоров. В этом случае вероятный вывод дается том случае, когда информации из предоставленного текста и материалов дела недостаточно для однозначного вывода (или информация из указанных источников противоречива).

Методика экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму, вероятный вывод предлагает давать в случае, если «контекст» достаточно полный, но он таков, что позволяет воспринимать сказанное различным образом (ср. избыточно компрессивные лозунги типа «Православие или смерть» – кому смерть?). Эксперт делает следующий вывод: «Автор использовал неоднозначные средства. Необходимое уточнение, снимающее неоднозначность, в тексте отсутствует. В результате оказывается выраженным и то значение, о котором идет речь в вопросе» [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2022: 241]. Заслуживает внимания тот факт, что неоднозначность может носить преднамеренный характер. Тогда лингвист, опираясь на общий уровень владения автором языковыми средствами и на жанр текста, в рамках экспертной инициативы указывает на данный факт.

Обобщая вышесказанное, следует указать, что при решении любой задачи судебной лингвистической экспертизы вероятный положительный вывод делается в случае, если лингвистические признаки того или иного компонента текста, выявленные в соответствии с предметом исследования, в большинстве своем проявились имплицитно и недостаточно речевого материала для их однозначной реконструкции [Дильдин 2010].

В контексте российского уголовно-процессуального законодательства не существует прямого указания на невозможность использования вероятностных заключений судебных экспертов в уголовном судопроизводстве для установления обстоятельств дела. При расследовании любого уголовного дела должен соблюдаться принцип свободы оценки доказательств, закрепленный в ст. 17 УПК РФ. Каждое доказательство, независимо от его содержания, оценивается с точки зрения относимости, допустимости, достоверности. Указанное положение учтено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» следующим образом: не указано, что категорическое заключение эксперта имеет большее доказательственное значение, чем вероятностное. Хотя вывод носит предположительный характер, его не следует игнорировать, поскольку степень вероятности и причины, которые привели к такому выводу, могут быть разными. Экспертная практика показывает, что вероятный вывод – это не только предположительное, но и обоснованное решение вопроса, которое дается при наличии достоверных, но недостаточных для категорического вывода оснований. Согласимся с позицией ученых А. В. Кудрявцевой, Н. П. Кирилловой, А. В. Кочемировского, Н. Г. Стойко, В. Д. Пристанкова, делающих вывод о том, что «вероятные выводы эксперта при их обосновании могут быть использованы в качестве косвенных доказательств. Вероятный вывод эксперта должен быть обоснован в исследовательской части и объяснен доступным языком для восприятия лицами, не обладающими специальными знаниями» [Кудрявцева, Кириллов, Кочемировский 2024: 10].

Нельзя игнорировать тот факт, что, если эксперт не может дать категоричный ответ на вопрос следователя или суда, его заключение остается неустранимым сомнением и не может использоваться как доказательство виновности обвиняемого, если он отрицает свою вину (действует принцип презумпции невиновности). Однако, если обвиняемый признает вину и не отрицает обстоятельства, установленные вероятным заключением эксперта, такое заключение, наряду с другими доказательствами, может быть использовано в доказывании и на него можно ссылаться в обвинительном заключении и приговоре.

Это положение подтверждает А. Ф. Лубин, указывая, что «вероятностный вывод судебного эксперта – это лишь аргумент стороны уголовного процесса при доказывании утверждаемого элемента (тезиса, доказательственного факта), входящего в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ)» [Лубин 2019: 141]. Такое толкование показывает, что любое заключение эксперта, как и любое доказательство, не имеет доказательственной силы вне контекста системы доказательств. Это еще раз подтверждает, что вероятное заключение эксперта может быть использовано в качестве доказательства.

Принимая во внимание вышесказанное, считаем необходимым дать правоприменителям следующие рекомендации по оценке вероятного вывода эксперта-лингвиста. Наличие в формулировке вывода эксперта слова «вероятно» не делает заключение эксперта автоматически недостоверным или недопустимым. Следует изучить исследовательскую часть заключения эксперта и выявить причины невозможности дать ответ в категорической форме. Окончательную оценку заключению эксперта правоприменитель может сформировать с помощью предусмотренных законом действий: допросов экспертов и специалистов; назначения комплексных, повторных или дополнительных экспертиз; получения заключений и показаний специалистов. Этому также может способствовать изучение приведенной выше информации о вероятных выводах лингвистической экспертизы с разделением по задачам. Более подробный алгоритм оценки судебной лингвистической экспертизы представлен нами в ряде публикаций [Папоян 2023, 2022]. Обязательным шагом является сопоставление вероятных выводов эксперта с другими имеющимися в уголовном деле доказательствами. Только после этого принимается окончательное решение о приобщении заключения эксперта-лингвиста с вероятными выводами в качестве доказательства.

Использованные материалы:

Определение Верховного Суда РФ от 15.05.2012 № 70-О12-5сп. URL: <https://clck.ru/3DWDbH>

Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 566-О-О “Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав положениями статей 14, 75, 302, 335, 336, 340 и 350 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1689274/>.

Литература

- Базылев В. Н. Проблема неопределенности в практике судебной лингвистической экспертизы (реферативный обзор) / Вестник Академии права и управления. – 2020. – № 1 (58). – С. 16-23.
- Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. теория и практика. М., 2007.
- Виноградов И. М. Математическая энциклопедия. М., 1977.
- Дильдин Ю. М. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. М., 2010.
- Заключение эксперта: категорическая и вероятностная формы. URL: <https://kriminalisty.ru/stati-conclusion/>
- Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Судебная лингвистическая экспертиза по оскорблениям. Научно-информационное пособие для экспертов. М., 2016.
- Кудрявцева А. В., Кириллов Н. П., Кочемировский В. А. Оценка вероятностных выводов экспертов в уголовном процессе / Журнал Сибирского федерального университета. Серия. Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 4-11.
- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2022.
- Лазарева Л. В., Покровский С. В. К вопросу о доказательности экспертных выводов / Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 4 (125). – С. 152-158
- Лубин А. Ф. О допустимости вероятностных выводов экспертного заключения в уголовном судопроизводстве / Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 3(47). – С. 138-142.
- Мантуров О. В., Солнцев Ю. К., Сорокин Ю. И., Федин Н. Г. Толковый словарь математических терминов. М., 1965.
- Нефедов С. Н. Байесовский подход к оценке доказательств и стандартизация вербальных формулировок выводов эксперта / Проблемы укрепления законности и правопорядка. наука, практика, тенденции. – 2015. – № 8. – С. 187-195.
- Нефедов С. Н. Модель доказывания Тулмина и количественные показатели достоверности вывода / Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2017. – № 1(41). – С. 87-93.
- Никитина Д., Ходжаева Е., Серебрянников Д. Как и кем творится судебная экспертиза. Эксперты в контексте межведомственных взаимодействий. Аналитические отчеты по проблемам правоприменения. СПб., 2024.
- Овсянников И. В. Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам. дис....канд. юрид.наук. 12.00.09, М., 2001.

- Папоян Н. П. Компетентность эксперта-лингвиста как критерий допустимости судебной лингвистической экспертизы / Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. 20 лет спустя». Материалы XIV Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24–25 июня 2022 года. – 2022. – С. 145-157.
- Папоян Н. Особенности оценки заключения судебной лингвистической экспертизы в уголовном судопроизводстве / Юрислингвистика. – 2023. – № 27(38). – С. 111-117.
- Папоян Н. П. Формальные признаки компетентности эксперта как критерий оценки судебной лингвистической экспертизы / Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. материалы IX Международной научно-практической конференции, Москва, 26–27 января 2023 года. – 2023. – С. 271-275.
- Плотникова А. М., Кузнецов В. О., Саженин И. И. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе. Методическое пособие. М., 2018.
- Распопова Т. А. Способы кодирования и декодирования речевых интенций при совершении вербальных правонарушений в интернет-коммуникации / Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы. социальные сети как объект научного и экспертного анализа. Сборник научных работ по итогам Международной научной конференции, Москва, 05–06 октября 2021 года. – М. – 2022. – С. 248-255.
- Россинская Е. Р., Зинин А. М., Милосердова Н. В. Основы судебной экспертизы. Учебник. М., 2023.
- Стернин И. А., Шестерина А. М. Маркеры фейка в медиатекстах. Пособие. Воронеж, 2021.
- Shterin M., Dubrovsky D. (признан Минюстом РФ СМИ-иноагентом) Academic Expertise and Anti-Extremism Litigation in Russia. Focusing on Minority Religions / The Soviet and Post-Soviet Review. – 2019. – № 46(2). P. 211-236. <https://doi.org/10.1163/18763324-04602006>
- Шведова Н. Н., Барина О. А. Криминалистическое исследование реквизитов документов, нанесенных современными материалами письма. Волгоград, 2013.
- Ярошук И. А., Жукова Н. А., Долженко Н. И. Лингвистическая экспертиза. Учебное пособие. Белгород, 2020.

References

- Bazylev, V. N. (2020). The problem of uncertainty in the practice of forensic linguistic expertise. Bulletin of the Academy of Law and Management, 1(58), 16-23 (In Russian).
- Baranov, A. N. (2007). Linguistic expertise of the text: theory and practice (In Russian).
- Dildin, Y. M. (2010). Typical expert methods of research of the evidences (In Russian).
- Expert Conclusion: Categorical and probable forms. Available from: <https://kriminalisty.ru/stati-conclusion/> (In Russian).
- Izotova, T. M., Kuznetsov, V. O., Plotnikova, A. M. (2016) Forensic linguistic expertise of offensive speech. Scientific and informational manual for experts (In Russian).
- Kudryavtseva, A. V., Kirillov, N. P., Kochemirovsky, V. A. (2024). Evaluation of probable conclusions of experts in the criminal process. Journal of Siberian Federal University, 1, 4-11 (In Russian).
- Kukushkina, O. V., Safonova, Y. A., Sekerazh, T. N. (2022) Methodology of complex forensic psychological and linguistic expertise in extremism and terrorism cases (In Russian).
- Lazareva, L. V., Pokrovskiy, S. V. (2021). The issue of the evidential value of expert conclusions. Actual problems of the Russian law, 4(125), 152-158 (In Russian).
- Lubin, A. F. (2019). On the admissibility of probabilistic conclusions in an expert report in criminal proceedings. Legal science and practice, 3(47), 138-142 (In Russian).
- Manturov, O. V., Solntsev, Yu. K., Sorokin, Y. I., Fedin, N. G. (1965). Explanatory dictionary of mathematical terms (In Russian).
- Nefedov, S. N. (2015). Bayesian approach of evaluating evidence and standardising the verbal formulation of expert conclusions. Problems of strengthening of legality and law and order, 8, 187-195 (In Russian).
- Nefedov, S. N. (2017). Toulmin's model of evidence and quantitative indicators of the reliability of the conclusion. Questions of criminology, criminalistics and forensic expertise, 1(41), 87-93 (In Russian).
- Nikitina, D., Khodjaeva, E., Serebrennikov, D. (2024). How and by whom forensic expertise is produced: experts in the context of interdepartmental interactions. Analytical reports on the problems of law enforcement (In Russian).
- Ovsyannikov, I. V. (2001). Category of probability in forensic expertise and evidence in criminal cases. Dissertation for the degree of Candidate of Sciences in Law. 12.00.09 (In Russian).
- Papoyan, N. P. (2022). Competence of the forensic linguist as a criterion for the admissibility of a forensic linguistic examination. Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference, 24-25 June 2022, 145-157 (In Russian).
- Papoyan, N. (2023) Peculiarities of the evaluation of the conclusion of forensic linguistic expertise in criminal proceedings. Legal Linguistics, 27(38), 111-117 (In Russian).
- Papoyan, N. P. (2023). Formal evidence of expert competence as a criterion for assessing forensic linguistic expertise. Theory and practice of forensic expertise in modern conditions. materials of IX International scientific-practical conference, 26-27 January 2023, 271-275 (In Russian).
- Plotnikova, A. M., Kuznetsov, V. O., Sazhenin, I. I. (2018). Semantic research in forensic linguistic expertise: Methodological manual (In Russian).
- Raspopova, T. A. (2021). Ways of encoding and decoding speech intentions when committing verbal offences in Internet communication. Fundamental linguistics and problems of forensic expertise, 05-06 October 2021, 248-255 (In Russian).
- Rossinskaya, E. R., Zinin, A. M., Miloserdova, N. V. (2023). Fundamentals of forensic expertise: Textbook (In Russian).

-
- Sternin, I. A., Shesterina, A. M. (2021). Fake markers in media texts: Textbook (In Russian).
- Shterin, M., Dubrovsky, D. (recognised by the Ministry of Justice of the Russian Federation as a media-foreign agent) Academic Expertise and Anti-Extremism Litigation in Russia. Focusing on Minority Religions. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 46(2), 211-236.
- Shvedova, N. N., Barinova, O. A. (2013). Forensic study of document requisites applied by modern writing materials (In Russian).
- Vinogradov, I. M. (1977). *Mathematical Encyclopaedia* (In Russian).
- Yaroshchuk, I. A., Zhukova, N. A., Dolzhenko, N. I. (2020) *Linguistic expertise: Study guide* (In Russian).
-

Citation:

Папоян Н. П. Вероятный вывод судебной лингвистической экспертизы и его оценка правоприменителем // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 91-97.

Papoyan N. P. (2025) Forensic Linguistic Expertise: Evaluation of Probable Conclusion. *Legal Linguistics*, 35, 91-97.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганда терроризма: соотношение понятий

М. А. Стародубцева

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: starodubzewa@gmail.com

В статье приводится исследование соотношения понятий «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности», «публичное оправдание терроризма» и «пропаганда терроризма». Целью статьи является терминологический анализ содержащихся в ст. 205.2 УК РФ категорий, их соотношение и отображение в правоприменительной деятельности.

Для терминологического анализа автор рассматривает хронологическую последовательность вносимых в ст. 205.2 УК РФ изменений.

Далее проводится анализ каждого используемого в составах ст. 205.2 УК РФ деяния объективной стороны путем рассмотрения определения термина в примечании к ст. 205.2 либо толкования термина, даваемого Верховным Судом Российской Федерации. Автор приводит доктринальное толкование терминов «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности», «публичное оправдание терроризма» и «пропаганда терроризма» с уголовно-правовой, криминологической и лингвистической точек зрения.

Отдельно рассматриваются термины «идеология», «побуждение» и «убеждение», применяемые при буквальном и официальном толковании ст. 205.2 УК РФ, отмечается несогласованность в применении терминов «побуждение» и «убеждение».

Автор приводит сведения о проведенном анализе материалов дел по ст. 205.2 УК РФ, отмечая, что осужденные не различают между собой радикальные идеологии и деяния объективной стороны ст. 205.2 УК РФ, тогда как по смыслу закона данное преступление может совершаться только с прямым умыслом. Пленум Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что комплексная психолого-лингвистическая экспертиза по делам данной категории может назначаться в необходимых случаях, однако, основываясь на проведенном терминологическом анализе и анализе правоприменительной практики, автор отмечает необходимость обязательного проведения указанной экспертизы в каждом конкретном случае.

Ключевые слова: публичные призывы, публичное оправдание, пропаганда терроризма, террористическая деятельность, подстрекательство.

Public calls for Committing Acts of Terrorism, Public Justification of Terrorism and Propaganda of Terrorism: Correlation of the Concepts

M. A. Starodubtseva

Altai State University

61 Lenin Str., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: starodubzewa@gmail.com

The article presents a study of the correlation between the concepts of "public calls for committing acts of terrorism", "public justification of terrorism" and "propaganda of terrorism". The purpose of the article is a terminological analysis of the categories contained in Art. 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, their correlation and expression in law enforcement.

For the terminological analysis, the author considers the chronological sequence of amendments made to Art. 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Further, an analysis of each act of the objective side used in the compositions of Art. 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation is carried out by considering the definition of the term in the note to Art. 205.2 or the interpretation of the term given by the Supreme Court of the Russian Federation. The author provides a doctrinal interpretation of the terms "public calls for acts of terrorism", "public justification of terrorism" and "propaganda of terrorism" from the criminal-legal, criminological and linguistic points of view. The terms "ideology", "inducement" and "persuasion" used in the literal and official interpretation of Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered separately; inconsistency in the application of the terms "inducement" and "persuasion" is noted. The author provides information on the analysis of case materials under Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, noting that convicts do not distinguish between radical ideologies and acts of the objective side of Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, whereas according to the meaning of the law, this crime can only be committed with intent malice. The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation notes that a comprehensive psychological and linguistic examination of cases of this category can be appointed in necessary cases; however, based on the conducted terminological analysis and analysis of law enforcement practice, the author notes the need for mandatory conduct of this examination in each specific case.

Key words: public appeals, public justification, propaganda of terrorism, terrorist activity, incitement.

Для исследования первостепенное значение имеет ст. 205.2 УК РФ, содержащая нормы уголовной ответственности за смежные с базовым для терроризма составом ст. 205 УК РФ составы преступлений: публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганду терроризма.

Стоит проанализировать каждое из закрепленных в ст. 205.2 УК РФ альтернативных деяний по отдельности и начать с публичных призывов к осуществлению террористической деятельности.

С точки зрения науки уголовного права перечисленные в ст. 205.2 УК РФ деяния различаются по своему предмету и не требуют квалификации по совокупности преступлений. Рассуждая о составе публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, предметом можно определить сам призыв. Призыв понимается как побуждение, информационное сообщение, активно воздействующее на сознание и волю других лиц, преследующее цель склонения их к конкретным действиям.

Ст. 205.2 УК РФ говорит о призывах во множественном числе, однако, п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» обращает внимание на факт окончания анализируемого деяния с момента провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения. При этом обращение может быть зафиксировано в любой форме.

Второй обязательный признак призыва связан с его целью. З. А. Шибзухов отмечает, что «призывы должны сопровождаться целью «возбудить желание» у адресатов осуществлять террористическую деятельность, а сами сообщения должны быть способны сформировать такое побуждение». О наличии подобной цели может свидетельствовать, к примеру, использование глаголов в повелительном наклонении («сделай», «исполни» и т. д.) либо применение просьбы или совета («тебе стоит подумать над этим») [Шибзухов 2014: 67].

Доктрина уголовного права также отмечает неконкретизированность призывов. В противном случае речь идет о подстрекательстве к совершению конкретного преступления, в данном случае – преступления террористического характера.

Также обязательным признаком выступает публичность. Сегодня в науке уголовного права отражено достаточно много точек зрения относительно критериев публичности. Одной из позиций выступает признание публичным обращения в отношении двух или более адресатов [Бажин 2011: 162].

Наконец, с содержательной стороны, призыв должен содержать побуждение к совершению именно террористической деятельности.

В примечании 2 к ст. 205.2 УК РФ дается ответ на вопрос о том, что следует считать террористической деятельностью для целей данной статьи. В качестве таковой следует считать совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205-206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ. Поскольку в рамках данного исследования автор рассматривает ст. 205.2 УК РФ, в дальнейшем мы будем придерживаться именно этого перечня.

В криминологии, в свою очередь, также встречаются комплексные исследования, определяющие террористическую деятельность. Так, К. С. Абисова дает следующее определение: «Под террористической деятельностью следует понимать массовое, системное, уголовно запрещенное поведение части членов общества, реализуемое в форме идеологически мотивированных насильственных практик с целью устрашения населения, дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций или воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями» [Абисова 2023: 13]. В рамках исследования автор отмечает, что преступления, предусмотренные ст. 205.2 УК РФ, могут быть рассмотрены как составной элемент террористической деятельности с позиции криминологии.

Следующим альтернативным деянием в ст. 205.2 УК РФ выступает публичное оправдание терроризма. Его определение раскрывается в примечании 1: «под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании». Д. А. Ковлагина отмечает, что раскрытие термина «оправдание» через термин «заявление», нигде в УК РФ ни до, ни после не упоминающийся, вызывает сомнение [Ковлагина 2020: 154]. Лингвистика термин «оправдание терроризма» предполагает считать такой «положительной оценкой (одобрение, восхваление) этого

явления, в которой террористическая деятельность признается правильной, желательной и (или) необходимой» [Никишин 2022: 78].

Пленум ВС РФ в 2018 году, анализируя судебную практику по уголовным делам экстремистской направленности, особое внимание уделил правонарушениям, совершаемым в сети Интернет, и разъяснил судам, что «при решении вопроса о наличии или отсутствии у лица прямого умысла и цели возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства при размещении материалов в сети Интернет или иной информационно-телекоммуникационной сети суду следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности: (1) форму и содержание размещенной информации; (2) ее контекст; (3) наличие и содержание комментариев данного лица или иного выражения отношения к ней; (4) факт личного создания либо заимствования лицом соответствующих аудио-, видеофайлов, текста или изображения; (5) содержание всей страницы данного лица, сведения о деятельности такого лица до и после размещения информации, в том числе о совершении действий, направленных на увеличение количества просмотров и пользовательской аудитории; (6) данные о его личности (в частности, приверженность радикальной идеологии, участие в экстремистских объединениях); (7) привлечение ранее лица к административной и (или) уголовной ответственности за правонарушения и преступления экстремистской направленности; (8) объем подобной информации; (9) частоту и продолжительность ее размещения, интенсивность обновлений».

Пленум ВС РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» подчеркнул, что экспертиза смысла информационных текстов, их направленности (лингвистическая либо комплексная) назначается только в необходимых случаях. В тех же случаях, когда описанное в законе «экстремистское» значение выражено прямо и его наличие не вызывает у судебно-следственных органов сомнений, специальные знания обычно не требуются (п. 23).

Проведенный автором анализ судебной практики подтверждает вышеназванные позиции, дополняя их тезисом о том, что осужденные по ст. 205.2 УК РФ учащиеся образовательных организаций профессионального и высшего образования не разграничивают между собой идеологию терроризма и иные насильственные идеологии. Также вызывает сомнения тот факт, что в данном составе используется термин «терроризм», чья дефиниция не является уголовно-правовой, выступая, в большей степени, криминологической. Более того, проведенный автором анализ судебной практики доказывает, что осужденные признавали правильным не абстрактный терроризм в целом, но деятельность конкретных членов террористических организаций или террористов-одиночек, выраженную в совершении конкретных преступлений террористической направленности. Например, К. со своего мобильного телефона размещал в социальной сети изображение одного из участников диверсионно-террористической группировки с текстом, содержащим положительную оценку действий террористов при совершении террористического акта.

С. Н. Помнина и Е. Б. Вахонина отмечают, что «нередко при осуществлении публичных призывов к реализации террористической деятельности имеет место совместная преступная деятельность. К примеру, одно лицо является автором материалов, содержащих публичные призывы к террористической деятельности, а распространение осуществляет иное лицо» [Помнина; Вахонина 2018: 139]. З. А. Шибзухов в связи с этим сообщает, что «публичное оправдание и пропаганду террористической деятельности нельзя связывать только лишь с распространением такого рода сведений, поскольку создание текста является первым этапом выполнения объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 205.2 УК РФ, а непосредственно его распространение (воспроизведение) является вторым этапом выполнения объективной стороны. В связи с этим лицо, которое изготавливает материалы террористического характера, выполняет объективную сторону преступления, предусмотренного статьей 205.2 УК РФ» [Шибзухов 2011: 185]. На наш взгляд, такая позиция является вполне справедливой.

При этом в судебной практике отмечаются сложности разграничения между собой публичного оправдания и пропаганды терроризма, являющейся третьим альтернативным деянием в объективной стороне ст. 205.2 УК РФ.

Согласно примечанию 1.1. пропаганда терроризма определена как «деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности».

Так, Д. А. Ковлагина приводит следующие примеры. «В., зарегистрированный в социальной сети «ВКонтакте» под псевдонимом А., писал комментарии, оправдывающие деятельность «братьев из Исламского государства», а также на личной странице размещал материалы про террористическую организацию «ИГИЛ», поддерживал ее взгляды. Фактически В. распространял информацию, оправдывающую террористическую деятельность, что подпадает и под признаки деяния – оправдание терроризма, а также и под пропаганду терроризма. Согласно заключению эксперта по другому уголовному делу в высказываниях Е. обнаруживаются «лингвистические и психологические признаки пропаганды идеологии терроризма, оправдания практики насильственных действий, совершаемых представителем террористической организации». В частности, установлено, что Е. в присутствии других лиц допустил высказывания, одобряющие деятельность участников данной организации («террористы – это герои», «я уважаю ИГИЛ, потому что они убивают неверных»). В действиях Е. были обнаружены признаки публичного оправдания терроризма. Между тем, по мнению эксперта, в речи Е. имелись признаки и пропаганды идеологии терроризма» [Ковлагина 2020: 156].

В отличие от первых двух действий объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, материалы и (или) информация в контексте пропаганды терроризма могут не носить характер призывов и заявлений. При этом их содержание должно способствовать формированию убежденности в привлекательности идеологии

терроризма, а также представлений о допустимости осуществления террористической деятельности, что позволяет сделать вывод об объективной направленности данных материалов (информации). Также отметим, что пропаганда терроризма, согласно буквальному толкованию текста статьи 205.2 УК РФ, не обладает признаком публичности, в отличие от призывов к осуществлению террористической деятельности и оправдания терроризма.

Указанный тезис вызывает сомнения у правоприменителя, учитывая само смысловое значение термина «пропаганда», отсылающее к обязательной публичности данных действий.

В частности, к пропаганде терроризма предлагается относить информацию, содержащую позитивную оценку и прославление террористов. К примеру, информацией, пропагандирующей терроризм, были признаны сообщения, в которых «...утверждается сверхзначимость идеи стремления к смерти мусульман, содержится позитивная оценка мусульман, погибших на джихаде, пропагандируется ценность роли шахида, содержится негативная оценка немусульман, говорится о сверхценности идей борьбы против «неверных» и о необходимости воспитания детей в традициях этой борьбы».

Оправдание и пропаганда терроризма окончены «с момента публичного выступления лица с соответствующим сообщением, его отправки адресатам, размещения в сетях общего пользования либо с момента распространения печатной продукции, публичной демонстрации аудио- или видеозаписи».

О. В. Кукушкина, анализируя диагностический комплекс признаков пропаганды (убеждения) взглядов, идеологии при проведении комплексной психолого-лингвистической экспертизы, сообщает, что «о наличии лингвистических и психологических признаков пропаганды определенных взглядов, идеологии можно говорить, если имеет место сочетание цели «убеждение» с изложением этих взглядов (искомый предмет речи – идеология нацизма, терроризма и др.). Для принятия положительного экспертного решения должны быть установлены а) признаки цели «убеждение», б) признаки изложения определенных взглядов. В экстремистских и террористических действиях пропагандистского типа адресат побуждается к определенным взглядам, поэтому должно быть установлено и содержание самих взглядов».

Пропаганда с точки зрения специальных знаний соответствует коммуникативное действие убеждение, то есть побуждение адресата к изменению точки зрения, к определенным взглядам. Убеждение может носить и не прямой, имплицитный характер. Речевая цель может быть оформлена как простое информирование: автор сообщает только, что происходит нечто. В этом случае основная нагрузка по установлению цели «убеждение» ложится на психологический анализ. Его задача – выявить те способы убеждения, которые связаны с самим типом сообщаемой информации. Среди них наиболее важны средства так называемого эмоционального убеждения (эксплуатация значимых потребностей, чувств и отношений адресата, инициирование/актуализация у него тревоги, страха и др.)» [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2022: 59].

В науке уголовного права распространена точка зрения о том, что «общим признаком сообщений, оправдывающих или пропагандирующих терроризм, должна быть их способность по своему содержанию создавать опасность совершения одного или нескольких преступлений террористической направленности, а субъект, их высказавший, должен преследовать цель «побуждения к совершению террористического преступления». Данный субъективный признак прямо не отражен в диспозиции ч. 1 ст. 205.2 УК РФ, однако он диктуется нормой п. 1 ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма. Этот признак позволяет определить границы преступного поведения и пределы права на свободу слова» [Анисимова, Мазуров 2021: 98]. При анализе данной позиции с точки зрения лингвистики обращает на себя внимание использование термина «побуждение» (стимулирование к определенным действиям), характерного для публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, тогда как для публичного оправдания терроризма и его пропаганды более применим термин «убеждение» (изменение точки зрения, взглядов и установок человека). Это может свидетельствовать, как представляется автору, о конструировании в юридической науке собственных толкований лингвистических терминов и об отходе от принципа системности и взаимосвязи научного знания.

Проведенный автором анализ судебной практики показал, что осужденные лица, обучавшиеся в образовательных организациях профессионального и высшего образования, осознают, что совершают деяния, подпадающие под понятия «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности», «публичное оправдание терроризма» и «пропаганда терроризма», но испытывают затруднения с разграничением их, объединяя свои действия термином «призыв». Из материалов протоколов допросов, к которым удалось получить доступ, следует, что осужденные «призывали к совершению террористических актов» либо «призывали к разжиганию террористических настроений».

Таким образом, понятия «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности», «публичное оправдание терроризма» и «пропаганда терроризма» в ст. 205.2 УК РФ соотносятся между собой как альтернативные деяния объективной стороны перечисленных в статье составов преступлений. Термины, содержащиеся в этих понятиях: «оправдание», «пропаганда», «идеология терроризма», «убежденность», «привлекательность» – являются оценочными категориями, выпадающими из общепринятой терминологии уголовного права и криминологии.

При расследовании деяния, квалифицируемого по ст. 205.2 УК РФ, в необходимых случаях назначается комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза информационных сообщений, являющихся объектом экспертизы, однако установленные факты отсутствия разграничения осужденными лицами, обучающимися в образовательных организациях профессионального и высшего образования, идеологии терроризма и иных насильственных идеологий, а равно отсутствие разграничения публичных призывов к осуществлению

террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма, требуют обязательного назначения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы в каждом случае.

Использованные материалы:

Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 225-АПУ19-5 от 16 января 2020 г. в отношении К. URL: <https://su-dact.ru>.

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации № 225-АПУ19-4 от 14.01.2020 по делу В. URL: <http://www.consultant.ru>.

Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 203-АПУ 19-9 от 21 мая 2019 г. В отношении Е. URL: <https://sudact.ru/vsrf/>

Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2020): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020. URL: <http://vsrf.ru/documents/practice/?year=2020>.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09.02.2012 № 1. URL: <http://www.consultant.ru>.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28.06.2011 N 11 (ред. от 28.10.2021). URL: <http://www.consultant.ru>.

Постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности» от 20.09.2018 № 32. URL: <http://www.consultant.ru>.

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru>.

Литература

Абисова К. С. Детерминация и предупреждение террористической деятельности : диссертация кандидата юридических наук : 5.1.4. Краснодар, 2023.

Анисимова И. А., Мазуров В. А. Преступления террористической направленности: сравнительные аспекты : учеб. пособие / под ред. И. А. Анисимовой, В. А. Мазурова. Барнаул, 2021.

Бажин Д. А. К вопросу о понимании публичности в уголовном праве / Российский юридический журнал. - 2011. - № 2. - С. 162-168

Ковлагина Д. А. Актуальные проблемы квалификации и применения ст. 205.2 УК РФ / Пробелы в российском законодательстве. - 2020. - № 5. - С. 154-156.

Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности : монография / С. И. Бушмин, Г. Л. Москалев. Красноярск, 2018.

Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2022.

Никишин В. Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика: монография / под ред. Е. И. Галяшиной. М., 2022.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 2014.

Помнина С. Н., Вахонина Е. Б. Особенности определения признаков объективной стороны публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма / Социально-политические науки. - 2018. - №3. - С. 139.

Шибзухов З. А. Проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма, совершенных в соучастии / Общество и право. - 2011. - № 2. - С. 185.

Шибзухов З. А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: монография. М., 2014.

References

Abisova, K. S. (2023). Determination and Prevention of Terrorist Activities: Dissertation of a Candidate of Legal Sciences: 5.1.4. Krasnodar (in Russian).

Anisimova, I. A., Mazurov, V. A. (2021). Terrorist crimes: comparative aspects: textbook / edited by I. A. Anisimov, V. A. Mazurov. Barnaul (in Russian).

Bazhin, D. A. (2011). On the Understanding of Publicity in Criminal Law. Russian Law Journal, 2, 162-168 (in Russian).

Commentary on the criminal legislation on combating terrorist and extremist activities: monograph (2018). S. I. Bushmin, G. L. Moskalov. Krasnoyarsk (in Russian).

Kovlagina, D. A. Actual problems of qualification and application of Art. 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation / Gaps in Russian legislation. 2020. No. 5. Pages 154-156 (in Russian).

Kukushkina, O. V., Safonova, Yu. A., Sekerazh, T. N. (2022). Methodology for conducting forensic psychological and linguistic examination of materials in cases related to combating extremism and terrorism / 2nd ed., revised. and add. Moscow (in

Russian).

Nikishin, V. D. (2022). Verbal religious extremism. Legal qualification. Expertise. Judicial practice: monograph / edited by E. I. Galyashina. Moscow (in Russian).

Ozhegov, S. I. (2014). Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions. 4th ed., suppl. / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. Moscow (in Russian).

Pomnina, S. N., Vakhonina, E. B. 2018. Features of determining the signs of the objective side of public calls to commit terrorist activities, public justification of terrorism or propaganda of terrorism. Social and political sciences, 3, 139 (in Russian).

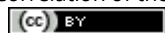
Shibzukhov, Z. A. (2011). Problems of qualifying public calls to commit terrorist activities or public justification of terrorism, committed in complicity. Society and Law, 2, 185 (in Russian).

Shibzukhov, Z. A. (2014). Public Calls to Commit Terrorist Activities or Public Justification of Terrorism: Monograph. Moscow (in Russian).

Citation:

Стародубцева М. А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганда терроризма: соотношение понятий // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 98-103.

Starodubtseva M. A. (2025) Public calls for Committing Acts of Terrorism, Public Justification of Terrorism and Propaganda of Terrorism: Correlation of the Concepts. Legal Linguistics, 35, 98-103.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Мошеннический дискурс (дискурсивная личность, дискурсивные эмблемы, характеристика мошеннического дискурса)

А. А. Миронова¹, Л. А. Тугай²

¹Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)

пр. Ленина, 76, 454080, Челябинск, Россия. E-mail: miroноваaaa@susu.ru

²Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
пр. Ленина, 69, 454080, Челябинск, Россия. E-mail: l_tugai@mail.ru

В настоящее время в результате роста количества преступлений, совершаемых с помощью мобильных телефонов, повышается интерес к речи мошенника, способам воздействия на жертву. Незащищенность населения от нежелательной коммуникации увеличивает важность изучения живой речи мошенника. В статье уделяется внимание мошенническому дискурсу, исследуются тексты дословного содержания фонограмм. Источник – материалы уголовных дел, возбужденных по статье мошенничество ст. 159 УК РФ. Мошеннический дискурс рассматривается как синтез дискурсов. Основные типы дискурса, которые способствовали формированию мошеннического дискурса: коммерческий, экспертный (профессиональный) и эмоциональный. Авторы отмечают, что данный список входящих дискурсов не исчерпывающий и может быть дополнен. Раскрывается понятие дискурсивной личности в мошенническом дискурсе. Выделяются её ключевые компоненты. Рассматривается один из возможных подходов к интерпретации мошеннического дискурса – лингвосемиотический комментарий дискурсивных эмблем. Уточняется понятие дискурсивной эмблемы. Предпринята попытка дать характеристику мошенническому дискурсу с точки зрения социолингвистического, прагмалингвистического и перформативного подходов к описанию дискурса. Доказано, что анализ мошеннического дискурса с позиции социолингвистики позволяет охарактеризовать его системообразующие признаки: цель, участники, концепт, ценности, коммуникативные стратегии, жанры. Определены значимые типы коммуникативной тональности (дружелюбный, наставнический, приказной) и перформативное измерение мошеннического дискурса (манипуляция). Результаты исследования могут быть полезны в практике проведения лингвистических экспертиз.

Ключевые слова: мошеннический дискурс, дискурсивная личность, дискурсивные эмблемы, мошенничество, манипуляция, речь мошенника, нежелательная коммуникация.

Discourse of Fraud (Discursive Personality, Discursive Emblems, Characteristics of Discourse of Fraud)

A. A. Mironova¹, L. A. Tugai²

¹South Ural State University (national research university)

76 Lenin Str., 454080, Chelyabinsk, Russia. E-mail: saikova@mail.ru

²South Ural State Humanitarian Pedagogical University

69 Lenin Str., 454080, Chelyabinsk, Russia. E-mail: l_tugai@mail.ru

Currently, as a result of the increase in the number of crimes committed using mobile phones, there is an increased interest in the speech of a fraudster and ways to influence the victim. The vulnerability of the population to unwanted communication increases the importance of studying the live speech of a fraudster. The article pays attention to fraudulent discourse, examines verbatim transcripts of phonograms. The source is materials of criminal cases initiated under Article 159 of the UKRF – Fraud. Discourse of fraud is considered as a synthesis of discourses. The main discourses that contributed to the formation of discourse of fraud are commercial, expert (professional) and emotional. It is worth mentioning that this list is not

exhaustive and can be supplemented. The concept of a discursive personality in discourse of fraud is revealed - it is a social and communicative phenomenon that is formed in the process of interaction between a fraudster and their victim, based on social expectation and exploiting a vacuum in collective experience, as well as based on socio-cultural factors (the level of trust in financial organizations and government representatives). Its key aspects are outlined. One of the possible approaches to the interpretation of discourse is the linguistic and semiotic commentary of discursive emblems. The concept of a discursive emblem is revealed and examples are given. An attempt is made to characterize discourse of fraud from the point of view of sociolinguistic, pragmalinguistic and performative approaches to the description of discourse. The study of discourse of fraud from the perspective of sociolinguistics allows us to characterize its system-forming features: purpose, participants, concept, values, communicative strategies, genres. The types of communicative tonality (friendly, mentoring, commanding) and the performative aspect of discourse of fraud (manipulation) are defined.

Key words: discourse of fraud, discursive personality, discursive emblems, fraud, manipulation, fraudster's speech, unwanted communication.

Мошеннический дискурс

Мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребление доверием (ст. 159 УК РФ). Мошенничество – это разновидность правонарушения, с одной стороны, реализуемая в режиме реального времени в определенном месте, обусловленная физическим присутствием злоумышленника и потерпевшего при непосредственном визуальном контакте, с другой стороны, реализуемая посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет или средствами мобильной связи, что обуславливает отсутствие визуального контакта. Как в первом, так и во втором варианте, согласно УК РФ субъектом противоправной деятельности является физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. В коллективном опыте субъект именуется мошенником – человек, который занимается мошенничеством, плут, жулик – и присутствует в высказываниях, содержащих семантические компоненты (языковые единицы), входящие в семантические поля «обман» и «злоупотребление доверием». Также в коллективном опыте прослеживается осуждение воровства и хищения чужого имущества: «Воровство – последнее ремесло»; «Украсть – в беду попасть». Поскольку воровство присутствует в обществе с незапамятных времен, а новые виды и схемы мошенничества появились относительно недавно, то стоит говорить о возникновении мошеннического дискурса [Смирнова 2024].

Ущерб от дистанционных краж и мошенничества за последние пять лет растет в геометрической прогрессии [Вестник ГУ МВД России по Челябинской области ..., 2023: 45].

Итак, мошеннический дискурс представляет собой коммуникативную практику, целью которой является хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием. Данный вид дискурса активно изучается рядом отечественных ученых. В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин в статье «Тенденции развития современного дискурса» говорят следующее: «Стимулом к развитию критического подхода к информации становится и рост преступности. Принципиальное отличие криминальной ситуации в цифровом обществе от предыдущих эпох становится тот факт, что мошеннический дискурс становится повседневной реальностью для всех членов социума» [Карасик, Слышкин 2021: 14–31]. В статье «Дискурс технически опосредованного мошенничества: жанр “развод”/“разводилово” и его стратегии» И. В. Смирнова изучает стратегии и тактики мошенников, подробно описывая схемы реализации, опираясь на выборку сообщений с просторов сети Интернет. В статье «Манипулятивный потенциал ложных утверждений в структуре мошеннического дискурса» Л. А. Литвинова выявляет лингвопрагматические характеристики ложных утверждений в составе мошеннического дискурса.

Существует множество подходов к описанию дискурса (тематический, социолингвистический, прагматический, перформативный и пр.). В данной работе основным принят социолингвистический подход, но авторы не исключают обращения и к другим подходам, когда это потребуется.

Мошеннический дискурс рассматривается как институциональная коммуникация, единицей которой является коммуникативная ситуация. Стоит отметить, что институциональная коммуникация в данном случае обладает достаточной степенью размытости [Карасик, Слышкин 2021: 14–31], так как появление мошеннического дискурса является следствием синтеза различных дискурсов и социально-коммуникативных практик. Вот основные дискурсы, которые способствовали формированию мошеннического дискурса:

1. Коммерческий дискурс. Мошеннический дискурс часто заимствует элементы из коммерческого языка, включая маркетинговые и рекламные стратегии. Это может включать манипуляции с понятиями ценности и выгоды, создание привлекательных предложений.

2. Экспертный (профессиональный) дискурс. Мошенники могут использовать лексику, присущую экспертам (научные термины, профессионализмы, статистические данные), чтобы создать видимость надежности и повысить свое авторитетное положение. Это позволяет им вводить людей в заблуждение, используя сложные и непонятные термины.

3. Эмоциональный дискурс. Мошеннический дискурс активно использует элементы эмоционального обращения, включая манипуляции с чувствами жертв. Это связано с убеждением, что эмоции часто влияют на принятие решений более сильно, чем логические аргументы.

Синтез этих дискурсов создает уникальный мошеннический дискурс, который эффективно манипулирует восприятием и эмоциями жертв, позволяя мошенникам добиваться своих целей и причиняя непоправимый ущерб финансовому благополучию и психическому здоровью жертвы.

Дискурсивная личность

Дискурсивная личность в мошенническом дискурсе – это социальная и коммуникативная конструкция, которая формируется в процессе взаимодействия мошенника с его жертвой, основанная на социальном ожидании и эксплуатирующая вакуум в коллективном опыте, а также базирующаяся на социокультурных факторах (уровень доверия к финансовым организациям и представителям власти). Дискурсивная личность использует определенные стратегии и тактики, манипулирует восприятием адресата, осуществляет подмену языковой картины мира, чтобы путем обмана или злоупотреблением доверия достичь поставленных целей. Вот несколько ключевых аспектов, характеризующих дискурсивную личность мошенника:

1. Авторитарная позиция. Мошенники часто позиционируют себя как эксперты или авторитеты в своей области. Они могут использовать научный или профессиональный язык, чтобы произвести впечатление на свою аудиторию.

M1 – А-а, зовут меня Андрей Геннадьевич, я старший следователь.

M2 – Угу.

M1 – А-а, зовут вас как?

*M2 – В** Е**.*

*M1 – В** Е**, скажите, пожалуйста, вам внук объяснил в чём дело?*

M2 – Ну, сказал, что ка-, на пе-, на т-, каком-то пеш-, переходе-е девчонку какую-то задавил.

M1 – Ъ-, д-, давайте, давайте я вам вкратце объясню.

M2 – Давайте.

M1 – В общем, произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого пострадала девушка, в возрасте тридцати лет. Девушку госпитализировали в карете скорой помощи в больницу. Понимаете меня, да?

M2 – Угу.

M1 – Вот, сейчас вынужден его оформить по статье двести шестьдесят четвёртой Уголовного Кодекса Российской Федерации. Мера наказания - от трёх до семи лет лишения свободы. Понимаете меня, да?

2. Эмоциональная манипуляция. Такие лица могут использовать эмоции, управляя страхами, надеждами и жадностью людей, чтобы вынудить их действовать против своих интересов. Они создают нарративы, которые вызывают сильные эмоциональные реакции.

M1 – Но чтобы, ты можешь прямо сейчас их пойти, прости, и снять. Но ты же не хочешь каких-то там проблем? Поэтому нам нужно всё сделать красиво и правильно. Доплачивай до одиннадцати тысячу на мужика, придут деньги, триста шестнадцать, потом, иди и вот эту десятку, ну-э пятьсот семьдесят две тысячи снимай. Поняла?

M3 – Угу. Дело в том, то что на вашего, так, он внук вам, да?

Ж1 – Да-а.

M3 – Э, на него возбуждается уголовное дело ...

Ж1 – А что случилось-то?

M3 – А-а, за нападение на сотрудника полиции,

Ж1 – Ой.

M3- э, ударил сотрудника два раза по лицу,

Ж1 – Ой.

M3 – и разбил ему рацию, на него написано заявление.

3. Создание доверительных отношений. Мошенники часто строят доверительные отношения с жертвами, используя техники «взаимодействия» и «заботы». Это может быть достигнуто через индивидуальные беседы, внимание к деталям и использование личных историй.

Ж1 – Да, Сергей Петрович, ну пожалуйста ...

M1 – Валя, я не могу за вас уже внести ни одного рубля, не могу.

Ж1 – Ну, ну значит и я не могу, если вы не поможете, я значит, тоже не помогу. Я вот как рыба об лёд тоже уже всех обложила, (обошла).

M1 – Валя, вы себя слыши-, Валентина, а кому вы помогаете? Здесь мы помогаем

Ж1 – Ну.

M1 – только вам. Вы не понимаете этого?

4. Проекция уверенности и харизмы. У них часто есть высокая степень уверенности в своих словах и действиях, что усиливает привлекательность их предложений и вызывает доверие у жертв.

M1 – Сказала сделает. До двенадцати она всё оформит и (так далее), деньги нам предоставят. Потом, как получаете, сразу рассчитаемся с ними, что вы там (что мы им должны), что вы мне должны, в налоговую сходим, всё. Дальше, э идите и-и вы меня не услышите, через пару месяцев только наберу, когда будет возможность. Всё. Поэтому, Валь, не усложняй. Сейчас идите, закидывайте десять, до одиннадцати, я вас именно прошу.

5. Искусство манипуляции информацией. Мошенники умеют обходить правдивую информацию, размывать детали или выделять только тот контекст, который выгоден для их целей. Они часто используют частичные данные или искажают факты.

M1 – Все, всё верно, всё верно. Елена, э, э, Петровна, смотрите, на данный момент у вас пытаются списать и через, а, службу онлайн платежей "Контакт" восемьдесят одну тысячу рублей, две-, восемьдесят одну тысячу двести рублей, система их заморозила, чтобы, давайте начнем с отмены данной суммы, потому что она большая. Для отмены данного платежа я вам сейчас направлю эс-эм-эс-код через эту систему, вам нужно будет подтвердить отмену

платежа.

Ж9 – Может, мне в "Сбербанк" лучше сбежать?

М1 – А-а.

Ж9 – Вот через дорогу я как раз нахожусь.

М1 – За средства снимаются очень быстро. Нам нужно срочно отменить этот платеж в любом случае, дальше я вам дам инструкцию что сделать, чтоб такого больше не повторялось, и как сохранить ваши средства. Скажите еще, пожалуйста, вы совершали какие-то интернет покупки может быть на этой неделе, вчера, позавчера нам еще предстоит выяснить, а-а, каким образом у вас могли украсть данные карты.

На примере видно, что мошенник списывает со счета жертвы денежные средства и запрещает ей дойти до банка, хотя это единственное верное решение в данной ситуации.

6. Избегание ответственности. Дискурсивная личность мошенника может избегать столкновения с вопросами или сомнениями, создавая культ закрытости и недоступности. Это позволяет им скрываться за наращиванием авторитета.

Ж1 – Мы к государству отношения не имеем, мы – коммерческая организация. Занимаемся доставкой ценных грузов и финансов.

.....

Ж1 – Ну я поняла вас. Ну нам чтобы доставить, поймите, нам нужны определенные условия, нам просто деньги не доставят. Мы же деньги вам страхуем на время, пока машина движется до вас. Как только вам привезут деньги, вам по квитанции также обналечит старший группы эти девяносто тысяч. А вот эти, что два по сорок пять вы платили, их так же обналечили, они у вас уже находятся в основном денежном пакете. То есть у вас на вчерашний день, нам э-э выдали квитанцию на четыреста сорок одну тысячу, а сегодня вы получаете пятьсот тридцать одну, потому что вот эти два платежа, они были неправильные у вас, по сорок пять тысяч, понимаете? Так что давайте напрямую, номер телефона запишите, нашего главного офиса в Москве: восемь, четыреста девяносто пять.

7. Стратегия «виновности жертвы». При возникновении подозрений или недовольства мошенники могут обвинять жертв в том, что они не сделали достаточно для успеха схемы, или в том, что они не поняли предложение.

М1 – В общем так. Хорошо, э-э, Таисия, я оформил документы, мы с вами договорились, вы меня подводите уже второй раз. Простите, пока обманываете вы, а не я вас. Таисия Яковлевна, я вот спрашиваю, как есть, как на духу, вы будете забирать деньги?

8. Фокус на позитиве. Внимание на успешные истории других «инвесторов» или жертв, что создает иллюзию успеха и придает больше веса их обещаниям.

М1 – Ну к, э. Э, Людмила Владимировна, значит, если вы отказываетесь от получения денежных средств, то, э что делает служба инкассации? Они все ваши в-, деньги отправляют обратно в Центробанк. То есть они и четыреста три тысячи шестьсот девяносто восемь рублей, и сорок пять тысяч рублей э-э скопом отправляют в Центральный банк. Вот, то есть э-э как Центробанк то есть будет дальше действовать? Ну скорее всего, также, как и во всех остальных ситуациях, просто перечислит эти деньги а-а на транзакционный счёт, куда от отказников, да, поступают деньги и будет другим людям проводить рефинансирование.

Ж1 – Ну эти-то сорок пять тысяч у меня тогда пропадут, да?

М1 – Ну, да, естественно, они пропадут тогда.

М1 – Алло.

Ж1 – Да. (Ну). Куда в налоговую-то? Ну я не знаю.

М1 – Э, Людмила Владимировна, я понимаю, что у вас там э-э совет сейчас, да, какой-то, но. Ну я понимаю, два сына. Тут, э Людмила Владимировна, тут, поймите правильно, да, там от того что вы будете советоваться, не советоваться, деньги вы не получите. Вот, сейчас, э-э я ещё раз повторяю, вы сейчас э эрундой не занимайтесь, то есть произведут вам доставку денежных средств сегодня в полном объёме. Вот, оплатите им вот эту сумму, сорок пять тысяч рублей, пускай они доставляют вам деньги. Всё, получите свои деньги, всё, рассчитаетесь со всеми долгами и-и, прощаемся с вами. Вот, просто их уведомяте, да, "Армаду Эм плюс", потому что они сейчас будут, я знаю, как это всё делают инкассационные службы, они деньги долго у себя не держат, они сейчас начнут названивать не вам, а начнут названивать нам, понимаете, и говорить, а что вы решили, там, э-э да, каки-, какое решение принял клиент? То есть, э нам вот это вот сейчас будут мозги компоссировать, вот извините, что так выражаюсь, но так оно и будет. Поэтому я ж вам и объясняю, Людмила Владимировна, просто элементарно сейчас оплачиваете, получаете деньги. Всё, видите, ни-, не дают ни льгот никаких, ни. Вот так вот они и работают.

Дискурсивная личность, выделяемая на основании социолингвистических характеристик личности либо статусно обусловленного общения, воплощает в своем коммуникативном поведении те признаки, которые составляют функциональную основу соответствующего социального типажа [Карасик 2015: 155].

Знание и обозначение индикаторов дискурсивной личности поможет потенциальным жертвам своевременно выявить мошенника и прекратить нежелательную коммуникацию.

Дискурсивные эмблемы

Одним из возможных подходов к интерпретации дискурса может быть лингвосомиотический комментарий дискурсивных эмблем – знаков идентификации коммуникантов и обстоятельств общения. В качестве эмблем могут выступать любые языковые знаки. Выделяются следующие критерии классификации дискурсивных эмблем: сфера, тональность и референтная отнесенность общения [Карасик 2015: 171]. Эмблемы мошеннического дискурса представляют собой характерные элементы или признаки, которые помогают идентифицировать обманные действия, манипуляции или недобросовестные практики в общении. Вот некоторые из таких эмблем.

1. Сложные или непонятные термины. Использование профессиональной лексики для создания впечатления экспертности говорящего.

2. Избыточная эмоциональность. Апелляция к сильным эмоциям, таким как страх, жадность или сострадание, чтобы вызвать незамедлительные реакции, отключив критическое осмысление происходящего и включив неосознаваемые побудители поведения (неосознаваемые мотивы и смысловые установки – побуждения и нереализованные предрасположенности к действиям, детерминированные тем желаемым будущим, ради которого осуществляется деятельность и в свете которого различные поступки и события приобретают личностный смысл).

М1 – Да, господи, бог мне судья, если я вас обману. извините, было бы на что вас обманывать, ну ей богу, не на десятку. Что вы чудите? Что?

Ж1 – ... (рублей) немаленькая сумма, можете не перечислить.

М1 – Пятьсот сорок это для вас сумма, а для Москвы - нет. У нас это очень маленький платеж. Тем более, повторю, если вы получаете платеж, то я выполнил свою работу, мне п-, мне полагается кое-какая комиссия, поэтому я заинтересован в том, чтобы вам отправить деньги. Вы не понимаете?

3. Создание искусственной срочности. Указание на необходимость немедленного действия, чтобы избежать «потери возможности», «непоправимых последствий».

М1 – Смотрите, я сейчас поеду в «Сбер». Мне нуж-, ну э к Наде в том числе. Ир, до одиннадцати ты успеваешь?

Ж1 – Не знаю.

М1 – Постарайся, но смотри, э у меня к тебе просьба, как э, закинешь, там в течение, ну, грубо говоря, сорока минут, тебе надо предоставить вот эту сумму на карточку, но, как получишь, нужно будет сходить в «Сбербанк» сразу и снять вот эту сумму. Ты сможешь?

4. Давление на доверие.

Ж1 – Враг номер один тоже в семье. Ни сын, ни сноха, ни внучка, никто со мной не общается, только с призрением говорят.

М1 – Ну, Валь, получите деньги, сделайте, Валь, получите деньги, сделайте детям подарок, какой-то. И тогда, может, как-то наладите взаимоотношения. Я понимаю, что вам нужно раздать долги, но, если вы им подарите миллиончик, я думаю, они уж точно обрадуются и пустят. Я помню, что у вас там и внучка учится, по-моему. Правильно я помню?

...

М1 – Вот видите, какая у меня память, я-, я помню. Ну вот подарите, подарите. Валь. Валя, я тебе богом клянусь, я не вру тебе. Моя голубушка, оплати сейчас десять, в двенадцать всё это закончится. Получим деньги, но тебе нужно будет побегать, ну соответственно мы должны рассчитаться и в налоговую, то есть сегодня ты.

5. Игнорирование уточняющих вопросов. Избегание ответов на запросы о дополнительной информации или разъяснений. Ответ на вопрос вопросом.

Ж1 – Мне вот чё-то сомнение есть: а не должно быть (вас). как его, я переводить карточку на личный счёт. на карточку личный счёт?

М1 – А вы переводите на бухгалтера, моя милая, на бухгалтера. Почему на бухгалтера? Потому что, если мы будем заводить личный счёт, смотрите, вам же деньги зачисляет "Сбербанк", я работаю в цэ-бэ, в Центробанке, то есть мы отправляем деньги на, в "Сбербанк", "Сбербанк" отправляет их вам. Мы это делаем через бухгалтерию, ну, понятно, да, всё официально, поэтому вы оплачиваете на бухгалтера, она делает перевод, оформляет и зачисляет деньги вам. Всё. Но смотрите, я предупреждаю сразу: вы оплатили вот эти десять, э-э-э, примерно через полчаса, сорок минут, плюс-минус, вам приходит пятьсот сорок. Но э, смотрите, у меня вопрос: у вас э, на телефоне вот этот банк б-, подключен?

Данный пример показывает, как мошенник уходит от ответа, манипулируя лексемами «Сбербанк», «ЦБ» (Центробанк), описывая процессы перевода денежных средств, но не отвечая на поставленный вопрос. И в конце реплики задает вопрос, который интересует его.

Характеристика мошеннического дискурса.

Мошеннический дискурс – коммуникативная практика общения мошенника с жертвой – выражает одну из важнейших проблем социума – отсутствие защиты от нежелательной коммуникации.

Исследование мошеннического дискурса с позиции социолингвистики позволяет охарактеризовать его системообразующие признаки:

Цель: хищение чужого имущества.

Участники: мошенник(и) и жертва(ы).

Концепт: заключение – свобода, бедность – богатство, фиаско – удача, болезнь – выздоровление и др.

Ценности отсутствуют. Ценности дискурса базируются на том, что стержневая функция дискурса есть благо, так как в данном виде дискурса обозначенная функция – далеко не благо для общества, а болезнь, которая требует лечения, то говорить о ценности нет смысла.

Коммуникативные стратегии: уговаривание, угроза, самопрезентация и др.

Жанры. Так как мошеннический дискурс является синтезом дискурсов, то и жанры он также заимствует от порождающих дискурсов, но стоит отметить, что исследованию подверглась звучащая речь мошенника, поэтому самый частотный жанр – это деловая беседа.

В мошенническом дискурсе присутствуют следующие типы коммуникативной тональности:

1) дружелюбный (мошенник вступает с жертвой в кооперативные отношения, всячески показывая свои добрые намерения и услужливость);

2) наставнический (мошенник позиционирует себя как эксперта, поэтому он имеет право давать советы);
 3) приказной (мошенник выступает в роли представителя власти, обвиняя жертву или близких жертвы в нарушении закона; мошенник переходит в данную тональность, чтобы вывести жертву из эмоционального ступора и добиться желаемого поведения).

Перформативное измерение мошеннического дискурса («Что происходит в процессе общения?»), установление соотношения между словом и делом позволяет обозначить, что имеет место манипуляция в каждом исследованном диалоге.

Заключение

Одной из тенденций развития современного дискурса в его разных типах и жанрах является коммуникативное перенасыщение и утрата иммунитета к нежелательной коммуникации [Карасик, Слышкин 2021: 14]. К сожалению, самым частотным и заметным результатом нежелательной коммуникации посредством сети Интернет и мобильной связи стал новый вид имущественных преступлений. Отличительной особенностью всех цифровых преступлений является дистанционный способ их совершения. Исследование голоса и речи преступника является важнейшей задачей, так как в большинстве случаев это является единственным доказательством вины преступника. Исследование живой речи мошенника в реальной коммуникативной ситуации привлекает исследователей возможностью понять механизм и методы воздействия на сознание жертвы. Речь идет о неискреннем дискурсе как особом типе общения, имеющем множество разновидностей [Карасик 2015: 147]. Изучение мошеннического дискурса весьма важно для понимания схем реализации и стратегий, к которым прибегает мошенник для достижения поставленных целей. Дискурсивная личность в мошенническом дискурсе является сложной конструкцией, которая вбирает в себя как лексико-фразеологические индикаторы принадлежности человека к определенному виду деятельности (чаще всего сотрудники финансовых организаций, представители органов власти), так и ментальные паттерны тематизации предмета речи [Карасик 2015: 155]. Дискурсивная личность проявляется в дискурсивных эмблемах, в качестве которых могут выступать любые языковые знаки. Изучение и обозначение характеристик мошеннического дискурса при помощи разных подходов делает возможным разработку стратегий предотвращения мошенничества и повышения осведомленности среди населения.

Литература

- Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002.
 Женило В. Р. Компьютерная фоноскопия. М., 1995.
 Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса / Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 1. – С. 14–31.
 Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М., 2019.
 Карасик В. И. Языковое проявление личности. М., 2015.
 Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 1992.
 Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1989.
 Куштаев М. И. О ходе реализации региональной Программы Челябинской области «Профилактика преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, на территории Челябинской области на 2023–2025 годы» / Вестник ГУ МВД России по Челябинской области. – 2023. – № 2. – С. 22–30.
 Смирнова И. В. Дискурс технически опосредованного мошенничества: жанр «развод» / Жанры речи. – 2024. – Т. 19. – № 1 (41). – С. 90–103.
 Смирнова И. В. Мошеннический дискурс: стратегия апелляции к удаче НИР / Современная коммуникативистика. – 2024. – № 3. – С. 15–22.
 Фрумкина Р. М. Психолингвистика. М., 2003.
 Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
 Хуртилов В. О. Криминалистическое исследование фонограмм ограниченного объема и низкого качества записи. М., 2007.

References

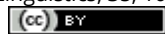
- Asmolov, A. G. (2002). Beyond consciousness: methodological problems of non-classical psychology. Moscow (in Russian).
 Frumkina, R. M. (2003). Psycholinguistics: studies a student's manual Universities. Moscow (in Russian).
 Karasik, V. I. (1992). The language of social status. Moscow (in Russian).
 Karasik, V. I. (2015). Linguistic manifestation of personality. Moscow (in Russian).
 Karasik, V. I. (2019). The linguistic spiral: values, signs, motives: monograph. Moscow (in Russian).
 Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2021). Trends in the development of modern discourse. Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 1, 14–31 (in Russian).
 Karaulov, Yu. N. (1989). Russian language and linguistic personality. Moscow (in Russian).
 Khurtilov, V. O. (2007). Criminalistic investigation of phonograms of limited volume and low recording quality. Moscow (in Russian).

- Kushtaev, M. I. (2023). On the implementation of the regional Program of the Chelyabinsk region "Prevention of crimes committed using information and telecommunication technologies in the territory of the Chelyabinsk Region for 2023-2025". Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Chelyabinsk region, 2, 22-30 (in Russian).
- Smirnova, I. V. (2024). Discourse of technically mediated fraud: the genre of "divorce" / "razvedilovo" and its strategies. Genres of speech, 19, 1 (41), 90-103 (in Russian).
- Smirnova, I. V. (2024). Fraudulent discourse: the strategy of appealing to the success of research. Modern Communication Studies, 3, 15-22 (in Russian).
- Sternin, I. A. (2001). Introduction to speech influence (in Russian).
- Zhenilo, V. R. (1995). Computer phonoscopy. Moscow (in Russian).
-

Citation:

Миронова А. А., Тугай Л. А. Правовые ценности в официальном и неофициальном юридическом дискурсе России и Китая (на материале аксиологемы «историческая память») // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 104-110.

Mironova A. A., Tugai L. A. (2025) Discourse of Fraud (Discursive Personality, Discursive Emblems, Characteristics of Discourse of Fraud). Legal Linguistics, 35, 104-110.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Оценка методов анализа семантической неоднозначности лексики и текста

А. В. Иркова

*Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. E-mail: a.irkova@mail.ru*

Статья посвящена исследованию семантической неоднозначности, напряженности в аспекте потенциального развития конфликтологических рисков. Проанализированы классификации приемов исследования семантической неоднозначности лексики и текстов с целью выявления наиболее эффективных методов. Проведенный в августе 2023 года поиск литературы позволил рассмотреть опубликованные научные статьи, информацию, находящуюся в открытом доступе, по категории семантической неоднозначности. Хронологический срез работ, которые были привлечены к анализу научных исследований в данной области, охватывает семь лет (2016-2023 гг.). Используются базы данных статей Scopus, Google Scholar, eLibrary.Ru. Показаны методы анализа смысловой неопределенности, актуальные для современной лингвистики перевода. Среди традиционных способов изучения этого феномена выделяются: 1) лексико-семантический анализ текстов, отдельных лексем и словосочетаний; 2) эксперименты, опросы и тесты с дальнейшей интерпретацией полученных данных. Выявлено, что наиболее приемлемыми современными методами выявления семантической неоднозначности являются следующие: 1) концептологические приемы; 2) лингвокогнитивный и дискурсивный подходы; 3) анализ когнитивных метафор, структур, пропозиций и т. п.; 4) контент-анализ; 5) анализ интенций; 6) использование компьютерных программ, нейросетевых методов для рассмотрения неопределенности, в том числе использование обратного машинного перевода, сравнение текстов на предмет сходства. Изучение существующих методов анализа семантической неоднозначности обогащает понимание данного явления. Перспективы работы заключаются в проведении исследований семантической диффузии, которые связаны, во-первых, с расширением материала; во-вторых, с установлением степени понятности и (или) непонятности текста для читателей, законопослушных граждан.

Ключевые слова: смысловая неопределенность, нечеткость, двусмысленность, семантическая диффузия, конфликт интерпретаций, обратный машинный перевод (ОМП), сравнение текстов по сходству, цифровые методы.

Evaluation of Methods for Analyzing Semantic Ambiguity of Vocabulary and Text

A. V. Irkova

*Kemerovo State University
6 Krasnaya str., 650000, Kemerovo, Russia. E-mail: a.irkova@mail.ru*

The article considers semantic ambiguity, tension in relation to potential development of conflictological risks. The classifications of methods and techniques for studying the semantic ambiguity of vocabulary and texts are analyzed in order to identify the most effective ones. A literature search conducted in August 2023 made it possible to consider published scientific articles and publicly available information on the category of semantic ambiguity. The chronologic coverage of the works that were involved in the analysis of scientific research in this area covers seven years (2016-2023). The databases used are Scopus, Google Scholar, eLibrary.Ru articles. The methods of analyzing semantic ambiguity that are relevant for modern translation linguistics are shown. Among the traditional methods, the following stand out: 1) lexical and semantic analysis of texts, individual lexemes and phrases; 2) experiments, surveys and tests with further interpretation of the data obtained. It has been revealed that the most acceptable modern methods for identifying semantic ambiguity are the following: 1) conceptological techniques; 2) linguacognitive and discursive approaches; 3) analysis of cognitive metaphors, structures, propositions, etc.; 4) content analysis; 5) analysis of intentions; 6) the use of computer programs, neural network methods for studying ambiguity, including the use of reverse machine translation, comparison of texts for similarity. The study of existing

methods for analyzing semantic ambiguity enriches the understanding of this phenomenon. The prospects for the work lie in conducting studies of semantic diffusion, which are associated, firstly, with the expansion of the material; secondly, with establishing the degree of comprehensibility and (or) incomprehensibility of the text for readers, law-abiding citizens.

Key words: semantic ambiguity, vagueness, equivocation, semantic diffusion, conflict of interpretations, reverse machine translation (RMT), comparison of texts by similarity, digital methods.

Введение.

Широкая направленность тематики смысловой напряженности текста приобретает глобальное значение [Ferreira, Yang 2019]. Трудности в интерпретации правовых актов, новостных материалов, художественных произведений и многих других видов текстов соприкасаются с проблематикой семантической диффузии [Muneer, Fati 2020]. Причины семантической неоднозначности многогранны. К ним, как правило, относятся следующие:

- 1) когнитивные факторы (индивидуальные особенности восприятия, мышления; знания; опыт каждого читателя);
- 2) социально-культурные факторы (различия в культурных кодах, ценностях, нормах и традициях);
- 3) психосоциальные факторы (эмоции, установки, предрассудки);
- 4) языковые факторы (многозначность слов, полисемия, синонимия, метафоричность, идиоматичность) и т. п.

На сегодняшний день существуют различные методы анализа семантической неопределенности. В современных исследованиях активно разрабатываются новые способы выявления и предотвращения семантической двусмысленности, среди которых выделяются следующие:

- 1) использование машинного обучения, анализа больших данных и нейросетей для установления неопределенности в текстах;
- 2) изучение когнитивных процессов, которые формируют интерпретацию текста;
- 3) анализ влияния социальных, культурных факторов на восприятие и истолкование текстов;
- 4) применение формальных логических методов для определения значений слов, фраз и т. п.

В очерченном плане заострена проблема поиска единых методов, комплексного междисциплинарного подхода, наиболее приемлемого для рассмотрения различных текстов. Предлагаемая статья является частью широкого спектра трудов сибирской научной школы «Социально-когнитивное функционирование языка» (руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. Д. Голев). Следует отметить, что в ряде современных исследований ученых [Голев 2022; Голев, Ким 2023] были обозначены критерии, определяющие возможность множественности интерпретаций; описаны особенности транслятивной лингвистики и мн. др.

Целью настоящей работы является оценка методов анализа смысловой неопределенности лексики и текста в аспекте потенциального развития конфликтологических рисков.

Материал и методы.

Проведенный в августе 2023 года поиск литературы рассматривал научные статьи, информацию о понятии смысловой неопределенности. Хронологический срез работ, которые были привлечены для анализа научных исследований в данной области, охватывает с е м ь лет (2016-2023).

Для написания обзора использовались базы данных статей Scopus, Google Scholar, eLibrary.Ru. Поисковые запросы формировались по таким ключевым словам, как «смысловая неопределенность», «семантическая неоднозначность», «методы анализа семантической неопределенности», «нечеткость», «двусмысленность», «конфликт интерпретаций», «устранение неопределенности», «скрытое напряжение» / «semantic uncertainty», «semantic ambiguity», «methods of analysis of semantic uncertainty», «fuzziness», «ambiguity», «conflict of interpretations», «elimination of uncertainty», «hidden tension», «quiet tension» и тому подобное.

Обсуждение основных результатов исследования.

Смысловая напряженность текста, определяемая как «категория субъективная, обусловленная сложностями, возникающими при восприятии содержания текста разными реципиентами, различающимися по уровню фоновых знаний, социально-психологическим установкам и ценностным ориентациям» [Шехтман 2013: 166], может возникать как в лексике, так и в структуре отдельных слов [Краснянская 2023]. Наиболее ярко выраженные факторы, которые усиливают напряженность текста, включают [Шехтман 2013]: 1) насыщенность текста собственными именами и сокращениями; 2) вкрапления на иностранных языках; 3) неоднозначность лексических единиц; 4) лакуны, цитирования (обращения к прошлому); 5) редкую лексику (как правило, она отсутствует в частотных словарях); 6) наличие неявных смыслов (имплицатур); 7) обилие специальной терминологии и так далее. Как подчеркивает Н. Н. Остринская, напряженность текста формируется разнообразными средствами, обеспечивающими эмотивно-экспрессивную составляющую текста [Остринская 2013].

В лингвистической литературе предлагается использовать термин «семантическая диффузность» для обозначения области семантической неопределенности, пересекающейся с рядом скрытых явлений и процессов, порождающих полисемию, энантиосемию, оттеночность и т. п. [Власова 2014]. Однако можно встретить и другие наименования данного феномена – «смысловая неопределенность» [Попов 2023], «семантическая неопределенность» [Семина 2009], «широкозначность лексики» и мн. др. [Семина 2009]. Актуализированные термины, являясь в целом синонимами, могут вносить свои грани в определение этого многоаспектного понятия. Даже в одном исследовании авторы употребляют несколько терминов для представления одного и того же феномена.

В последние годы в мировой науке появилось многообразие методов анализа семантической нечеткости. Так, например, среди традиционных методов выделяются следующие:

- 1) лексико-семантический анализ текстов, отдельных лексем и фраз [Escher 2019];
- 2) эксперименты, опросы и тесты с дальнейшей интерпретацией полученных данных [Leffel et al. 2019].

В зарубежных разработках идет активный поиск инструментов устранения неоднозначностей с целью снижения уровня неопределенности посредством использования различных знаний и механизмов. Основное внимание уделяется нормам и стандартам того, что обозначать в качестве определенного и неопределенного. Так, к некоторым перспективным способам работы с семантической неоднозначностью текстов относят:

- 1) методы контент-анализа и анализа намерений [Bosworth 2020];
- 2) концептуальные, лингвокогнитивные, дискурсивные и другие междисциплинарные подходы (анализ когнитивных метафор, структур, пропозиций и т. д.) [Binder, Fissell 2019; Bosworth 2020];
- 3) применение компьютерных программ для изучения неопределенности лексики и текстов [Safaryan et al. 2021].

В рамках отечественных исследований ученые также используют как традиционные [Кондаков 2018б], так и современные методы анализа нечеткой («текучей») семантики [Савельев 2020]. В «смысловом бассейне» исследований отражаются явление полисемии онимов, метафор, использование информационных эвфемизмов, восприятие культурных текстов в целом. К примеру, в контексте психолингвистического эксперимента с именами собственными (на материале личных имен) в статье З. А. Харитончик [Харитончик 2021] обосновывается тезис о расплывчатой семантике онимов. Раскрывается синкретизм и семантическая неопределенность данной категории имен. Они возникают в связи с наличием у их референтов множества различных признаков. Это создает противоречивую ситуацию, при которой, с одной стороны, у имен появляются дополнительные возможности для актуализации в высказываниях; с другой стороны, возникают трудности при декодировании текста у слушателя (читателя, воспринимающего субъекта). Эвфемизмы как прагматический компонент метаязыковых высказываний изучены в работе Г. П. Байгариной [Байгарина 2022]. Автором представлен анализ информационных эвфемизмов с точки зрения средств «уменьшения социальной напряженности». В статье выявлены некоторые типичные для современной медиакартины мира эвфемизмы, являющиеся объектом языковой рефлексии; описаны метаоператоры, комментирующие эвфемистические единицы (элементы вуалирования «нежелательного смысла» прямой номинации). В публикации И. В. Кондакова [Кондаков 2018а] представлены актуальные проблемы изучения экранной культуры в аспекте смысловой неопределенности. Ученым установлено, что сопричастность двухуровневого субъекта медиакультуры («зрителя-читателя») смысловой неопределенности диктует на сегодняшний день специфику восприятия текстов в целом.

В настоящее время в границах изучения смысловой неопределенности существует тренд на усложнение языка юридических документов. В аспекте сложности понимания рассматривается язык юридических документов в трудах С. А. Белова с коллегами [Белов, Гулида 2019; Белов, Тарасова 2019; Блинова, Белов 2021]. Интересны результаты исследований проблемы юридизации общенародного языка. Авторами сделан акцент на том, что во многих случаях суды не признают факт того или иного непонимания доказанным. Вместе с тем, как показывает практика, при вынесении судебного решения выявляются случаи, в которых факт непонимания был доказан. В этом плане обозначена необходимость разработки такой методологии, которая могла бы четко определить и зафиксировать непонятность того или иного юридического документа. В работе [Марчук 2017] в ракурсе использования неклассических методов анализа категорий «неопределенности» и «определенности» показаны некоторые результаты деятельности специалистов научно-практического центра по обнаружению криминогенных рисков. Они связаны с установлением движения от неопределенности к определенности уголовно-правового регулирования. В статье Л. А. Морозовой [Морозова 2020] обосновывается тезис о том, что толкование нормативных правовых актов предшествует конкретизации. Автором раскрываются функциональное своеобразие актов конкретизации, их юридическая природа, юридическая сила, юридический инструментарий. Их используют для устранения смысловой неопределенности нормативных предписаний, поскольку правоконкретизирующий акт имеет нормативное содержание, которое дополняет основной нормативный правовой акт, раскрывает, уточняет его смысл.

В направлении исследования юридической терминологии в статье В. Л. Попова [Попов 2023] проведен многофакторный анализ требований уголовно-процессуального закона к заключению эксперта. Автором выделен ряд содержащихся в законе терминов, которые не имеют однозначного толкования, а именно: «содержание заключения эксперта»; «результат»; «выводы»; «методика»; «метод» и прочее. Предложены некоторые авторские определения данных понятий. Статья Т. И. Михайлиной [Михайлина 2016] посвящена исследованию взаимосвязи языка и политики. Автором высвечена специфика смысловой неопределенности политического дискурса. Отмечено, что проблема перевода политической лексики, которая характеризуется семантической неопределенностью различного типа, заслуживает особого внимания. Актуализируется необходимость прагмалингвистического анализа лексем в конкретных контекстах с использованием различных методов перевода (путем подбора эквивалентов, описательного перевода, дополнения, конкретизации, обобщения и т. д.). В очерченном аспекте [Булатова 2019] проанализированы особенности смысловой структуры политических PR-публикаций, одной из особенностей которых является семантическая неопределенность ряда компонентов и (или) неопределенность логической связи между ними. Автор приходит к выводу о том, что продуцирование имплицитных смыслов, семантически неопределенных элементов производится в расчете на воздействующий эффект.

В переводческом аспекте [Арсаханова 2021] описаны метафоры перевода, которые выполняют познавательную, коммуникативную, металингвистическую, риторическую, эстетическую, мнемоническую,

мотивационную и статусную функции. Подчеркнуто, что пренебрежение исходной формой метафоры для удобства читателя является одним из худших способов для перевода, поскольку двусмысленность, неопределенность зависят от многих факторов, в том числе от теории языка, теории перевода, трактовки оригинального, социального контекста. В статье О. В. Голубевой [Голубева 2022] изучаются когнитивные основы переводческой деятельности в аспекте рассмотрения естественной («живой») коммуникации. Влияние языковых и неязыковых факторов, способствующих возникновению смысловой неопределенности, опосредует разную степень проявления «я» переводчика в динамике преодоления тех или иных трудностей при переводе.

Безусловно, контекст накладывает свой отпечаток на уровень неоднозначности того или иного текста, в том числе юридического. Например, в статье [Паращук, Виткова 2019] представлены приемы устранения неопределенности семантического содержания информационных объектов. Используются алгоритмы обработки противоречивых, нечетких знаний по обнаружению и противодействию нежелательной, сомнительной, вредоносной информации, циркулирующей в социальных сетях и Интернете. Авторами обосновывается целесообразность совместного применения нейросетевых методов с методами обработки нечетких знаний, поскольку эти методы позволяют устранить неопределенность (неполноту, противоречивость и т. п.) смыслового наполнения информационных объектов. Это формирует объективность поиска потенциально опасных данных, достоверность контент-анализа.

Для изучения смысловой неоднозначности весьма эффективна универсальная методика обратного машинного перевода (ОМП) и сравнения текстов по сходству [Голев 2022]. Так, при МП исходный текст переводится на другой язык с помощью машинного перевода. Далее происходит обратный перевод текста на исходный язык. В процессе перевода и обратного перевода могут выявиться скрытые значения, нюансы, которые не были явными в исходном тексте. В аспекте смысловой диффузии обратный машинный перевод позволяет определить места, где текст может быть интерпретирован по-разному, поскольку эти зоны становятся более очевидными при переводе и сопоставлении двух текстов. ОМП высвечивает некоторые культурные особенности. Несоответствия в грамматике, стиле исходного и полученного текста, как правило, свидетельствуют о возможной неясности оригинала.

Преимущества реверсивного перевода заключаются в следующем.

1. ОМП применим к различным текстам, в том числе литературные произведения, юридические документы.
2. Процесс реверсивного перевода автоматизирован, что сокращает время анализа текста.
3. Обратный машинный перевод позволяет взглянуть на текст с «нейтральной» точки зрения, что снижает риск субъективных оценок.

Обратный машинный перевод является мощным инструментом для анализа текста и выявления смысловой неоднозначности. Он помогает авторам и переводчикам улучшать свои тексты, делая их более четкими и однозначными.

В контексте данной работы исследование лексико-семантической неоднозначности мотивировано предположением, что понимание юридической терминологии, языка юридических документов имеет особую значимость в процессе юридизации общества в различных сферах. Например, в рамках темы экологии и природопользования наблюдается неопределенность и двусмысленность в употреблении отдельных слов и фраз. Установлено, что обозначенная ситуация весьма сильно осложняется терминологической неопределенностью. Например, четко не раскрыта взаимосвязь таких понятий, как «рекультивация земель» и «действия по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды» [Лунева 2016; Лисина 2022]. В этом же плане одним из актуальных вопросов считается неопределенность при использовании достаточно большого количества терминов, среди которых встречаются такие конструкции, как «информация о состоянии окружающей среды», «сведения о состоянии экологии», «экологическая информация» и мн. др. [Лисин 2020]. В публикации И. А. Аграновской [Аграновская 2015] приведены классификации структуры экологической науки, обобщены многообразные значения термина «экология». Материалом для анализа автора послужили одноязычные словари. Весьма актуально, на наш взгляд, проследить, как разворачивается семантика многозначных слов, которые представлены в разноязычных словарях.

Итак, семантическая нечеткость является феноменом, который повсеместно встречается в жизни, культуре, истории. Она является показателем потенциальной напряженности события или процесса познания. Пересечение неопределенности и напряженности в восприятии читателя сопряжено с потенциальным конфликтом интерпретации [Рикёр 2008]. Различные трактовки, противоречия в истолковании текстов становятся некими стадиями понимания, перепонимания, недопонимания и т. п. Исследования показывают, что дискурс (контекст, в котором используется текст) играет важную роль в формировании смысловой неопределенности. Дискурсивный анализ позволяет выявлять скрытые смыслы, которые могут быть недоступны при поверхностном чтении. Разные регистры подразумевают разную степень неоднозначности текстов. Например, в деловых и юридических текстах не допускается использовать фразы, выражения, слова, которые могут быть восприняты двояко. Сам дискурс предполагает ясность, жесткость содержания и формы. При этом художественные, философские тексты открыты для множественных интерпретаций. А в рамках «живого» общения, повседневного дискурса, онлайн-дискурса достаточно сложно избежать смысловой неопределенности. Следовательно, чем выше степень смысловой неоднозначности текста, тем больше вероятность противоречивых интерпретаций.

Выводы.

Таким образом, в настоящей статье мы рассмотрели методы анализа смысловой неопределенности, релевантные для современной лингвистики перевода. Исследование семантической неоднозначности текстов с точки зрения цифровой трансформации является актуальной задачей на новом этапе развития языкознания. Разработка новых

методов анализа семантической двойственности может способствовать пониманию текстов, предотвращению недоразумений при общении, в том числе в контексте обработки цифрового контента, информационной безопасности с учетом возможностей использования нейронных сетей при анализе текста.

Семантическая неопределенность является неотъемлемой частью естественного языка, который способен передавать при помощи многозначных слов, синтаксической гибкости многогранные смыслы. И именно эта гибкость создает риск возникновения конфликтов толкований. Современная наука предоставляет целый спектр методов выявления семантической неопределенности: 1) концептуальный метод (исследует концептуальную структуру текста, анализирует взаимосвязь между понятиями; выясняет, как они влияют на формирование смысла); 2) лингвокогнитивные и дискурсивные методы (анализ текста с точки зрения его связи с когнитивными процессами и прочее); 3) анализ когнитивных метафор, структур, высказываний и т. д. (может обеспечить более глубокое понимание того, как человек конструирует свои мысли); 4) контент-анализ (выявление тем и идей текста; анализ частоты употребления тех или иных слов и фраз); 5) интенциональный анализ (изучение замысла, цели и мотивации написания текста); 6) использование компьютерных программ и цифровых методов (автоматизируют процесс установления областей неопределенности). Различные методы идентификации смысловой диффузии дают возможность минимизировать риск потенциальных противоречивых интерпретаций, позволяют более точно понять текст. Важно понимать, что тексты не являются статичными объектами, а активно взаимодействуют с читателями, генерируя новые значения на основе контекста и специфики процесса смыслового восприятия текста.

За рамками данной работы в некоторой степени остались проблемы анализа и интерпретации конкретных текстов, слов, фраз, которые содержат в себе семантическую неоднозначность. В перспективы обозначенного исследования смысловой нечеткости лексики и текста включаются расширение материала для изучения, установление того, насколько текст является понятным и (или) непонятным для читателей, законопослушных граждан.

Литература

- Binder G., Fissell B.* A political interpretation of vagueness doctrine / *University of Illinois Law Review*. – 2019. – № 5. – Pp.15–27.
- Bosworth W.* An interpretation of political argument / *European Journal of Political Theory*. – 2020. – № 19 (3). – Pp. 293–313. – DOI: 10.1177/1474885116659842.
- Escher A.* When It Is Vague What Is Vague: Identifying Vagueness / *Legal Interpretation and Scientific Knowledge*. – 2019. – № 2. – Pp.161–186. – DOI: 10.1007/978-3-030-18671-5_7.
- Ferreira F., Yang Z.* The Problem of Comprehension in Psycholinguistics / *Discourse Processes*. – 2019. – № 56 (7). – Pp. 485–495. – DOI: 10.1080/0163853X.2019.1591885.
- Leffel T. [et al.].* Vagueness in implicature: The case of modified adjectives / *Journal of Semantics*. – 2019. – № 2 (36). – Pp. 317–348. – DOI: 10.1093/jos/ffy020.
- Muneer A., Fati S. M.* A comparative analysis of machine learning techniques for cyberbullying detection on twitter / *Future Internet*. – 2020. – № 12 (11). – Pp. 1–20. – DOI: 10.3390/fi12110187.
- Safaryan O. [et al.].* Development of Semantic Analysis Software Tool for Solving Problems of Text Formalization / *Journal of Physics: Conference Series*. – 2021. – № 2. – P. 022100. – DOI: 10.1088/1742-6596/2131/2/022100.
- Аграновская И. А.* Полисемия термина «Экология» / *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. – 2015. – № 3. – С. 121–130.
- Арсаханова М. А. Х.* Метафора и особенности ее перевода / *Успехи гуманитарных наук*. – 2021. – №12. – С. 199–203.
- Байгарина Г. П.* Эвфемизмы как прагматический компонент метаязыковых высказываний / *Говор: альманах*. – 2022. – № 9. – С. 831–835. – DOI: 10.48612/govor/2d9h-8nav-7e2f.
- Белов С. А., Гулида В. Б.* Язык юридических документов: сложности понимания / *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. – 2019. – № 1. – С. 56–103.
- Белов С. А., Тарасова К. В.* Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? / *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. – 2019. – № 10(4). – С. 610–625. – DOI: 10.21638/spbu14.2019.401.
- Блинова О. В., Белов С. А.* Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах / *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. – 2021. – № 11(4). – С. 774–812. – DOI: 10.21638/spbu14.2020.401.
- Булатова Э. В.* Особенности смысловой структуры политических предвыборных PR-публикаций / *Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире: сб. науч. тр. Под ред. Л. А. Закс*. Екатеринбург, 2019. – С. 326–334. – DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J04.
- Власова Л. В.* Семантическая диффузия, семантическая неопределенность: определение понятий / *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. – 2014. – № 2. – С. 128–132.
- Голев Н. Д.* Транслятивная лингвистика (аспектуализированный обзор исходных положений. Часть 1. Гносеология перевода / *Вестник Кемеровского государственного университета*. – 2022. – № 6 (94). – С. 717–734. – DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-6-717-734.
- Голев Н. Д., Ким Л. Г.* Диктумно-модусный плюрализм виртуального диалогического дискурса (на материале интернет-комментариев) / *Медиалингвистика*. – 2023. – № 10 (1). – С. 4–26. – DOI: 10.21638/spbu22.2023.101.

- Голубева О. В. Переводческая деятельность как способ познания мира / Этнопсихоллингвистика. – 2022. – № 1(8). – С. 21–34. – DOI: 10.31249/epl/2022.01.02.
- Кондаков И. В. Культурная семантика «заэкранного» пространства / Художественная культура. – 2018а. – № 1(23). – С. 32–45.
- Кондаков И. В. Поэтика смысловой неопределенности / Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2018б. – № 2-2 (35). – С. 173–182. – DOI: 10.28995/2073-6355-2018-2-172-182.
- Краснянская Т. И. К обоснованию понятия «напряженность слова» в контексте общественно-публицистической коммуникации / Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – № 1. – С. 1–11.
- Лисин И. Г. Неопределенность понятия «Экологическая информация» при реализации права граждан на благоприятную окружающую среду / Теория и практика современной науки. – 2020. – № 5 (59). – С. 263–267.
- Лисина Н. Л. Правовая природа рекультивации земель / Аграрное и земельное правоотношение. – 2022. – № 12 (216). – С. 84–86. – DOI: 10.47643/1815-1329_2022_12_84.
- Лунова Е. В. Правовая позиция судов о соотношении рекультивации земель и восстановления окружающей среды / Марийский юридический вестник. – 2016. – № 2 (17). – С. 70–73.
- Марчук В. В. О содержательной стороне функций науки уголовного права / Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 3(59). – С. 96–100.
- Михайлина Т. И. Политический дискурс: управление информационной картиной мира (на материале английского языка) / Коммуникология. – 2016. – № 3. – С. 105–109.
- Морозова Л. А. Правоконкретизирующие акты: понятие и специфика / Государство и право. – 2020. – № 11. – С. 149–153. – DOI: 10.31857/S102694520012588-7.
- Остринская Н. Н. Лексические средства создания эмоционально-экспрессивной напряженности художественного дискурса / Человек. Язык. Культура. – 2013. – Ч. 2. – С. 327–333.
- Паращук И. Б., Виткова Л. А. Методы устранения неопределенности анализа смыслового наполнения информационных объектов на основе использования алгоритмов обработки неполных, противоречивых и нечетких знаний / Региональная информатика и информационная безопасность: ст. в сб. тр. конф. Под ред. Б. Я. Советова, Р. М. Юсупова, В. В. Касаткина. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 262–266.
- Попов В. Л. Терминологическая и смысловая неопределенность уголовно-процессуальной регламентации содержания заключения эксперта / Судебно-медицинская экспертиза. – 2023. – № 2. – С. 56–59. – DOI: 10.17116/sudmed20236602156.
- Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 2008.
- Савельев Д. А. Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации / Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 50–74.
- Семина И. А. Широкозначность и семантическая неопределенность / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 1 (3). – С. 185–190.
- Харитончик З. А. Семантическая неопределенность имен собственных, или что значит «Ты – настоящий Эйнштейн!» / Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 2(45). – С. 181–190.
- Шехтман Н. А. Семантическая напряженность текста и его понимание / Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2013. – № 12. – С. 166–172.

References

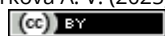
- Agranovskaya, I. A. (2015). Polysemy of the term «Ecology». Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics, 3, 121–130 (in Russian).
- Arsakhanova, M. A. Kh. (2021). Metaphor and features of its translation. Advances in the Humanities, 12, 199–203 (in Russian).
- Baygarina, G. P. (2022). Euphemisms as a pragmatic component of metalinguistic utterances. Govor: almanac, 9, 831–835. DOI: 10.48612/govor/2d9h-8nav-7e2f (in Russian).
- Belov, S. A., Gulida, V. B. (2019). The language of legal documents: difficulties of understanding. Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research, 1, 56–103 (in Russian).
- Belov, S. A., Tarasova, K. V. (2019). Understandability of the texts of legal documents: fiction or presumption? Bulletin of St. Petersburg University. Right, 10(4), 610–625. DOI: 10.21638/spbu14.2019.401. (in Russian).
- Binder, G., Fissell, B. (2019). A political interpretation of vagueness doctrine. University of Illinois Law Review, 5, 15–27.
- Blinova, O. V., Belov, S. A. (2021). Linguistic ambiguity and uncertainty in Russian legal texts. Bulletin of St. Petersburg University. Right, 11(4), 774–812. DOI: 10.21638/spbu14.2020.401. (in Russian).
- Bosworth, W. (2020). An interpretation of political argument. European Journal of Political Theory, 19(3), 293–313. DOI: 10.1177/1474885116659842.
- Bulatova, E. V. (2019). Features of the semantic structure of political election PR publications. Russian people and power in the context of radical changes in the modern world: collection. scientific tr. Ed. L. A. Zaks. Ekaterinburg, 326–334. DOI: 10.35853/UfH-RMP-2019-J04 (in Russian).
- Escher, A. (2019). When It Is Vague What Is Vague: Identifying Vagueness. Legal Interpretation and Scientific Knowledge, 2, 161–186. DOI: 10.1007/978-3-030-18671-5_7.

- Ferreira, F., Yang, Z. (2019). The Problem of Comprehension in Psycholinguistics. *Discourse Processes*, 56(7), 485–495. DOI: 10.1080/0163853X.2019.1591885.
- Golev, N. D. (2022). Translational linguistics (aspectualized review of the starting points. Part 1. Epistemology of translation. *Bulletin of Kemerovo State University*, 6 (94), 717-734. DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-6-717-734 (in Russian).
- Golev, N. D., Kim, L. G. (2023). Dictum-modus pluralism of virtual dialogic discourse (based on Internet comments). *Medialinguistics*, 10 (1), 4–26. DOI: 10.21638/spbu22.2023.101 (in Russian).
- Golubeva, O. V. (2022). Translation activity as a way of understanding the world. *Ethnopsycholinguistics*, 1(8), 21–34. DOI: 10.31249/epl/2022.01.02 (in Russian).
- Kharitonchik, Z. A. (2021). Semantic ambiguity of proper names, or what does “You are a real Einstein!” mean. *Cognitive studies of language*, 2(45), 181-190 (in Russian).
- Kondakov, I. V. (2018). Cultural semantics of the «behind-screen» space. *Artistic culture*, 1(23), 32–45 (in Russian).
- Kondakov, I. V. (2018). Poetics of semantic uncertainty. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology*, 2-2 (35), 173–182. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-2-172-182 (in Russian).
- Krasnyanskaya, T. I. (2023). Towards the justification of the concept of “word tension” in the context of social and public communication. *World of Science. Sociology, philology, cultural studies*, 1, 1–11 (in Russian).
- Leffel, T. [et al.]. (2019). Vagueness in implicature: The case of modified adjectives. *Journal of Semantics*, 2(36), 317–348. DOI: 10.1093/jos/ffy020.
- Lisin, I. G. (2020). Uncertainty of the concept “Environmental information” in the implementation of the right of citizens to a favorable environment. *Theory and practice of modern science*, 5(59), 263–267 (in Russian).
- Lisina, N. L. (2022). Legal nature of land reclamation. *Agrarian and land legal relations*, 12(216), 84–86. DOI: 10.47643/1815-1329_2022_12_84 (in Russian).
- Luneva, E. V. (2016). Legal position of the courts on the relationship between land reclamation and environmental restoration. *Mari Legal Bulletin*, 2(17), 70–73 (in Russian).
- Marchuk, V. V. (2017). On the content side of the functions of the science of criminal law. *Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 3(59), 96–100 (in Russian).
- Mikhailina, T. I. (2016). Political discourse: managing the information picture of the world (based on the English language). *Communicology*, 3, 105–109 (in Russian).
- Morozova, L. A. (2020). Law-specifying acts: concept and specificity. *State and law*, 11, 149–153. DOI: 10.31857/S102694520012588-7 (in Russian).
- Muneer, A., Fati, S. M. (2020). A comparative analysis of machine learning techniques for cyberbullying detection on twitter. *Future Internet*, 12(11), 1–20. DOI: 10.3390/fi12110187.
- Ostrinskaya, N. N. (2013). Lexical means of creating emotional and expressive tension in artistic discourse. *Man. Language. Culture*, 2, 327–333 (in Russian).
- Parashchuk, I. B., Vitkova, L. A. (2019). Methods for eliminating uncertainty in the analysis of the semantic content of information objects based on the use of algorithms for processing incomplete, contradictory and fuzzy knowledge. *Regional informatics and information security: art. on Sat. tr. conf. Ed. B. Ya. Sovetova, R. M. Yusupova, V. V. Kasatkina. St. Petersburg*, 262–266 (in Russian).
- Popov, V. L. (2023). Terminological and semantic uncertainty of the criminal procedural regulation of the content of an expert's opinion. *Forensic medical examination*, 2, 56–59. DOI: 10.17116/sudmed20236602156. (in Russian).
- Ricoeur, P. (2008). *Conflict of interpretations: Essays on hermeneutics*. Moscow (in Russian).
- Safaryan, O. [et al.]. (2021). Development of Semantic Analysis Software Tool for Solving Problems of Text Formalization. *Journal of Physics: Conference Series*, 2, 022100. DOI: 10.1088/1742-6596/2131/2/022100.
- Savelyev, D. A. (2020). Study of the complexity of sentences that make up the texts of legal acts of government bodies of the Russian Federation. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 1, 50-74 (in Russian).
- Semina, I. A. (2009). Broad meaning and semantic ambiguity / *Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*, 1(3), 185-190 (in Russian).
- Shekhtman, N. A. (2013). Semantic tension of the text and its understanding. *Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University*, 12, 166–172 (in Russian).
- Vlasova, L. V. (2014). Semantic diffusion, semantic uncertainty: definition of concepts. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 2, 128–132 (in Russian).

Citation:

Иркова А. В. Оценка методов анализа семантической неоднозначности лексики и текста // *Юрислингвистика*. – 2025. – 35. – С. 111-117.

Irkova A. V. (2025) Evaluation of Methods for Analyzing Semantic Ambiguity of Vocabulary and Text. *Legal Linguistics*, 35, 111-117.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. ИНФОРМАЦИЯ

Право, пробация, справедливость: к юбилею Максима Ростиславовича Геты

К. Х. Рахимбердин

*НАО «Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова»
ул.Казахстан, 55, 070000, г.Усть-Каменогорск, Республика Казахстан*

Когда-то, французский философ, математик и ученый Рене Декарт, произнес фразу, ставшую крылатой: «Я мыслю, следовательно, я существую» (*Cogito, ergo sum*). Думается, что она актуальна, для каждого исследователя, для которого стремление и способность мыслить, генерировать идеи и творить, является одним из смыслов собственного бытия.

Сфера научных интересов Максима Ростиславовича Геты связана с уголовным правом, криминологией, уголовно-исполнительным правом, проблемами альтернатив уголовному наказанию и имплементацией международных стандартов обращения с осужденными. Более 20 лет жизни М.Р. Гета прошло в Казахстане, в г. Усть-Каменогорске, в котором Максим Ростиславович преподавал на кафедре уголовного права и уголовного процесса, с 1993 по 2004 годы.

На этом поприще, судьба свела его с выдающимся российским ученым в области уголовно-исполнительного права и пенологии, доктором юридических наук, профессором, Заслуженным юристом РФ Олегом Вадимовичем Филимоновым – ярким представителем Томской научной школы уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права А.Л. Ременсона. На тот момент Олег Вадимович находился у истоков создания юридического факультета Восточно-Казахстанского государственного университета, был его первым деканом. Аспирантом профессора О. В. Филимонова стал М.Р. Гета. Под его научным руководством Максим Ростиславович успешно защитил в диссертационном совете Томского государственного университета диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Пробация и ее перспективы в уголовном праве Республики Казахстан». Тем самым определился устойчивый научный интерес М.Р. Геты к различным аспектам альтернатив наказанию, к основаниям и пределам их применения. В этот период времени в Казахстане, в ряде государств Центральной Азии и в Российской Федерации формируется четкая направленность уголовной политики на сокращение численности «тюремного населения», на расширение сферы применения альтернативных непенитенциарных санкций. Максим Ростиславович активно участвует в процессе поиска путей практического воплощения идей и теоретических конструкций, связанных с альтернативными средствами уголовно-правового воздействия.

Он включается в работу международных научно-практических конференций, посвященных гуманизации уголовной и уголовной исполнительной политики, состоявшихся в городах Алматы, Бишкеке, Варшаве, Душанбе, Москве, Ташкенте, Томске и т.п. Он плодотворно общался с такими учеными как доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ В. А. Уткин, доктор юридических наук, академик НАН РК Г. С. Сапаргалиев, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ В.И. Селиверстов, доктор юридических наук, профессор Л. М. Прокументов, доктор юридических наук, профессор Н.В. Щедрин, доктор юридических наук, профессор Л.Ч. Сыдыкова, профессор Варшавского университета Моника Платек и другими исследователями.

С 2004 года Максим Ростиславович Гета трудится в качестве доцента кафедры уголовно-правовых дисциплин Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета в г. Новокузнецке. Обучая и воспитывая студентов-юристов, он продолжил активное занятие творческой, научной деятельностью, развивая идеи своего Учителя О. В. Филимонова и стремясь к их практической реализации. В период с 2003 по 2005 годы, он посещает научно-прикладные мероприятия по вопросам совершенствования и гуманизации исполнения наказаний в Кыргызской Республике и в Республике Таджикистан. С 2013 по 2016 год входит в состав рабочих групп по подготовке проекта Закона «О пробации» и нового Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики. Немного ранее, с 2010 года он участвует в деятельности по подготовке проекта Закона «О пробации в Республике Казахстан», создает авторскую концепцию модели пробации Казахстана, многие положения которой впоследствии нашли отражение в национальном законодательстве Республики Казахстан.

В 2018–2019 годах М.Р. Гета по приглашению Центрально-Азиатского представительства Управления ООН по наркотикам и преступности, разработывал концепцию нового Уголовно-исполнительного кодекса Республики Узбекистан, подготовил и обосновывал предложения по закреплению пробации как формы посткриминального контроля в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Республики Узбекистан. Он также вносил предложения, касающиеся содержания проекта Общей части Уголовного кодекса, работа над которым велась в те годы в Узбекистане.

Конечно в течение всего этого периода и по настоящее время М. Р. Гета продолжает исследовательскую, научно-теоретическую деятельность. Им опубликовано более 70 научных работ, включая монографии, учебные пособия, статьи в сборниках трудов научных конференций, в журналах рецензируемых ВАК РФ и в зарубежных научных изданиях. Его важным доктринальным достижением стала монография «Уголовное право: пределы, объекты и средства воздействия в борьбе с преступностью в современной России». В ней автор, в частности, выдвинул и обосновал оригинальную концепцию уголовного проступка, исследовал сложную проблему границ альтернативных средств уголовно-правового характера, предложил концептуальную модель пробации и целый ряд положений авторского проекта Общей части Уголовного кодекса РФ. Монография получила положительную рецензию в авторитетном журнале Института научной информации по общественным наукам РАН «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: государство и право» (2017-№1. – с.107-110, Е.В. Алферова).

Не мог Максим Ростиславович пройти мимо процесса обсуждения, принятого Федерального закона РФ от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации». С критикой его основных положений, он выступал на научных конференциях и форумах в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре и Новокузнецке.

По официальному приглашению доктора юридических наук, профессора В.И. Селиверстова он принимал участие в работе XIV Российского конгресса уголовного права на тему «Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии» в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова 30 - 31 мая 2024 года. На этом академическом мероприятии М. Р. Гета выступал с докладом, вызвавшим интерес и внимание слушателей, посвященным развитию пробации в России. Помимо критики, в нем звучали концептуальные, конструктивные предложения, относительно соединения пробационного контроля и воздействия, направленного на создание условий для социальной реинтеграции правонарушителей.

Наряду с исследовательской деятельностью Максим Ростиславович занимается педагогическим трудом, успешно вовлекая в научное творчество студентов и магистрантов Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета, активно сотрудничает с Кузбасским институтом ФСИН РФ. Для проведения лекционных занятий и встреч со студентами и магистрантами, профессорско-преподавательским составом по международной программе академической мобильности он был неоднократно приглашен в Высшую школу бизнеса и права Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова.

Максим Ростиславович Гета не останавливается на достигнутом и продолжает служить избранному делу на поприще юридической науки и высшего образования. Он глубоко чтит память своего Учителя, профессора Олега Вадимовича Филимонова, обосновывая и отстаивая те идеи и положения, которые считает истинными и наиболее приемлемыми для эффективного развития института альтернатив наказанию.

Citation:

Рахимбердин К. Х. Право, пробация, справедливость: к юбилею Максима Ростиславовича Геты // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 118-119.

Rakhimberdin K. Kh. (2025) Law, Probation, Justice: in Honor of Maksim Rostislavovich Geta. Legal Linguistics, 35, 118-119.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 27.03.2025 г.

Дата публикации издания 01.04.2025 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2025